

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

1 (35)

2023

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2022 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

- Жильцов С.С.* – главный редактор, д-р полит. наук
- Егоров В.Н.* – заместитель главного редактора, канд. ист. наук
- Фаустова Н.А.* – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
- Варфоломеев А.А.* – канд. полит. наук
- Закаурцева Т.А.* – д-р ист. наук
- Зверева Т.В.* – д-р полит. наук
- Иванов О.П.* – д-р полит. наук
- Ишин А.В.* – д-р ист. наук
- Карпович О.Г.* – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
- Конопляник А.А.* – д-р экон. наук
- Косов Г.В.* – д-р полит. наук
- Липкин М.А.* – д-р ист. наук
- Мастепанов А.М.* – д-р экон. наук
- Неймарк М.А.* – д-р ист. наук
- Ногмова А.Ш.* – канд. полит. наук
- Пашенцев Е.Н.* – д-р ист. наук
- Сидорова Л.Н.* – канд. полит. наук
- Ткаченко М.Ф.* – д-р экон. наук
- Усманов Р.Х.* – д-р полит. наук
- Цвык В.А.* – д-р филос. наук
- Юнглод В.Т.* – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru
Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Жильцов С.С.</i> Климатическая повестка: проблемы и новые вызовы	6
<i>Апанович М.Ю.</i> Трансформация международных миграционных процессов	17
<i>Фадеева Е.В.</i> Стратегии участников территориальных конфликтов в условиях трансформации мирового порядка: историографический аспект	30
<i>Тутаева Н.И., Коптелова И.Е., Гусарова Н.Г.</i> Перспективы решения проблемы продовольственного обеспечения в мире в свете антироссийских санкций	55

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Вепрев Е.А.</i> Геоэкономика освоения Арктической зоны РФ	69
<i>Томберг И.Р.</i> Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии	91
<i>Карачин И.О.</i> Миграционные риски в ЕАЭС	105
<i>Сейдуманов А.С.</i> Политическая модернизация Казахстана: предпосылки, концепция, сценарии реализации	121
<i>Черницына С.Ю.</i> Политика Китая в Каспийском регионе	139

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Бажан Н.С.</i> Посольский приказ: история создания, цели, задачи и направления деятельности	150
<i>Лаврухин М.В.</i> История появления международной террористической организации	172

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Неймарк М.А.</i> Свет, полумрак или тьма в конце туннеля: куда ведет кризис мультилатерализма?	198
<i>Райнхардт Р.О.</i> Экономическая дипломатия: слово профессионалам	207

К сведению авторов	212
-------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021).

- 5.2.5. World economy;
- 5.5.2. Political institutions, Processes,

Technologies;

- 5.5.4. International relations;
- 5.6.7. The history of international relations and foreign policy.

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 2nd half of 2022 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)

Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsyvk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФЦ77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2023

© Page make-up. «Kvant Media», 2023

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Sergey Zhiltsov</i> . The Climate Agenda: Problems and New Challenges	6
<i>Maria Apanovich</i> . Transformation of the International Migration Process.	17
<i>Ekaterina Fadeeva</i> . Strategies of Participants of Territorial Conflicts in the Transforming World Order: A Historiographic Aspect	30
<i>Natalia Tutaeva, Irina Koptelova, Natalia Gusarova</i> . The Perspectives of Solving the Problem of Food Security in the World in the Light of Anti-Russian Sanctions	55

REGIONAL PROBLEMS

<i>Egor Veprev</i> . Geoeconomics of the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation	69
<i>Igor Tomberg</i> . The Russian World As an Element of Russia's "Soft Power" in Central Asian Countries	91
<i>Igor Karachin</i> . Migration Risks in the EAEU	105
<i>Alnur Seidumanov</i> . Political Modernization of Kazakhstan: Prerequisites, Concept, Implementation Scenarios	121
<i>Sofiya Chernitsyna</i> . China's Policy in the Caspian Region	139

HISTORY AND RELIGION

<i>Natalia Bazhan</i> . Ambassador's Office: History of Creation, Goals, Tasks and Activities	150
<i>Maxim Lavrukhin</i> . History of the Emergence of an International Terrorist Organisation	172

ACADEMIC LIFE

<i>Mark Neimark</i> . Light, Shade or Darkness in the End of the Tunnel: Where Does Crisis of Multilateralism Lead?	198
<i>Roman Reinhardt</i> . Economic Diplomacy: Giving the Floor to Professionals	207

Notice to the authors	212
--	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Science and Political Philosophy
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА: ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

THE CLIMATE AGENDA: PROBLEMS AND NEW CHALLENGES

Аннотация: статья посвящена исследованию проблемы климата, которая находится в фокусе внимания многих стран мира. Климатическая повестка тесно связана с вопросами финансирования климатических мероприятий. Конференция по климату, которая прошла осенью 2022 года, вновь была посвящена вопросам смягчения последствий от изменения климата, выработке механизма компенсаций развивающимся странам от убытков, которые они несут в связи с изменением климата. Данный вопрос представляет особый интерес для развивающихся стран, которые не имеют необходимых ресурсов для того, чтобы справиться с последствиями от климатических изменений. Итоги Конференции показали, что выработка общих мер остается ключевой задачей, оставляя климатические изменения в фокусе мировой политики.

Ключевые слова: климат, климатическая повестка, развивающиеся страны, компенсации.

Abstract: the article explores the matter of global climate change, which is in the focus of attention of many countries of the world. The climate agenda is closely linked to the issue of financing of activities aimed at climate change mitigation. The UN Climate Change Conference, which took place in November 2022, dealt again with the questions of mitigating the harmful consequences of climate change, developing a compensation mechanism for developing countries due to the losses they incur. That issue is of particular interest to them since they do not have the necessary resources to cope with the negative effects of climate change. The outcome of the UN conference has demonstrated that the development of common measures remains a key task, bringing the problem of global climate change to the forefront of global politics.

Key words: climate, climate agenda, developing countries, compensation.

Введение

Проблема климата остается одной из приоритетных в мировой политике. Стремительное изменение климата и последствия, которые возникают в связи с этим, фактически вынуждают все страны мира и международные организации вырабатывать меры, направленные на адаптацию к новым вызовам. Комплекс проблем, связанных с климатом, обсуждался в конце 2022 года на климатической Конференции ООН (Conference of the Parties (COP27)).

27-я Конференция ООН по вопросам изменения климата прошла с 6 по 18 ноября 2022 года в Шарм-эль-Шейхе, курортном городе Египта. Конференция по климату отличается тем, что многие страны, принявшие в ней участие, пересмотрели свои планы по борьбе с климатическим кризисом, заявив об амбициозных целях, несмотря на то что в последние годы ранее намеченные планы выполнены не были.

Итоги Конференции в Глазго

Нынешней Конференции предшествовали итоги Конференции по климату в Глазго, которая прошла в ноябре 2021 года. По ее итогам был принят итоговый документ — Климатический пакт Глазго (Glasgow Climate Pact). Документ был направлен на то, чтобы сдерживать глобальное потепление. Однако его принятие происходило достаточно сложно, поскольку участники имели разные позиции. Индия настаивала на более постепенном отказе от использования угля.

Тем не менее главным итогом Конференции в Глазго стало решение отказываться от угольной генерации и переходить к производству чистой энергии. Данную инициативу поддержали около 50 государств, среди которых не оказалось основных потребителей угля. Это, прежде всего, Россия, Китай, США. В итоге остальные страны поддержали идею не выдавать разрешение на новые проекты по производству электроэнергии, которые работают на угле, и расширить масштабы производства чистой энергии.

Не менее амбициозным стало решение о прекращении вырубки лесов. К странам, в которых находится большая часть мировых лесов, относятся Канада, Бразилия, Китай, Индонезия, США и Россия. Последняя располагает около 20 % площадей

лесов от мирового объема. Ожидалось, что на эти цели будет выделено около 20 млрд долл., которые пойдут на борьбу с лесными пожарами.

Помимо этого участники Конференции спорили относительно подходов, направленных на субсидирование производства ископаемого топлива. По оценкам Международного валютного фонда, в 2020 году «субсидии для углеводородного сырья в мире составляли 5,9 трлн долл.» [8]. Отказ от субсидий позволил бы уже к 2025 году снизить выбросы парниковых газов на 36 % и тем самым удержать рост общемировых температур в пределах 1,5°C. В Парижском соглашении 2016 года было зафиксировано, что для избежания последствий глобального потепления, которые могут стать критическими для человечества, необходимо ограничить рост температуры пределом в 1,5°C [10].

Договоренности в Глазго вызвали разные оценки со стороны научного сообщества. Тем не менее «обещание двигаться к миру без сжигания угля и без углеводородных субсидий является историческим и беспрецедентным» [8].

Еще одной острой проблемой, которая обсуждалась на Конференции, была борьба с выбросами метана. Речь шла о сокращении выбросов на 30 % к 2030 году. ЕС и США заявили о готовности сократить его выбросы, а Россия и Китай, являющиеся основными эмитентами метана, не поддержали данное решение.

Наряду с этими решениями на Конференции 2021 года обсуждались вопросы, касающиеся развития атомной энергетики, которая рассматривалась в качестве отрасли, снижающей вред окружающей среде.

На Конференции в Глазго в 2021 году США и Китай подписали декларацию о сотрудничестве в борьбе с изменением климата. Страны взяли на себя обязательство стремиться к тому, чтобы к 2030 году температура не выросла больше чем на 1,5°C. При этом 48 % углеродного следа приходится на 1 % наиболее обеспеченных стран, а от последствий страдают беднейшие страны [13].

Основные проблемы

Конференция ООН по климату 2022 года проходила в Шарм-эль-Шейхе в условиях обострения продовольственной пробле-

мы, энергетического кризиса и на фоне экстремальных погодных условий, которые негативно повлияли на экономическое развитие многих стран.

Одной из ключевых проблем, которая обсуждалась на Конференции в 2022 году, и, вообще, одной из центральных тем COP27 стало требование развивающихся стран к развитым странам предоставить компенсацию за убытки, вызванные изменением климата. Подобное требование связано с тем, что жители наиболее бедных стран мира в большей мере страдают от последствий климатического кризиса. При этом они не располагают необходимыми финансовыми ресурсами, чтобы справиться с последствиями изменения климата. По этой причине ключевой проблемой для бедных стран остаются вопросы, связанные с минимизацией последствий, возникающих от изменения климата. Кроме того, наиболее развитые государства производят большую часть всех выбросов парниковых газов. Большое внимание на климатической Конференции уделялось конкретным проблемам, которые возникают при изменении климата. Для этого были проведены тематические дни, на которых обсуждались сельское хозяйство и другие вопросы [15].

Согласно данным последнего доклада Межправительственной группы экспертов по изменению климата [16], «около половины населения мира крайне чувствительны к последствиям изменения климата» [16]. «Повышают уязвимость такие факторы, как низкое социально-экономическое развитие, неустойчивое использование океана и земли, неравенство, маргинализация людей, колониализм. Так, общества с высоким уровнем неравенства менее устойчивы к изменению климата. Особенно это касается жителей Африки, Азии, Центральной и Южной Америки, Арктики и островов» [16].

Амбициозные задачи

7–8 ноября 2022 года Конференция началась с саммита мировых лидеров. Затем на Конференции обсуждались вопросы климатического финансирования, декарбонизации, адаптации к изменению климата и развития сельского хозяйства. Помимо этих тем рассматривались вопросы гендера, водные ресурсы и биоразнообразие.

На Конференции 2022 года были поставлены амбициозные цели. В частности, ставилась задача добиться выполнения взятых на себя обязательств, которые были зафиксированы в Париже, а потом получили подтверждение в Глазго. Для этого страны намеревались использовать успешные механизмы решения отдельных проблем. Кроме того, страны ставили задачу добиться адаптации к климатическим изменениям. Прежде всего, это касалось стран, которые находятся в уязвимой ситуации. В этом контексте важной выглядела задача создать механизм учета и возмещения потерь от воздействия экстремальных погодных явлений. Это было связано с формированием финансового механизма, способного поддержать развивающиеся страны. Выполнение этой задачи сталкивается с экономическими проблемами последних лет. Долговые проблемы, растущие процентные ставки, изменения на рынках нефти и газа затрудняют выделение необходимых средств, необходимых для климатического финансирования.

Кроме того, развивающиеся страны обращают внимание на подходы, которые используют развитые страны, реализуя финансирование развивающихся стран. Неслучайно премьер-министр Барбадоса Миа Моттли отметила, что необходимо использовать «грантовый, а не кредитный подход к климатическому финансированию» [23]. Более того, министр по вопросам изменения климата Пакистана Шерри Рехман потребовала, чтобы «страны с высоким уровнем дохода заплатили за ущерб, причиненный последствиями изменения климата». Представитель Пакистана отметила, что «наводнения в Пакистане обошлись стране в 30 миллиардов долларов, которые Пакистан не может себе позволить».

Обеспокоенность отсутствием должного внимания к финансированию последствий изменения климата связана с расширением количества проблем, которые возникли в последнее десятилетие, а также с углублением последствий. Например, это касается миграции, которая уже получила название климатической.

К 2050 году количество климатических мигрантов может достичь 216 млн человек [7]. В 2018 году количество климатических мигрантов оценивалось в 140 млн человек. К 2100 году климати-

ческих мигрантов может стать 2 млрд человек. При этом около 75% населения будут жить в районах, несовместимых с жизнью из-за жары. По оценкам Всемирного банка, уже 8 млн человек покинули Юго-Восточную Азию и переехали на Ближний Восток, в Европу и Северную Америку.

Несмотря на критику системы финансирования, США предлагали сохранить систему углеродных кредитов для содействия энергетическому переходу в странах с низким уровнем дохода. При этом ряд стран объявили о переходе к новому принципу финансирования для поддержки ущерба, который возникает от климатических изменений. В частности, об этом заявила Новая Зеландия (12 млн долл. [20]) и Австрия (50 млн евро [11]). Германия и Дания пообещали выделить более 170 млн евро на «Глобальный щит» [22]. Новый фонд должен помочь странам с низким уровнем дохода справиться с климатическими бедствиями, которые нарастают год от года. Ожидается, что переговоры о потерях и ущербе будут продолжены. Помимо этого Германия и США «объявили о выделении более 250 миллионов долларов на поддержку экономики чистой энергии Египта» [14]. В рамках программы будут внедряться новые ветряные и солнечные электростанции, а также выводиться из эксплуатации неэффективные газовые генераторы. «Ожидается, что это повысит энергетическую безопасность за счет высвобождения более двух миллиардов кубометров газа» [21].

Впрочем, на Конференции проявились и противоречия в подходах к решению климатических проблем. Например, КНР отказалась взять на себя обязательства по оказанию экономической помощи уязвимым странам. «Это было воспринято как отступление от своей дипломатической стратегии по созданию прочных связей с развивающимся миром» [26].

Обещания финансирования

Поддержка усилий, направленных на переход к стратегии низких выбросов, что отмечалось в предыдущей Конференции, а также реализация согласованного перехода к экономической модели, способной адаптироваться к изменению климата, требуют значительного финансирования. Кроме того, договоренности о внедрении технологий, способных обеспечить адаптацию

к климатическим изменениям, сталкиваются с экономическими трудностями в отдельных государствах.

«В 2009 году развитые страны согласились к 2020 году выделять развивающимся странам 100 млрд долларов в год на борьбу с изменениями климата. Подразумевалось, что будет баланс между смягчением последствий и адаптацией, то есть бедным странам будут помогать не только сократить выбросы парниковых газов, но и справиться с последствиями климатического кризиса (засухой, неурожаем, голодом и т. д.)» [9]. Однако уровень финансирования не был достигнут. «Запад выделил на адаптацию 29 млрд долларов в 2020 году и примерно столько же было предусмотрено в 2022 году. Тогда как потребность — 200 млрд долларов, а справедливая компенсация в разы выше» [9].

В 2020 году финансирование программ, направленных на снижение выбросов, в развитых странах составило 83,3 млрд долл. [24]. При этом «реальный объем предоставленного финансирования в области климата составил в 2020 году лишь треть от заявленной суммы (21–24,5 млрд долларов). На адаптацию реально выделили только 11–14 млрд долларов» [18]. В целом экономические потери от природных бедствий (засух, наводнений и лесных пожаров) в 2021 году достигли 329 млрд долл. [9].

В целом, как отмечали на Конференции, международные финансовые потоки, направленные на внедрение мер адаптации в развивающихся странах, в 5—10 раз ниже потребностей [5]. Этот разрыв возрастает. «Инвестиции в эти секторы увеличиваются, но они не поспевают за последствиями климатических изменений. Эти средства крайне недостаточны. А это ведет к сокращению продовольственных поставок и повышению риска возникновения очагов голода» [2].

Российский фактор

Россия занимает 4-е место в мире по объему выбросов парниковых газов. Участие в Парижском соглашении по климату позволит учитывать при их сокращении интересы развития экономики страны [4]. Около 80% выбросов в России приходится на энергетический сектор [3]. Соответственно, ключевой задачей является повышение энергоэффективности и увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ). «Для этого

можно установить целевые показатели доли ВИЭ в энергобалансе субъектов, внедрить программы солнечных крыш в городах России и популяризировать микрогенерацию. Кроме того, необходимы электрификация транспорта и производственных процессов, переход к циклической экономике, стимулирование населения к климатически дружественному образу жизни, снижение объёмов образования твёрдых коммунальных отходов, развитие устойчивого лесного хозяйства» [6].

В октябре 2021 года Россия утвердила свою Стратегию низкоуглеродного развития до 2050 года. Согласно документу Россия планирует выйти на углеродную нейтральность к 2060 году. Выполнить данный показатель в России планировали, прежде всего, за счет «сокращения выбросов парниковых газов, сохранения и восстановления лесов». По оценкам заместителя министра экономического развития РФ Ильи Торосова, «для осуществления энергоперехода потребуются инвестиции в “зеленые” проекты в размере около 1% ВВП ежегодно». В настоящее время на «российском рынке “зеленых” облигаций обращаются ценные бумаги на 108 млрд рублей, в пять раз больше, чем в 2020 году». По оценкам Торосова, «в 2024 году этот объем должен составить 300 млрд рублей, к 2030 году — 1,5 трлн рублей» [8]. Представитель Министерства отметил, что сформулирована амбициозная цель – «обеспечить 10% всех затрат на декарбонизацию российской экономики за счет привлечения «зеленых» финансов» [8].

Заключение

Геополитические противоречия между отдельными странами не стали препятствием для принятия ряда решений. В частности, участники подтвердили обязательства ограничить рост глобальной температуры на 1,5°C выше доиндустриального уровня. Решения были направлены на сокращение выбросов парниковых газов и адаптацию к неизменным последствиям изменения климата. Кроме того, на Конференции прозвучали заявления о необходимости поддержать финансирование развивающихся стран, а также передать технологии, которые позволят снизить негативные последствия от изменения климата.

Прорывным решением стало создание Фонда по финансированию «потерь и ущерба» [1]. При этом министр Пакистана

отметила, что «самое важное — это то, что взятое в 2009 году обязательство по мобилизации 100 млрд долларов США в год на финансирование мер по борьбе с изменением климата не выполняется» [1]. Участники Конференции договорились создать переходный комитет для вынесения рекомендаций о том, как ввести в действие новые механизмы финансирования и Фонд, на COP28 в 2023 году.

На Конференции стороны достигли значительного прогресса в сфере адаптации. В частности, были достигнуты договоренности о способах достижения Глобальной цели по адаптации, которые должны быть окончательно согласованы на COP28. Они должны способствовать повышению устойчивости наиболее уязвимых слоев населения. Было объявлено и о новых обязательствах по мобилизации более чем 230 млн долл. в Адаптационный фонд Рамочной конвенции ООН об изменении климата [12]. Постоянному комитету ООН по климатическим финансам (UN Climate Change's Standing Committee on Finance) было предложено подготовить отчет об удвоении финансирования адаптации для рассмотрения на следующей конференции сторон в 2023 году.

В Плане реализации, принятом в Шарм-эль-Шейхе, отмечалось, что глобальный переход к низкоуглеродной экономике потребует инвестиций, которые оцениваются не менее чем в 4—6 трлн долл. в год [25]. Данный объем финансирования требует значительной мобилизации ресурсов, что, в свою очередь, должно сопровождаться трансформацией финансовой системы, в которую вовлечены правительства многих государств, центральных банков, коммерческих банков, институциональных инвесторов и других финансовых субъектов. Вместе с тем была «выражена серьезная озабоченность по поводу того, что цель по мобилизации 100 млрд долларов в год к 2020 году еще не достигнута» [19]. Стороны, подписавшие Рамочную конвенцию ООН по изменению климата, обратились к развитым странам с призывом достичь этой цели, а многосторонние банки развития и международные финансовые учреждения призвали мобилизовать климатическое финансирование. На COP27 продолжались обсуждения по установлению «новой коллективной цели по климатическому финансированию» в 2024 году с учетом потребностей и приоритетов развивающихся стран.

На Конференции была учреждена рабочая программа по смягчению климата. Она ставит своей задачей безотлагательное осуществление мер, направленных на смягчение последствий изменения климата. Программа должна реализовываться до 2026 года, когда будет приниматься решение о ее возможном продлении.

Литература

1. *Билавал Бхутто Зардари*. Фонд для возмещения потерь и ущерба: шаг на пути к достижению климатической справедливости. – 09.12.2022. – URL: <https://www.un.org/ru/192543> (дата обращения: 23.01.2023).
2. *Вечерова Е.* Едем по шоссе в ад и давим на педаль: о чем говорят на климатическом саммите в Египте // *Forbes*. – 16.11.2022. – URL: <https://www.forbes.ru/society/4811711-edem-po-sosse-v-ad-i-davim-na-pedal-o-cem-govorat-na-klimaticheskome-sammite-v-egipte> (дата обращения: 04.01.2023).
3. *Воронов В.* Терпят отлагательств: в России хотя бы отсрочить сокращение парниковых выбросов // *Известия*. – 27.04.2022. – URL: https://iz.ru/1326653/valerii-voronov/terpiat-otlagatelstv-v-rossii-khotiat-otsrochit-sokrashchenie-parnikovyykh-vybrosov?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 05.01.2023).
4. *Гордеев*: Россия занимает четвертое место в мире по объему выбросов парниковых газов // *ТАСС*. – 23.09.2019. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/6916987> (дата обращения: 02.01.2023).
5. Доклад ООН: по мере усиления воздействия изменения климата адаптация к нему должна стать глобальным приоритетом // *United Nations Environmental Programme*. – 03.11.2022. – URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/press-reliz/doklad-oon-po-mere-usileniya-vozdeystviya-izmeneniya-klimata> (дата обращения: 05.01.2023).
6. *Елфимова А.* Что такое COP27 // *Greenpeace*. – 04.11.2022. – URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2022/11/04/chto-takoe-cop27/> (дата обращения: 02.01.2023).
7. К 2050 году изменение климата может вынудить 216 миллионов человек переселиться в другие районы своих стран. – 13.09.2021. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2021/09/13/climate-change-could-force-216-million-people-to-migrate-within-their-own-countries-by-2050> (дата обращения: 13.02.2023).
8. О чем 200 стран договорились по итогам климатического саммита в Глазго. – 16.11.2022. – URL: https://www.profiz.ru/eco/blog/post_7394/?ysclid=levj7fsm3g187809274 (дата обращения: 23.02.2023).
9. *Соколов А.* Запад в 7 раз недофинансирует адаптацию бедных стран к изменениям климата. – 06.11.2022. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/11/07/949038-zapad-nedofinansiruet-adaptatsiyu-bednih-stran-k-izmeneniyam-klimata?ysclid=levjgiminyp805079045> (дата обращения: 14.02.2023).
10. Церемония подписания Парижского соглашения по климату. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/paris-agreement-climate-change/> (дата обращения: 23.02.2023).
11. *Abnett K.* COP27: Austria commits \$50 mln for climate «loss and damage» // *Reuters*. – 08.11.2022. – URL: <https://www.reuters.com/business/cop/cop27-austria-commits-50-mln-climate-loss-damage-2022-11-08/> (accessed: 02.01.2023).
12. Adaptation Fund Receives Nearly US\$ 243 Million Mobilized in 2022 for the Most Climate-Vulnerable at COP27 in Egypt / *Adaptation Fund*. – 15.11.2022. – URL: <https://www.adaptation-fund.org/adaptation-fund-receives-over-us-230-million-mobilized-in-2022-for-the-most-climate-vulnerable-at-cop27-in-egypt/> (accessed: 05.01.2023).
13. *Adaptation Gap Report 2022*. – 01.11.2022. – URL: <https://www.unep.org/resources/adaptation-gap-report-2022> (accessed: 03.01.2023).

14. *Chandak P.* The USA And Germany To Provide US\$250 Million To Egypt For Green Energy Transition // Solarquarter. – 14.11.2022. – URL: <https://solarquarter.com/2022/11/14/the-usa-and-germany-to-provide-us250-million-to-egypt-for-green-energy-transition/> (accessed: 05.01.2023).
15. Climate Action Calendar for COP27 Published // United Nations Climate Change. – 02.08.2022. – URL: <https://unfccc.int/news/climate-action-calendar-for-cop27-published> (accessed: 03.01.2023).
16. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability / IPCC. – 27.02.2022. – URL: <https://www.ipcc.ch/report/sixth-assessment-report-working-group-ii/> (accessed: 02.01.2023).
17. Climate Finance and the USD 100 Billion Goal / OECD. – 2009. – URL: <https://www.oecd.org/climate-change/finance-usd-100-billion-goal/> (accessed: 05.01.2023).
18. Climate Finance Short-changed: The real value of the \$100 billion commitment in 2019–2020. – 19.10.2022. – URL: <https://oxfamlibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/621426/bn-climate-finance-short-changed-191022-en.pdf;jsessionid=20E954890E4D6BB4193E2A0BBD6B0FD3?sequence=7> (accessed: 17.01.2023).
19. Climate Finance and the USD 100 Billion Goal / OECD. – 2009. – URL: <https://www.oecd.org/climate-change/finance-usd-100-billion-goal/> (accessed: 05.01.2023).
20. *Craymer L.* New Zealand allocates \$12 mln to fund climate damage in developing nations // Reuters. – 08.11.2022. – URL: <https://www.reuters.com/business/cop/new-zealand-allocates-12-mln-fund-climate-damage-developing-nations-2022-11-08/> (accessed: 04.01.2023).
21. FACT SHEET: President Biden Announces New Initiatives at COP27 to Strengthen U.S. Leadership in Tackling Climate Change / U.S. Embassy in Egypt. – 11.11.2022. – URL: <https://web.archive.org/web/20221115164233/https://eg.usembassy.gov/november-11-2022-fact-sheet-president-biden-announces-new-initiatives-at-cop27-to-strengthen-u-s-leadership-in-tackling-climate-change/> (accessed: 04.01.2023).
22. Global Shield against Climate Risks / BMZ. – 14.11.2022. – URL: <https://www.bmz.de/en/issues/climate-change-and-development/global-shield-against-climate-risks> (accessed: 05.01.2023).
23. *Greenfield P., Harvey F., Lakhani N., Carrington D.* Barbados PM launches blistering attack on rich nations at Cop27 climate talks // The Guardian. – 07.11.2022. – URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/nov/07/barbados-pm-mia-mottley-launches-blistering-attack-on-rich-nations-at-cop27-climate-talks> (accessed: 04.01.2023).
24. OECD. Climate Finance Provided and Mobilised by Developed Countries in 2016–2020: Insights from Disaggregated Analysis, Climate Finance and the USD 100 Billion Goal, OECD Publishing, Paris. 2022. – URL: <https://doi.org/10.1787/286dae5d-en>; <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/286dae5d-en.pdf?expires=1678026579&id=id&acname=guest&checksum=E2038A7F0E4794B6837C282E505FDC5C> (accessed: 23.01.2023).
25. Sharm el-Sheikh Implementation Plan // United Nations Climate Change. – 20.11.2022. – URL: <https://unfccc.int/documents/624444> (accessed: 04.01.2023).
26. *Smith T., Hackbarth A.* China's Achilles Heel: Climate Diplomacy in the Developing World // Just Security. – 20.12.2022. – URL: <https://www.justsecurity.org/84514/chinas-achilles-heel-climate-diplomacy-in-the-developing-world/> (accessed: 03.01.2023).

Апанович Мария Юрьевна,

кандидат политических наук,
МГИМО (Университет) МИД России, Москва.

Maria Yu. Apanovich,

Ph.D (Political Sciences),
MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: m.apanovich@my.mgimo.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL MIGRATION PROCESS

Аннотация: статья посвящена анализу международной миграции в изменяющемся мире под влиянием внешних факторов. В фокусе работы находятся качественные изменения миграционных потоков, происходящие под влиянием изменения технологий (имеется в виду технологический процесс), и возникновение новых барьеров, таких как ограничение на перемещение. Автор выдвигает гипотезу о том, что развитие технологий на определенном этапе стало провоцировать не приток новой рабочей силы, а трансформацию миграционных процессов в части их направлений и характера. Такие традиционные сферы труда, как, к примеру, сельское хозяйство или строительство, продолжают нуждаться в квалифицированных рабочих, а вот высокотехнологические сферы (IT) могут переориентироваться на сокращение физического перемещения при найме в других странах. На основании этой гипотезы в статье рассматривается современный временной отрезок последних лет в сравнении с историческими ретроспективами. Теоретическую базу статьи составили преимущественно западные исследования в области поведенческих особенностей миграции, а именно кумулятивная теория и теория аттитудов. Проведенный в статье анализ показал, что с 2019 года фиксируется замедление миграционных потоков, которое достигло своего пика в 2020 году в связи с временными ограничениями на въезд в разных странах мира. Период массовой вакцинации и введение разрешений на перемещение, связанных с «новой реальностью»¹, внес новые структурные изменения в перемещения лиц. Основу анализа составили отчеты Международной организации миграции и Департамента социального и экономического развития ООН. Основные количественные результаты показали, что тенденция к сокращению переездов сохранится, кроме традиционных сфер использования низкоквалифицированного и квалифицированного труда. Объяснение этому, вероятнее всего, лежит в интенсификации процессов цифровизации, дающих новые возможности для высококвалифицированных специалистов, и системе «сдерживания» миграции, вводимой временно в период пандемии.

Ключевые слова: глобальная миграция, управление миграционными процессами, миграционная политика, международный рынок труда.

Abstract: the article is devoted to the analysis of international migration in a changing world under the influence of external factors. The focus of the work is on qualitative changes in migration flows that occur under the influence of changes in technologies (meaning the technological process) and the emergence of new barriers (such as restrictions on movement). The author puts forward a hypothesis that the development of technologies at a certain stage began to provoke not the influx of new labor, but the transformation of migration processes in

---

¹ Первая и последующие волны распространения инфекции COVID-19.

terms of their directions and nature. While traditional spheres of work such as agriculture or construction continue to require skilled workers, high-tech (IT) spheres may reorient themselves to reduce physical movement when hired in other countries. Based on this hypothesis, the article examines the modern time period from 2016+ to the present in comparison with historical retrospectives. The theoretical basis was predominantly western theories in the field of behavioral characteristics of the migrants (namely, cumulative theory and the theory of attitudes). The analysis carried out in the article showed that since 2019 there has been a slowdown in migration flows, which peaked in 2020 due to temporary restrictions on entry in different countries of the world. The period of mass vaccination and the introduction of travel permits related to the “new reality”¹ introduced new structural changes in the movement of persons. The analysis was based on the reports of the International Organization for Migration and the UN Department of Social and Economic Development. The main quantitative results showed that the tendency to reduce relocations will continue, except for the traditional areas of use of low-skilled and skilled labor. The explanation for this, most likely, lies in the intensification of digitalization processes, which give new opportunities for highly qualified specialists, and the system of “containment” of migration, introduced temporarily during the pandemic.

Key words: global migration, governance of migration, international talent pool, migration policy.

Истоки вопроса трансформации

Современный российский и международный дискурс в области изучения миграционных процессов во многом сконцентрирован на региональных и количественных показателях. Российские исследователи в своих публикациях делают акценты на специфике отечественного региона с точки зрения его привлекательности для иностранных граждан [2; 8]. Отдельные исследования посвящены поведенческим моментам внутри миграции и различным моделям интеграции и адаптации мигрантов [3; 7]. Западные эксперты, скорее, обращают внимание на региональные тенденции. В то время как особый интерес вызывают развитие и трансформации миграционных потоков, которые произошли за последнее столетие и которые происходят сейчас, ввиду того что они являются неотъемлемой чертой изменений общественных процессов, во-первых, и показателем метаморфоз во взаимодействии между мигрантами и принимающим обществом, во-вторых. Исследования в данном направлении велись и ведутся, к примеру анализируется управление миграционными процессами с позиции инструментария государства и кооперации между ними [5]. Значимость качественной оценки миграционных потоков обусловлена тем, что кумулятивное число мигрантов в мире, по последним опубликованным данным Международной организации по миграции, составляет 281 млн человек, или

---

¹ The first and subsequent waves of the spread of COVID-19 infection.

3,6% от общего числа населения планеты [23]. Несмотря на явный кризис, за последние два года с момента публикации отчета доля подросла на 0,3%.

Наряду с коренным населением любой страны мигранты являются важным потенциалом и людским ресурсом, следовательно, изучение вопроса требует пристального внимания со стороны научного сообщества. XX век стал драйвером развития технологий, и, собственно, научно-технологическая революция усилила миграционный поток из села в город, а также с течением времени расширила горизонты сначала за рамки одной страны, затем – за рамки региона. Миграции приобрели свой текущий масштаб уже к 1970-м годам, затем наращивали количественные показатели и менялись по направлениям и привлекательности тех или иных мест. Безусловно, и ранее континенты не были отрезаны в части передвижений, но характер миграции был связан с заранее планируемым либо вынужденным перемещением в связи с военными действиями или гражданской войной. Еще в 1960-е годы основные драйверы экономической миграции «Юг – Север» начинают свое становление. А уже с 1970-х годов происходит скачок с 3,6 млн до 5,6 млн человек в рассматриваемой категории [11].

Деятельность человечества внесла свой вклад: интенсификация международных конфликтов в конце прошлого – начале настоящего столетия (как следствие, проблема беженцев и вынужденных переселенцев), агрессивное поведение развитых и подбирающихся к лидерам развивающихся стран нанесли свой урон экологии (как следствие, вынужденно перемещенные лица, экологическая миграция и экологические беженцы).

Современные тенденции миграционных процессов

Процессы в регионах имеют определенную долю предсказуемости, а тот уровень моделирования и прогнозирования миграционных процессов, которого добились на сегодняшний день эксперты, позволяет с высокой долей вероятности определять перспективные точки скопления мигрантов, однако миграционная политика стран не становится с годами более рациональной и продуманной. Согласно оценкам специалистов по исследованию Европейского союза, там еще ощущаются последствия «ми-

грационного кризиса» 2015 года, и, хотя активная фаза притока большого числа мигрантов пройдена, «кризис идентичности» не дает возможности стабилизировать ситуацию, а последствия ограничений из-за распространения пандемии затормозили и без того сложные процессы [6]. Принципы европейской солидарности фактически имеют декларативный характер, в то время как государства сохраняют и тщательно охраняют свою «идентичность». В результате к нерешенным вопросам притока вынужденных переселенцев у южных границ в 2021 году добавился новый вопрос восточного пути (Беларусь – Польша).

Следует также отметить, что 2020 году и такой внешний фактор, как введение локальных ограничений на передвижение в связи с распространением пандемии, несколько затормозил интенсивность перемещений. Это позволило нам выдвинуть гипотезу о том, что, несмотря на произошедшие изменения, темпы глобальной миграции в перспективе должны были снижаться, что связано с развитием технологий и возможностью заменить (для отдельных категорий мигрантов: высококвалифицированная миграция или студенческая миграция) фактический переезд на «не переезд»¹. Текущий временной отрезок только усиливает значимость и возможности Интернета.

Появление новых возможностей формирует качественно новую среду взаимоотношения мигрантов и не мигрантов. Здесь можно отдельно выделить влияние информационных технологий (создание и взаимодействие сетей связи мигрантов, о чем пойдет речь далее). Ограничение, вводимое в части миграции и перемещения лиц в 2020 году, поставило новые рамки и открыло новые возможности для трансформации миграционного поведения и перехода его в систему онлайн.

Отчет фонда «Исму» (Инициативы и исследования по многоэтничности) [14], опубликованный в 2021 году, отмечает, что

---

¹ В научной литературе данный термин не используется, однако тенденции относительно отдельных категорий трудовых работников после 2020 года позволяют констатировать, что работник может работать в другой стране, но не уезжать из родной страны либо может работать в родной стране, но при этом находиться за ее пределами. В этом случае, согласно официальной статистике, он не будет попадать в категорию трудового мигранта, однако, находясь на территории другой страны, может иметь любую другую категорию мигранта. Возникший феномен, с одной стороны, вносит новое понятие в исследование вопроса, с другой – в связи с трудоемкостью и не точностью сбора данных по этой категории не позволяет государству оценить истинный масштаб и, исходя из оценки, скорректировать социальные меры в области приема мигрантов.

ограничения на перемещение, связанные с распространением вируса COVID-19, сопоставимы с такими потрясениями, которые были в рамках Второй мировой войны. Несмотря на то что интенсивное перемещение людей по всему миру чуть утратило свою актуальность, проблемы остались те же (нерегулируемая миграция, климатическая миграция, нелегальная миграция и т. д.). В какой-то степени пандемия заставила людей переосмыслить проблемы миграции.

Она показала, насколько важны для нашего общества различные категории мигрантов, насколько в отдельных секторах экономики работа «встала» из-за введенных ограничений и чем будут грозить последствия «затяжного» закрытия границ.

С точки зрения теоретического осмысления необходимо рассмотреть как классические теории миграции, так и теории психологии и психологии поведения, а также общественные теории в рамках мирового подхода к ТМО (теории международных отношений). Теории миграции ведут свои истоки еще из позапрошлого века (законы миграции Равенштайна были сформулированы в 1885 г.) и принципиально не претерпели изменения с тех пор. К примеру, более интенсивны перемещения на короткие расстояния, чем на длинные. Миграция из села в город всё еще остается трендом, несмотря на попытки государств привлекать к реэмиграции в малозаселенные регионы как своих, так и иностранных граждан. В 1990-е годы Д. Массей обобщил используемый ранее материал, актуализировав его с учетом современных тенденций. Переосмысление теории также является текущим трендом развития современного дискурса [1].

Исходя из принятого нами подхода неоконструктивизма в международных отношениях и в области исследования общественных процессов, обоснованным является вопрос: как в современном мире должны строиться процессы управления миграционными потоками?

Современные международные отношения характеризуются не просто тенденцией к трансформации, но потребностью в новом осмыслении устоявшихся теорий. Изменения, которые произошли в последние годы, в основном затронули два блока аспектов: объемы информации и доступ к ней.

От теории к практике

Еще в 1983 году М. Уолцер [21] писал о теории справедливости, в рамках которой у каждого должен быть равный доступ к ресурсам, например к возможностям перемещения. Изменение скорости и масштабов переездов людей в XXI веке привели к тому, что в период до ограничений, с одной стороны, наблюдался их постоянный рост, а с другой — получила развитие «цифровая сфера». Все текущие меры по закрытию границ только подталкивают ее к дальнейшему росту. Появляются целые направления исследований в области влияния развития информационных технологий и интенсификации коммуникации на миграцию [10], прежде всего в контексте связей с диаспорой и направляющей страной, но не только. Создание специальных онлайн-платформ направлено также на облегчение процессов интеграции и адаптации мигрантов [15]. Исследователи чаще всего исходят из теории кумулятивной причинности (the cumulative causation theory), согласно которой первичное действие мигранта по переезду стимулирует в дальнейшем его знакомых, родственников и т.д. последовать его примеру через систему неформальных связей. Информационные технологии, в том числе популярность социальных сетей, позволяют масштабировать данный эффект, так как «соединяют» людей, которые мало или слабо знакомы. Дополнением к теории кумулятивной причинности может служить теория распространения (diffusion theory), которая добавляет тезис о возможностях влияния сетей на «желание», возникновение «вероятности переезда», а также расширяет распространение [13].

Теории психологии и теория поведения позволяют определить и классифицировать «миграционные установки» (или намерения), что, в свою очередь, влияет на интенсивность и направленность миграции. В XXI веке данные исследования заняли свою нишу и позволяют оценить влияние на человека фактора включенности в социальную группу. С развитием исследований это направление было выделено сначала в социальную психологию, а затем в экологическую психологию (изучает «образ среды», сложившейся в психологии социального сознания, и «территориальную идентичность»). Здесь применим социологический термин «аттитюд» (другими словами, «социальная установка»), введенный в оборот У. Томасом и Ф. Знанецким [18]. За прошед-

шее с момента его возникновения столетие установки поменялись достаточно значительно, и современные исследования, проводимые на базе качественного анализа миграционных потоков или интеграции мигрантов, опираются на количественные данные по психологическим и социальным установкам последних (на базе различных опросов) с тем, чтобы скорректировать общие выводы.

Изменения коснулись также фокуса рассмотрения миграционных потоков. Анализ публикаций одного из ведущих западных журналов в области миграции («Международная миграция») по характеру тематики и цитируемости тех или иных публикаций выявил ряд особенностей. Преимущественно самые цитируемые статьи посвящены вопросам глобального регулирования в области миграции (например: «From Zero to Hero? An analysis of the human rights protections within the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration» (GCM), «Managing International Migration: Rethinking Transaction Costs, Red Tape, and Their Impact» или «Protecting and Benchmarking Migrants' Rights: An Analysis of the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration»). На второй план выходят работы, посвященные миграционному кризису и попыткам справиться с ним, в том числе вопросам беженцев и вынужденных переселенцев (например: «A Crisis-driven Migration? Aspirations and Experiences of the Post-2008 South European Migrants in London»). И только на третьем месте оказываются материалы, посвященные трудовой миграции и региональным особенностям миграционных потоков (например: «Determinants of Migrant Career Success: A Study of Recent Skilled Migrants in Australia Remain, Return or Re-migrate?» или «The (Im) mobility Trajectory of Mainland Chinese Students after Completing Their Education in the UK») [12; 22; 16; 17; 20].

Количественные показатели динамики миграционных потоков демонстрируют определенный рост. В период с 1995 до 2019 год доля мигрантов в мире выросла с 2,8% до 3,5%. Однако, по данным Департамента социального и экономического развития ООН [24], в 2020 году спад составил 27% (на период июня 2020 г. по сравнению с показателем июня 2019 г.).

Европа сохранила свое первенство по привлекательности для иностранных граждан, и, несмотря на ограничения по въезду, вы-

езду наемных работников обратно в свои страны, 87 млн человек из других государств продолжили находиться на континенте. Вторым по популярности стал регион Северной Америки (59 млн человек). Первые оценки влияния пандемии COVID-19 на глобальные перемещения были опубликованы как раз ООН и говорят о снижении численности мигрантов при сохранении их пропорций (до распространения вируса) в разных регионах. В рассматриваемый временной промежуток 2/3 всех иностранцев проживали всего в 20 странах (США, Германия, Саудовская Аравия, Россия и т. д.). Отметим отдельно, что Российская Федерация в 2018 году занимала 3-е место, но уже к 2019 году спустилась на 4-е.

Среди стран, принявших и разместивших у себя наибольшее число беженцев и вынужденных переселенцев, лидерами в 2020 году были Турция (около 4 млн), Иордания (3 млн), Палестина (2 млн), Колумбия (1,8 млн). Данные свидетельствуют о влиянии неурегулированных конфликтов и их последствий. Каждый пятый (согласно докладу Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ) является выходцем из Сирийской Арабской Республики [25].

Развитие новых технологий, транспортная доступность и другие факторы на протяжении всего периода наблюдения за миграционными процессами стимулировали их количественные показатели. Четвертая промышленная революция, предполагающая еще большую механизацию и увеличение значимости использования электронных технологий (в том числе Интернета), фактически расширяет возможности и для отдельных профессий по минимизации передвижений (относится к высококвалифицированным мигрантам). Цифровизация экономики позволит отдельным категориям наемных работников выполнять услуги в месте своего пребывания, что может исключить для них фактическую миграцию. Однако остаются сферы (к примеру, сельское хозяйство, строительство, ЖКХ и т. д.), которые остро нуждаются в неквалифицированных или квалифицированных рабочих. Места в этих сферах традиционно заполняются выходцами из других стран или регионов [9, с. 57].

Снятие ограничений на перемещение, которое постепенно началось в ряде стран после вакцинации населения, продолжится. Тем не менее уже сейчас можно констатировать измене-

ние характера миграционных потоков. Согласно данным доклада Всемирного экономического форума о будущих профессиях [19], к 2025 году 40 % работников потребуются перепрофилирование или обучение в рамках повышения квалификации. В основном это затронет сектор ИТ, а также специальности, связанные с аналитикой. Сохранится тенденция к цифровизации рабочих мест: 84 % работодателей в расширенных опросах подтвердили, что планируется установить планку в 44 % работников, которые работают онлайн.

2020 год дал серьезный импульс к развитию технологий и, хотя в первой половине года фиксировался значительный рост безработицы (ввиду сокращения рабочих мест), уже к июлю Китай, Франция и США вышли в лидеры по росту доли нового найма, а к сентябрю в список лидеров подтянулись Бразилия и Сингапур. В область прироста попали профессии из сфер здравоохранения, розничной торговли и строительства. Следовательно, можно констатировать восстановление рынков труда. Следует признать, что в долгосрочной перспективе сложно точно спрогнозировать количественные показатели миграции, в том числе с условием применения математического моделирования, но тенденции и направления развития есть возможность оценить с помощью существующего инструментария, а также сделать краткосрочные прогнозы. Одним из новых явлений, возникших в 2022 году, стала эмиграция из Российской Федерации при продолжении сохранения занятости на территории страны. Майская Грушинская социологическая конференция ВЦИОМ обозначила его как «релокацию» (применимо к людям и бизнесу). Ранее в исследованиях термин встречался (в западном дискурсе) исключительно по отношению к вынужденному перемещению лиц и беженцев, к примеру во время «классического» уже для литературы кейса Лампедузы. Италия обсуждала с Европейским союзом возможности «релоцировать» мигрантов, скопившихся на острове, в другие страны. В российском медийном пространстве «релокация» с марта 2022 года приобрела дополнительные значения и применяется к экономически активным и финансово устойчивым категориям населения (если речь идет о релокации бизнеса). Текущая тенденция обозначила сразу несколько проблемных моментов. Во-первых, разрыв в статистических данных

(выехавшие с территории Российской Федерации в Грузию или Казахстан и фактически «осевшие» в этих странах): многие выезжали не напрямую в страну, куда планировали уехать, а через третьи страны. Во-вторых, результаты первых опросов Левады и ВЦИОМ показали, что в Российской Федерации значительное число граждан продолжают работать удаленно. С приездом в страны «релокантов» связаны в том числе и социальные эффекты. Страны приема не учитывают их в числе трудовых мигрантов, а следовательно, не закладывают в планирование расширение социальной сферы для новых мигрантов. При этом российским гражданам, находящимся в стране, также необходим доступ в медицинские, дошкольные и школьные учреждения [4].

Заключение

Особенностью современного этапа функционирования миграционных потоков является влияние группы процессов (прогнозируемых и не сильно прогнозируемых). Четвертая промышленная революция и механизация труда позволят сократить необходимость в иностранной рабочей силе для ряда профессий. Многие страны на сегодняшний момент уже встали на этот путь, и возможно отнести данный фактор к прогнозируемым. Второй блок, рассмотренный настоящей статьей, затрагивает эффект уменьшения перемещений вследствие ограничений или полного закрытия границ (как внутренних, так и внешних). Безусловно, он относится к категории непредсказуемых. Вследствие этого хочется обратить внимание, прежде всего, не на невозможность смоделировать заранее данный процесс, а на результат и эффект выхода стран из ограничений. Пандемия, по сути, имела не краткосрочное влияние на уменьшение доли мигрантов в мире – она усилила процессы трансформации, заложенные в идеях промышленной революции. При оптимизации труда, которая уже ведется, согласно опросам крупных работодателей, фактически трудовая миграция изменит в будущем свой облик. Во-первых, трудовая миграция высококвалифицированных специалистов будет возможна и расширена за счет онлайн- и дистантных технологий. Юридически она останется категорией найма иностранных граждан с точки зрения трудовых отношений. Однако государство при этом не терпит административных

издержек с точки зрения сопутствующих элементов (переезд, интеграция в принимающее общество и адаптация в нем, финансовые составляющие процессов миграции).

Теория кумулятивной причинности, рассмотренная в настоящем материале, перестанет действовать для представителей «онлайн» трудовой миграции. Так же, как и смежные потоки миграции по линии воссоединения семей или семейной миграции сократятся по причине прерывания связи. Фактически высококвалифицированный специалист сможет осуществлять работу из места своего постоянного проживания либо выбрать для проживания третью страну (место), не связанное ни с семьей, ни с работой. Теория аттитудов, проанализированная в статье, в этом случае будет оказывать более значимое воздействие. Сложность в анализе будущих процессов будет составлять нелинейность перемещений, поскольку с точки зрения государства подобный мигрант будет попадать в категорию туристической или иной миграции.

Во-вторых, миграция квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы сохранится. Как уже показали первые данные, собранные после первой волны пандемии, в категорию роста найма попали сферы строительства и розничной торговли. В них традиционно участвуют внутренние и внешние мигранты. Цифровизация затронет большое количество сфер, но, безусловно, и здесь есть ограничения. Определенные профессии, связанные с ручным трудом, чаще низкоквалифицированным, сохраняют и в будущем свою актуальность. А значит, страны могут прогнозировать приток работников из традиционных для своего региона стран. Для Российской Федерации сохраняется потребность и необходимость в трудовых мигрантах из Азии и стран СНГ. Одним из примеров могут служить диаспоры представителей стран Кавказского региона, которые традиционно занимали и продолжают занимать определенные ниши в экономике стран (имеются в виду сферы торговли и строительства).

Литература

1. *Апанович М.Ю.* Только лишь перемещение в пространстве? Миграция в свете концепции справедливости // *Полис. Политические исследования.* – 2022. – № 1. – С. 45–52. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.05>.
2. *Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л.* Доминанта миграционной политики современной России // *Социологические исследования.* – 2017. – № 8. – С. 59–65. – URL: <https://doi.org/10.7868/S0132162517080062>.

3. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2017. – № 15. – С. 12–48.
4. Материалы XII Международной Грушинской социологической конференции. Секция «Релокация: устойчивые эффекты». – URL: <https://conf.wciom.ru/program/section/?uid=5> (дата обращения: 11.12.2022).
5. *Пагани К.* Инструментализация миграции: управление миграционными потоками в двустороннем формате // Международные процессы. – Т. 19. – 2021. – № 1. – С. 103–109. – URL: <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.8>.
6. *Потемкина О.Ю.* После кризиса: «новый старт» миграционной политики ЕС // Современная Европа. – 2019. – № 6 (92). – URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620191829>.
7. *Ростовская Т.К.* Особенности процесса интеграции молодых мигрантов и иммигрантов в российское общество и реализации молодежной политики в многонациональных государствах Европы, СНГ, Китая и Индии / Т.К. Ростовская, М.В. Виноградова, Г.Ю. Никипорец-Такигава. – 2018. – 217 с.
8. *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Международная трудовая миграция в Россию // Международные процессы. – Т. 17. – 2019. – № 4. – С. 65–83. – URL: <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5>
9. *Рязанцев С.В., Апанович М.Ю., Дзусова Д.В., Письменная Е.Е.* Этнические общины выходцев из стран южного Кавказа в России: особенности формирования и экономического вклад в развитие родины // Центральная Азия и Кавказ. – Т. 24. – 2021. – № 1. – С. 52–67. – URL: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.05>.
10. *Dekker R., Engbersen G.* How social media transform migrant networks and facilitate migration // Global Networks. – Vol. 14. – 2014. – No. 4. – P. 401–418. – URL: <https://doi.org/10.1111/glob.12040>.
11. DESA World Population Report 2015. – URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/Key_Findings_WPP_2015.pdf (accessed: 10.12.2022).
12. *Guild E., Basaran T., Allinson K.* From Zero to Hero? An analysis of the human rights protections within the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration (GCM) // International Migration. – Vol. 57. – 2019. – No. 6. – P. 43–59. – URL: <https://doi.org/10.1111/imig.12609>.
13. *Hanna R.N. et al.* Network structure and the aggregation of information: Theory and evidence from Indonesia // HKS Faculty Research Working Paper Series. – 2012. – URL: <https://doi.org/10.3386/w18351>.
14. ISMU XXVI Italian Report 2021. – URL: <https://www.ismu.org/en/presentation-xxvi-ismu-report-on-migrations-2020/> (accessed: 08.12.2022).
15. *Madianou M., Miller D.* Migration and new media: Transnational families and polymedia. – Routledge, 2013.
16. *Pratsinakis M. et al.* A crisis-driven migration? Aspirations and experiences of the post – 2008 South European migrants in London // International Migration. – Vol. 58. – 2020. – No. 1. – P. 15–30. – URL: <https://doi.org/10.1111/imig.12583>.
17. *Rajendran D. et al.* Determinants of migrant career success: A study of recent skilled migrants in Australia // International Migration. – Vol. 58. – 2020. – No. 2. – P. 30–51. – URL: <https://doi.org/10.1111/imig.12586>.
18. *Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America: Monograph of an immigrant group. – University of Chicago Press, 1919. – Vol. 3.
19. The Future of Jobs Report 2020 // World Economic Forum. – URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020> (accessed: 09.07.2021).
20. *Tu M., Nehring D.* Remain, Return, or Re-migrate? The (Im) mobility Trajectory of Mainland Chinese Students after Completing Their Education in the UK // International Migration. – Vol. 58. – 2020. – No. 3. – P. 43–57. – URL: <https://doi.org/10.1111/imig.12589>.
21. *Walzer M.* Spheres of justice: a defence of pluralism and equality, Martin Robertson. – 1983.
22. *Visvizi A., Pachocka M., Lytras M.D.* Managing International Migration: Rethinking Transaction Costs, Red Tape, and Their Impact // International Migration. – Vol. 57. – 2019. – No. 5. – P. 271–279. – URL: <https://doi.org/10.1111/imig.12648>.

23. World Migration Report 2022. – URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/> (accessed: 10.12.2022).
24. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). International Migration 2020 Highlights (ST/ESA/SER.A/452). – URL: <https://www.un.org/en/desa/international-migration-2020-highlights> (accessed: 10.12.2022).
25. UNRWA, 2020. – URL: <https://www.unrwa.org/resources/reports/syria-unrwa-humanitarian-snapshot-march-april-2021> (accessed: 10.12.2022).

Фадеева Екатерина Валерьевна,

старший преподаватель,
филиал Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Университет «Дубна»» –
Дмитровский институт непрерывного образования, Дмитров.

Ekaterina V. Fadeeva,

senior lecturer,
State University “Dubna” – Dmitrov Institute of Continuing Education, Dmitrov.
E-mail: fadey8@mail.ru

**СТРАТЕГИИ УЧАСТНИКОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
МИРОВОГО ПОРЯДКА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**STRATEGIES OF PARTICIPANTS OF TERRITORIAL
CONFLICTS IN THE TRANSFORMING WORLD ORDER:
A HISTORIGRAFIC ASPECT**

Аннотация: эволюция международной системы после Второй мировой войны оказала значительное влияние на характер и способы ведения территориальных конфликтов. Несмотря на то что общим критерием успеха в подобных конфликтах остаётся закрепление желаемой сухопутной или морской территории, условия его достижения существенно изменились. Сформированный в этот период глобальный нормативный контекст фактически делегитимизировал силовые захваты и переделы территории, но в то же время создал целый ряд инструментов для договорного и судебного решения территориальных споров. Это способствовало расширению средств и возможностей в распоряжении конфликтующих сторон, но при этом серьёзно усложняло выработку эффективной стратегии для достижения желаемых целей в конфликте. В данной статье представлена логика выработки стратегии участников территориальных конфликтов как комбинирования трёх основных групп инструментов – силовых, переговорных и нормативных. Их приоритетность и целесообразность определяется базовыми параметрами конфликта: пространственной конфигурацией, темпоральными рамками, наличием внешней поддержки сторон и, наконец, международным и внутренним нормативным контекстом.

Ключевые слова: территориальный конфликт, стратегия, эскалация, переговоры, баланс сил, нормативный контекст, постбиполярная система.

Abstract: evolution of international system after the Second World War had immense impact on the character and modes of conduct in territorial conflicts. Although securing control over particular land or maritime territory invariably remains the overall success criterium in such conflicts, terms of its attainment changed profoundly. Global normative context that has been formed throughout this period, in fact, delegitimized forceful seizures and redistribution of territory but at the same time created a whole range of instruments for negotiated and judicial settlement of territorial disputes. It facilitated expanding means and opportunities at the disposal of conflicting parties but in parallel seriously complicated elaboration of effective strategies for achieving desired ends in conflict. This article presents a logic of constructing strategy in territorial conflict as a combination of three basic groups of instruments – military, negotiating

and normative. Their priority and expediency are determined by four basic conflict parameters: special configuration, temporal limits, availability of external support and, at last, international and domestic normative context.

Key words: territorial conflict, strategy, escalation, negotiations, balance of power, normative context, post-bipolar system.

Введение

Международно-политическая наука как таковая восходит своими истоками к трудам мыслителей, стремившихся сформулировать основы успешной стратегии государств на международной арене, в особенности стратегии достижения победы в войнах и конфликтах. Трактаты Фукидида, Макиавелли, Сунь-Цзы представляют собой своды рекомендаций для достижения успеха в бурном океане международной жизни. Однако по мере становления в качестве академической дисциплины теория международных отношений приобрела экспликативную и одновременно нормативную направленность, стремясь раскрыть и объяснить каузальные механизмы реально происходящих в международной системе процессов и выработать более или менее универсальное представление о должном устройстве системы в целом. В большинстве случаев такое устройство увязывалось с минимизацией конфликтов или их переводом в ненасильственное русло. Как следствие, значительная часть существующей литературы по конфликтологии посвящена выявлению причин возникновения конфликтов, поиску способов их предотвращения или мирного урегулирования. Для этого исследователи изучают и систематизируют конфликтное поведение различных акторов, определяя условия, при которых они делают выбор в пользу мирных или силовых средств достижения своих целей в конфликте, в пользу эскалации или компромисса, повышения ставок или поддержания статус-кво (см. например [12; 14; 22; 25]). Намного меньше работ, касающихся непосредственно вопроса о том, как выработать выигрышную стратегию для конкретных конфликтов.

Частично это связано с тем, что проблемы выработки стратегии долгое время относились сугубо к ведению военной науки, поскольку выигрыш в конфликте прочно ассоциировался с военной победой и разгромом противника на поле боя. Представление о стратегии как способности сочетать разные по своей

специфике военные и невоенные инструменты воздействия для достижения разных политических целей начало формироваться только после Первой мировой войны [9, р. 10]. Однако на том этапе невоенные средства продолжали рассматриваться как дополнительные, необходимые в той мере, в которой они способны военному же разгрому противника.

После Второй мировой войны создание ядерного оружия сделало недостижимой идею тотального военного разгрома и абсолютной победы над противником, обладающим таким оружием, что повлекло за собой разработку концепций ограниченной войны и управления кризисами [9, р. 12–18]. Они закладывали представление о том, что победой в войне является не полный разгром, а принуждение противника к заключению выгодных политических договорённостей путём манипулирования силовыми и несиловыми параметрами конфликта без выхода за определённые рамки, так называемые красные линии, при нарушении которых мог произойти переход к тотальной войне. В соответствии с подобным представлением непосредственные силовые столкновения между конфликтующими сторонами приобретали эпизодический характер и превращались в точечные, ограниченные темпорально и пространственно, «кризисы», тогда как основное содержание стратегического взаимодействия сторон сводилось к взаимному давлению с целью сформировать нужные ожидания кризисного поведения и оценки результатов возможных кризисов. В таком свете уже силовым средствам отводилась вспомогательная роль выступать подкреплением политических позиций, доказательством готовности и способности выполнить озвученные угрозы.

Подобные тенденции усложнили и до некоторой степени размыли понятия конфликта, победы в конфликте и конфликтных стратегий сторон. Эти понятия подверглись значительной «рационализации», в результате которой процесс и итог конфликта стали оцениваться в относительных категориях, сквозь призму баланса условных выигрышей и затрат, без придания им абсолютной ценности. А понятие стратегии всё чаще стало применяться в отношении поведения субъекта в международной среде в целом, а не в отношении тех или иных отдельных ситуаций межсубъектного взаимодействия.

Так или иначе дискуссия о новых формах и инструментах политических конфликтов оттеснила на второй план более «приземлённые» практические вопросы выработки непосредственной стратегии в конкретных текущих или потенциальных конфликтах современности. Повышение значимости невоенных средств воздействия как таковое оставило открытым вопрос о координации инструментов «мягкой» и «жёсткой» силы в рамках единой стратегии [11]. Условия, при которых целесообразно обращаться к той или иной группе инструментов, как и само ранжирование инструментов достижения целей в конфликте, оставались во многом без должного научного осмысления. В особенности это касается территориальных конфликтов, интерес к которым в постбиполярную эпоху несколько снизился, несмотря на то, что они по-прежнему представляют собой наиболее типичный и частый случай политических конфликтов в мире. Такое «забвение» связано в немалой мере с тем, что сфера стратегических исследований развивалась во многом под влиянием тех конфликтов и военных операций, которые велись коллективным Западом в постбиполярный период и не носили прямого территориального характера (хотя имели серьёзные последствия для политической организации затронутых ими территорий).

Эволюция международной среды за последние три четверти века оказала значительное влияние на характер и способы ведения территориальных конфликтов. Несмотря на то что общий критерий успеха в подобных конфликтах остаётся неизменным и заключается в закреплении за собой желаемой сухопутной или морской территории, условия его достижения существенно изменились. Сформированный после Второй мировой войны глобальный нормативный контекст фактически делегитимизировал силовые захваты и переделы территории, но в то же время создал ряд инструментов для договорного и судебного решения территориальных споров, а также миротворчество как форму коррекции силовых дисбалансов. Это способствовало расширению средств и возможностей в распоряжении конфликтующих сторон, но при этом серьёзно усложняло выработку эффективной стратегии для достижения желаемых целей в конфликте.

После окончания холодной войны наблюдается устойчивая тенденция к апроприации, «присвоению» глобального норма-

тивного контекста коллективным Западом, стремящимся конвертировать своё текущее силовое превосходство в формально признанное доминирующее положение в системе глобального управления. Как следствие, многие существующие нормативные и договорные способы решения конфликтов утратили свою политическую нейтральность и нацеленность на достижение приемлемого для всех сторон компромисса. Благодаря этому использование подобных инструментов становится всё более проблематичным.

Задача данной статьи состоит в определении параметров и факторов, которые необходимо принимать в расчёт сторонам территориальных конфликтов в современных условиях для выработки успешных стратегий, комбинирования доступных инструментов и достижения желаемых результатов. Понимание того, какие факторы являются первостепенными для выработки успешных стратегий участниками территориальных конфликтов в современных условиях, в данной статье строится на основе индуктивного анализа с опорой на изучение хода и итогов ряда постбиполярных территориальных конфликтов, главным образом конфликтов на постсоциалистическом пространстве.

Историография проблемы

Реальные и потенциальные стратегии сторон в текущих территориальных конфликтах анализировались в научной литературе гораздо реже, чем следовало бы, учитывая их значимость для динамики международных процессов. Со времён классической работы Т. Шеллинга [3], где для описания возможных стратегий участников конфликта была применена теория игр, одна из немногих попыток произвести ранжирование подобных стратегий была предпринята в конце 1980-х годов Н. Капловитцем, который опирался на психологический подход, теорию образа государства и личностного измерения международных процессов [18; 19]. В его модели представлены семь разных стратегий, различаемых по критерию отношения к противнику — от тоталистской стратегии, нацеленной на полное его уничтожение или покорение, до примирительно-умиротворяющей, ставящей задачу достижения примирения выше задачи достижения изначальных собственных целей в конфликте. Выбор конкретной

стратегии согласно данной модели зависит от самовосприятия участника конфликта и его восприятия противника, «образа врага» в сознании лиц, принимающих решения. К сожалению, данная весьма полезная модель оказалась практически не востребовавшейся в дальнейших исследованиях и не получила распространения за пределами собственно политической психологии.

В постбиполярный период в фокусе исследовательского интереса продолжал находиться вопрос о том, при каких условиях стороны инициируют конфликт или решаются на эскалацию, тогда как эффективность подобных решений не проблематизируется. К примеру, в одной из наиболее фундаментальных современных работ по территориальным конфликтам, монографии П. Хата, проводится комплексное статистическое исследование с тестированием целого ряда гипотез относительно обстоятельств и факторов эскалации территориальных конфликтов по трёхуровневой шкале, где отсутствие реальной конфронтации и враждебных действий сторон территориального спора приравнивается к значению 0, умеренные или интенсивные политико-дипломатические действия соответствуют коэффициенту 1, а высокий уровень дипломатического давления с военной конфронтацией равнозначен коэффициенту 2 [14, р. 105]. Определив, что только 11% территориальных конфликтов, развернувшихся в период с 1950 по 1990 год, дошли до последнего уровня [14, р. 106], автор рассматривает влияние разных факторов на степень эскалации конфликта, распределяя их по трём категориям: политико-экономические характеристики оспариваемой территории, факторы международного контекста, включая результативность переговорного процесса, и внутренние факторы, в том числе характер сложившегося политического режима. При всей тщательности данного исследования автор в итоге приходит к вполне тривиальным выводам о необходимости поощрения мирных способов разрешения конфликтов, в том числе путём поддержания приоритета нормы о территориальной целостности существующих государств над нормой о праве на самоопределение [14, р. 191–192].

Довольно удачная попытка выработать классификацию стратегий участников конфликта предпринята И. Аррегин-Тофтом применительно к асимметричным конфликтам [4, р. 30–33]. Он

предлагает разделять конфликтные стратегии сторон на наступательные и оборонительные и различает два стратегических подхода — прямой и непрямой. Стратегии в рамках первого подхода направлены на разрушение физической способности противника к сопротивлению, то есть уничтожение его военного потенциала, в рамках второго — на разрушение его воли к сопротивлению [4, р. 34]. Накладывая друг на друга эти шкалы классификации, автор получает матрицу возможных конфликтных стратегий сторон и конфигураций асимметричных конфликтов [4, р. 39]. Тем не менее у данного подхода есть серьёзные ограничения, не позволяющие взять его за основу для целей настоящей статьи. Во-первых, понятие стратегии в нём изначально имеет сугубо военное измерение и отождествляется с характером ведения военных действий. Во-вторых, он исходит из гипотезы о том, что в асимметричных конфликтах инициатором всегда выступает более сильная сторона, тогда как современные исследования показывают, что при определённых обстоятельствах более слабые стороны вполне способны инициировать конфликт или его эскалацию [5]. И, в-третьих, в нём не учитывается специфика собственно территориальных конфликтов.

Содержательная полемика относительно стратегий участников территориальных конфликтов развернулась в современной науке главным образом в приложении к стратегии Китая в актуальных для него территориальных спорах. Так, Т. Фревел в своей монографии на эту тему предлагает исходить из того, что сторона территориального конфликта может придерживаться трёх базовых стратегий:

- силовой эскалации;
- компромисса и уступок;
- выжидания при сохранении статус-кво [8, р. 12].

Данная типология встретила обоснованную критику со стороны другого китаевода – Э. Тэффера, – указавшего: во-первых, на невозможность свести стратегический выбор участника территориального конфликта фактически к двум опциям эскалации и уступок; во-вторых, на неадекватность увязки силовых средств воздействия исключительно со стратегией эскалации, так как поддержание статус-кво в рамках стратегии выжидания также может потребовать использования силовых инстру-

ментов; и, в-третьих, на ложность восприятия указанных опций в качестве взаимоисключающих стратегий, поскольку в реальности конфликтные стратегии сторон могут включать в себя как эскалационные действия, так и компромиссные предложения, а применение тех или иных мер силового давления вполне может сочетаться с готовностью к уступкам или выжидательной линией [23]. Однако дальше указанных справедливых замечаний в адрес концептуальной основы работы Т. Фревела Э. Тэффер не пошёл, ограничившись рассмотрением одного из инцидентов в конфликте в Южно-Китайском море как показательного примера того, как Китай добивается изменения статус-кво в свою пользу парамилитарными средствами, провоцируя эскалацию конфликта без прямого применения военной силы.

Более перспективной с аналитической точки зрения выглядит шкала типов наступательной активности Китая в рамках территориальных споров, разработанная Э. Чаббом [6]. Он предлагает различать четыре типа наступательного поведения сторон в морских и сухопутных территориальных конфликтах в зависимости от их последствий для позиций участников:

- 1) декларативные действия;
- 2) демонстративные действия;
- 3) принуждение;
- 4) применение силы.

Однако и в этом случае данная типология, весьма полезная в качестве аналитического инструмента, используется только как шкала для оценки реальных шагов Пекина и поиска корреляций между ними и разными внутренними и внешними факторами, потенциально способными их детерминировать. Эффективность же различных типов наступательного поведения в рамках единой стратегии никак не оценивается. Аналогичную сфокусированность на вопросе, почему КНР применяет более или менее военизированные формы принуждения в разных территориальных конфликтах, демонстрирует и свежая статья К. Чан [26].

В отечественной науке наиболее обещающая попытка очертить круг параметров, исходя из которых следует выстраивать стратегию в конфликте, предпринята в статье А. Сушенцова [2], где формулируется алгоритм оценки национальных интересов России при принятии решения относительно вмешательства

в конфликт низкой интенсивности на сопредельном пространстве. В своей модели автор выделяет четыре блока факторов, которые необходимо учитывать при оценке необходимости подобного вмешательства, — политический, экономический, гуманитарный и технологический, — и подробно раскрывает каждый из них. При том, что предложенный алгоритм представляет довольно полный и ранжированный по степени значимости перечень факторов, определяющих целесообразность вовлечения в конфликты низкой интенсивности в период их обострения, нельзя не отметить его изначальную нацеленность на то, чтобы ограничить российское втягивание в такие конфликты и избежать «распыления национальных ресурсов». Так, автор утверждает, что «универсальной рекомендацией должно быть использование по возможности альтернативных путей достижения целей, а вооруженное вовлечение следует рассматривать исключительно как крайнее средство урегулирования» [2, с. 21]. В аналитическом же отношении представленная модель отличается своей «точечностью», сфокусированностью на принятии «единичного» решения о вмешательстве в текущий конфликт на этапе его перехода в насильственную фазу, а не на формировании долгосрочной стратегии для достижения победы и реализации своих политических целей.

Инструменты конфликтной стратегии

Настоящая статья исходит из представления о том, что стратегия представляет собой искусство адекватного выбора и использования подходящих инструментов для достижения поставленных целей в конфликте. Поэтому нельзя ассоциировать стратегию только с одним типом инструментов, как это делает Т. Фревел. Одна и та же стратегия может сочетать в себе как элементы эскалации и силового давления, так и элементы компромисса и уступок, и успешность такой стратегии зависит не от изначального соотношения этих элементов, а от их оптимальности в конкретном контексте конфликта с учётом его базовых параметров в текущий момент времени. Собственно, основными вызовами при выработке конфликтной стратегии, на наш взгляд, являются верная оценка доступных инструментов и правильное их комбинирование в текущих условиях.

Инструменты ведения конфликта следует ранжировать не столько по степени их силового воздействия («мягкая» или «жёсткая» сила), интенсивности (эскалация или уступки) или направленности (прямые или не прямые), сколько по характеру предусматриваемого ими взаимодействия. Отталкиваясь от того, что целью территориального конфликта является установление и легитимация контроля над спорной территорией, можно заключить, что при формировании стратегии поведения в данном конфликте стороны могут ориентироваться на три основных типа инструментов:

1) прямые силовые односторонние методы завоевания и контроля над территорией;

2) переговорные методы для ведения торга и достижения компромисса во взаимодействии непосредственно с участниками конфликта;

3) нормативные методы, апеллирующие к внешним игрокам и международным институтам, включая международные судебные инстанции, с требованиями оказания помощи либо содействия в соблюдении общепризнанных норм. В зависимости от статуса и полномочий привлечённых внешних участников такие методы могут иметь юридически обязывающие или необязывающие результаты [25, р. 14].

Нужно отметить, что в современных конфликтах вокруг силовых методов сохраняется некоторая двойственность: с одной стороны, силовые методы не всегда применяются для непосредственного захвата территории, а могут иметь демонстрационный или угрожающий характер, с другой — контроль над территорией можно устанавливать несиловыми, парамилитарными средствами [21]. В нашей статье ключевой упор для данной группы инструментов делается именно на контроле, тогда как использование силы для демонстрационных целей или оказания давления относится, скорее, ко второй группе, где результат достигается за счёт согласия со стороны других участников конфликта.

Переговорные и нормативные методы противопоставляются силовым как имеющие менее деструктивную, ненасильственную направленность и позволяющие абстрагироваться от сложившегося силового баланса. С помощью нормативных методов ограничиваются возможности для использования силовых преимуществ

сторон и закрепления их результатов. Однако они не всегда играют безусловно положительную роль в конфликте, открывая каналы для влияния на конфликт со стороны внешних, зачастую небеспристрастных игроков. Нередко нормативные методы задействуются целенаправленно для манипуляции темпоральными рамками конфликта, препятствования договорному урегулированию конфликта сторонами, отказа в легитимации нового статус-кво и поддержания конфликта в состоянии неопределённости, что лишает его перспектив завершения [13]. В других случаях нормативные методы становятся способами легитимации силовых действий отдельных сторон конфликта, за которыми гласно или негласно признаётся право прибегать к подобным действиям. Поэтому стороны территориальных конфликтов, как правило, не полагаются исключительно на эти группы инструментов, сохраняя за собой возможности для тех или иных односторонних действий.

Переговорные методы являются наиболее логичными и доступными средствами управления конфликтом. Прямое взаимодействие конфликтующих сторон позволяет получить адекватное представление о готовности противника к дальнейшим действиям в ходе продолжения или завершения конфликта, а также выработать механизм легитимизации его итогов, избегая нежелательной интернационализации и привлечения внешних игроков. Однако нужно отметить, что подобное взаимодействие (и тем более соглашение об урегулировании) возможно только в том случае, когда стороны признают субъектность друг друга не только в сугубо формальном, но и в содержательном плане, то есть признают право на существование и выражение своих законных справедливых интересов. Если же хотя бы один из участников конфликта отрицает субъектность другого/других как таковую или отказывает ему/им в праве иметь свои законные интересы на данной территории, переговорное взаимодействие может оказаться невозможным. И тогда у противоположной стороны не остаётся другого пути, кроме как добиваться полного разгрома обструктора или обращаться к нормативным — посредническим, многосторонним или судебным — рычагам воздействия в обход прямого диалога с противником.

Отдельно следует упомянуть также диапазон так называемых гибридных инструментов влияния, которые приобрели повы-

шенную востребованность в международных конфликтах в последнее десятилетие и ассоциируются с применением негласных, официально не связанных с государством — участником конфликта средств поражения, имеющих деструктивное воздействие на управленческую дееспособность противника и целостность его общественного сознания. При всей актуальности данных средств, на наш взгляд, их не стоит выделять в отдельную группу инструментов конфликтной стратегии, так как они выполняют преимущественно вспомогательную, а не самостоятельную роль, способствуя выполнению задач, реализуемых тремя перечисленными группами инструментов. Если речь идёт о военизированных, парамилитарных «гибридных» средствах, то они используются для изменения силового баланса путём лишения противника контроля над территорией без прямого столкновения, то есть подпадают под категорию силовых инструментов. В случае задействования кибернетических, информационных и сетевых «гибридных» технологий оказывается подрывное влияние на внутренний потенциал противника, его готовность отстаивать свои интересы и мобилизовать для этого общественную поддержку. Ведение любого конфликта подразумевает желательность подобного влияния для облегчения достижения поставленных целей, однако оно не отменяет и не заменяет необходимости обеспечивать реальный территориальный контроль и его формальную легитимацию. Даже если по итогам «гибридного» воздействия противник доводится до нужной степени дезорганизации, с ним всё равно нужно либо достичь окончательных договорённостей о разрешении конфликта, либо лишить его субъектности и легитимизировать территориальные изменения, опираясь на нормативные инструменты.

Базовые параметры конфликта и выбор инструментов конфликтной стратегии

Выбор между указанными инструментами при формировании конфликтной стратегии должен руководствоваться, прежде всего, объективными особенностями конфликта как такового, его пространственно-временного, геополитического и нормативного контекста. Можно выделить несколько базовых параметров, которые необходимо принимать во внимание при выборе опти-

мальной стратегии участниками постбиполярных территориальных конфликтов.

1. Прежде всего, это собственно **территориальные, пространственные условия**, в которых разворачивается конфликт, его военно-стратегический контекст. Ключевым в этом отношении является вопрос о том, кто на данный момент контролирует оспариваемую территорию де-факто.

Очевидно, что для стороны, которая удерживает фактический контроль, задача сводится к тому, чтобы его легитимизировать. Это повышает значимость переговорных и нормативных рычагов влияния, тогда как силовые инструменты подкрепляют политическую позицию угрозой возможного продолжения экспансии, если договорное урегулирование будет сорвано. Наиболее выигрышной стратегией в этом случае выглядит достижение окончательных договорённостей с противником непосредственно на двустороннем уровне, без привлечения внешних игроков и международных институтов, а только с признанием ими достигнутых договорённостей постфактум. Если невозможно достичь такого урегулирования, можно действовать несколькими путями: либо пытаться легитимизировать статус-кво на международном уровне, добиваясь признания от других стран и международных институтов, либо отказаться от формального юридического закрепления и сосредоточиться на фиксации своего фактического контроля силовыми методами, либо оказывать на противника силовое давление для его согласия на окончательные договорённости, либо через тотальный разгром противника добиться лишения его субъектности (постановки под контроль) и навязать свою волю.

В свою очередь, сторона, не обладающая фактическим контролем над спорной территорией, вынуждена так или иначе наращивать свой силовой потенциал — непосредственно или с внешней помощью — для того, чтобы такой контроль получить [24]. По этой причине именно стороны, не обладающие фактическим контролем (или обладающие им не в полной мере) преимущественно являются инициаторами применения силы [17, р. 37–40]. При этом нормативный аспект проблемы также приобретает для такой стороны повышенное значение, поскольку любой силовой захват территории должен заранее быть обстав-

лен таким образом, чтобы выглядеть справедливым и легитимным и не вызвать серьёзного общественного осуждения. Как правило, подготовка такого захвата сопряжена с максимальной демонизацией противника, демонстрацией неправомерности его действий по установлению и осуществлению контроля над спорной территорией, умалению его прав на неё и т. п. Побочными следствиями таких действий неизбежно становятся усиление нормативно-идентификационных мотивов конфликта по сравнению с ресурсными, стратегическими или статусными, а также дальнейшая антагонизация противника и сужение поля возможного переговорного компромиссного решения.

Сложнее выглядит ситуация смешанного фактического контроля, когда каждый участник конфликта удерживает часть оспариваемой территории. Здесь могут рассматриваться различные варианты — от договорного урегулирования путём фиксации существующего статус-кво на двустороннем уровне до подготовки военного захвата части территории под контролем противника. Главная задача обеих сторон в данной ситуации — не позволить противнику получить фактический контроль над всей спорной территорией. И если для этого нет силовых средств, нужно максимально использовать переговорные и нормативные инструменты.

Ещё одной альтернативной опцией в этом контексте выступает временная передача спорной территории под международный контроль при помощи размещения миротворческого контингента. Как правило, этот способ выглядит предпочтительным для более слабой стороны, не имеющей силовых ресурсов для установления собственного контроля в ближайшей перспективе. Однако при этом обе стороны лишаются важных рычагов управления конфликтом и попадают в зависимость от решений внешних сил, направляющих миротворческий контингент. Это может существенно нивелировать выгоды от сдерживания противника и усложнить движение к окончательному решению конфликта.

2. Вторым базовым параметром при выборе оптимальной стратегии следует назвать **темпоральные рамки конфликта** — его продолжительность на данный момент и перспективы дальнейшего поддержания [7]. Как правило, чем дольше длится территориальный конфликт, тем труднее добиться его окончательного урегулирования: существующий баланс закрепляется

как устойчивый элемент геополитической конфигурации, а политические позиции воплощаются в соответствующих управленческих практиках [13]. Поэтому сторона, имеющая силовой перевес в конкретный момент времени, заинтересована в скорейшем решении конфликта и конвертировании своего перевеса в конкретные формальные договорённости. Вместе с тем с течением времени в структуре конфликта и его геополитического контекста могут произойти изменения, значительным, а иногда и радикальным образом меняющие расклад для его участников. Это побуждает их рассматривать возможность дальнейшего поддержания конфликта в тлеющем состоянии в зависимости от того, насколько оно позволяет рассчитывать на удержание и улучшение собственных позиций с течением времени. Ключевую роль в реализации этой стратегии играют переговорные и нормативные инструменты, апелляция к которым даёт заинтересованным сторонам обоснование для отказа от легитимации текущего статус-кво в качестве окончательного исхода конфликта. В своих оценках вероятности улучшения собственных позиций с течением времени стороны должны принимать во внимание как перспективы изменения силовых потенциалов, так и возможные изменения политической конъюнктуры, привлечение либо дистанцирование внешних игроков.

На этом пути участников конфликта подстерегает ряд возможных промахов и ошибок. Так, сторона, которая соглашается на «заморозку» уже разгоревшегося конфликта, имея в этот момент силовой перевес и возможность навязать выгодное для себя решение, создаёт предпосылки для изменения баланса сил за время «заморозки» не в её пользу и будущего поражения. «Заморозка» может быть выгодна более слабой в настоящий момент стороне, если в её поддержку выступают крупные державы, которые помогут изменить баланс в её пользу, либо если у более слабой стороны есть надёжные основания рассчитывать на изменение соотношения сил в свою пользу. Нередко «заморозка» конфликта навязывается сторонам внешними силами как якобы единственно возможный способ прекращения насилия и перехода в переговорную фазу, хотя на деле её используют как средство изменения баланса в пользу более слабой стороны без собственного прямого вмешательства в конфликт либо как инструмент

управления конфликтом, позволяющий устанавливать и удерживать желаемую геополитическую конфигурацию в регионе.

В ситуации подобной навязанной извне «заморозки» участникам конфликта довольно трудно изменить устоявшийся баланс с помощью нормативных методов, ведь они уже получили свой отклик от международного сообщества, и рассчитывать на его трансформацию можно только вследствие радикального изменения курса внешних игроков. В таком случае, если участники хотят избежать нежелательного затягивания конфликта, им остаётся либо прибегнуть к прямым двусторонним договорённостям, либо использовать имеющиеся силовые средства, невзирая на возможную внешнюю реакцию.

3. Третьим базовым параметром выступают возможность **привлечения внешней поддержки** — как силовой, так и политической, — а также вероятная цена такой поддержки. Логично, что чем слабее позиции стороны конфликта, тем важнее для неё получить поддержку со стороны других игроков и международных институтов. Но при этом следует понимать, какая именно поддержка необходима для улучшения своих позиций в конфликте.

Для стороны, удерживающей контроль над спорной территорией, на первый план выходит сдерживание противника от дальнейших силовых действий, политическая и нормативная поддержка её позиций, однако, если её получение сопряжено с требованиями ослабления своего фактического контроля или отказа от него, такой поддержкой стоит пренебречь. Исключением может стать ситуация жёсткого «темпорального прессинга», когда перед участником конфликта стоит задача добиться скорейшего его урегулирования под угрозой серьёзного ухудшения своих позиций. В этом случае необходимость внешней поддержки возрастает, в том числе как фактора давления на противоположную сторону для достижения компромисса.

Для стороны, оспаривающей фактический контроль над территорией, ключевой является поддержка, повышающая её силовые возможности и легитимизирующая её действия по установлению собственного контроля. Это может включать в себя как оказание непосредственной военной помощи, так и сдерживание противника, его принуждение к уступкам и отказу от реализации своих силовых преимуществ.

Чем критичнее значимость внешней поддержки для участника конфликта, тем меньше его свобода действий в отношении данного конфликта [20]. По мере исчерпания собственного силового потенциала стороны конфликта вынуждены всё больше полагаться на внешнюю поддержку вплоть до попадания в зависимость от внешних сил. В такой ситуации последние приобретают рычаги влияния для манипулирования не только тактикой, но и стратегиями сторон конфликта, видением своих целей в нём и оценкой возможностей. К примеру, оказывая политическую поддержку требованиям одной из сторон, но не оказывая при этом поддержку силовую, внешние игроки тем самым побуждают её поддерживать конфликт, но не позволяют добиться решающего преимущества и разрешить его в свою пользу. Такая технология нередко используется для искусственного затягивания конфликта и его перевода в «замороженный» формат.

Альтернативой подобной зависимости выступает достижение компромисса с противником путём двусторонних переговоров. Однако, если внешняя поддержка сопровождается созданием специальных многосторонних переговорных форматов с задействованием международных посредников, взаимодействие на двустороннем уровне становится проблематичным, а вместе с ним – и урегулирование компромиссным путём.

В некоторых случаях внешняя поддержка имеет неявный характер: внешние игроки не заявляют открыто о том, что они поддерживают какую-то одну сторону конфликта, но придерживаются такой позиции в его отношении, которая даёт дополнительные преимущества одной стороне. Подобная неявная поддержка может выражаться в том числе в манипулировании нормативными аспектами конфликта таким образом, чтобы обосновать правоту притязаний одной из сторон [1, с. 76]. Для противоположной стороны в таком случае целесообразно открыто заявить о происходящей манипуляции и публично исходить из того, что те или иные внешние игроки оказывают поддержку её противнику, нежели вступать в нормативные препирательства и доказывать собственную правоту исключительно нормативными методами.

Ключевой особенностью внешней поддержки как фактора в территориальном конфликте является её темпорально перспективная ориентация: внешняя поддержка в подавляющем

большинстве случаев требует немало времени для того, чтобы значительным или решающим образом повлиять на структуру территориального конфликта. Даже если речь идёт о прямом и непосредственном силовом вмешательстве на стороне одного из участников конфликта, внешним игрокам нужно время на разворачивание и дислоцирование военно-силовых инструментов и на изменение собственно силового баланса «на земле». Более комплексные политические и нормативные методы внешней поддержки требуют ещё больше времени для получения практического эффекта. Поэтому сторона, стремящаяся к получению внешней поддержки, заинтересована в затягивании конфликта для того, чтобы успеть воспользоваться её преимуществами, а противоположной стороне, наоборот, выгоднее завершить конфликт до того, как внешнее противодействие ей включилось в полную силу.

4. И, наконец, четвёртым базовым параметром при определении стратегии сторон в территориальном конфликте выступает **международный и внутренний нормативный контекст**, так сказать, юридический статус-кво. Обладание «юридическим преимуществом», с одной стороны, приводит к более активному использованию несиловых нормативных методов [15], но при этом повышает и готовность к силовой эскалации [16]. Главные вопросы в этом отношении — во-первых, формальное положение участников конфликта (являются ли они признанными суверенными государствами или непризнанными политическими образованиями), а во-вторых, формальное положение оспариваемой территории (является ли она признанной частью суверенного государства или не имеет чётко закреплённого статуса).

Суверенное государство, ведущее борьбу за свою признанную территорию, по определению обладает большей легитимностью и, как следствие, большей свободой действий в конфликте, включая применение силовых инструментов. Субъект же, выступающий за изменение правового режима оспариваемой территории, может легитимизировать свои притязания, опираясь на принципы самоопределения, права человека, меньшинств и прочих социальных групп и другие нормы международного права, касающиеся организации государственного управления. Но для того, чтобы иметь основания апеллировать к данным

принципам, «ревизионисту» необходимо доказать, что в текущей ситуации они нарушаются его противником, и добиться признания этого факта со стороны международных институтов. Это означает, что претендент на политическую субъектность должен максимально использовать нормативные инструменты для своей легитимации, и в этом процессе он испытывает большую потребность во внешней поддержке, нежели признанное суверенное государство.

При этом его состоятельность как политического субъекта напрямую зависит от способности устанавливать и поддерживать прямой контроль над хотя бы частью оспариваемой территории [10, р. 9–11], поэтому силовой инструментарий является для непризнанного актора ключевым козырем. Но его задействование может происходить несколькими путями:

1) либо с самого начала осуществить захват всей или части оспариваемой территории, а потом прибегнуть к нормативным методам для его легитимации и, возможно, одновременно вступить в двустороннее взаимодействие с противником, чтобы заставить его согласиться на фиксацию сложившегося баланса в качестве политического компромисса;

2) либо добиться одобрения и поддержки своих нормативных аргументов, а потом осуществить резкий силовой захват территории, легитимность которого будет заранее обеспечена. Обе стратегии довольно рискованны и требуют не только немалой ресурсной базы, но и значительной интеллектуальной компетентности, а главное – они непосредственно зависят от поддержки внешних сил.

Возможности влиять на международный нормативный контекст у различных акторов существенно отличаются и во многом зависят от их положения в существующих международных институтах. В силу информационной гегемонии коллективного Запада последний задаёт базовый нарратив относительно большинства политических процессов в мире, однако этот нарратив не всегда удаётся легитимизировать на уровне международных институтов, в которых незападные государства обладают правом вето и возможностью публично заблокировать западную версию и продвигать свой нарратив в отношении того или иного конфликта. Получение признания своих претензий и одобрения сво-

их действий в конфликте со стороны других акторов, пусть даже в пассивной форме отказа от поддержки западного нарратива, — важное дипломатическое преимущество, укрепляющее позиции как малых, так и великих держав в конфликте.

Внутренний нормативный контекст имеет непосредственное значение для выбора оптимальной стратегии в территориальном конфликте, поскольку он задаёт для его участников «пределы допустимого», как в плане используемых инструментов, прежде всего силовых, так и в плане сценариев урегулирования и объёма допустимых ради этого уступок. Государство не может избрать даже самую оптимальную с точки зрения выигрышей и затрат стратегию, если она не вписывается во внутренний нормативный контекст в формальном (соответствие действующему законодательству и правовым практикам) и фактическом (легитимность в глазах общественного мнения) отношениях. Разумеется, оба эти аспекта поддаются трансформации и могут быть скорректированы таким образом, чтобы соответствовать выбранной стратегии. Однако подобные трансформации не случаются одновременно, а требуют большего или меньшего временного интервала для прохождения формальных процедур и/или изменения общественного сознания.

При этом манипуляции внутренним нормативным контекстом участников конфликта могут осуществляться не только изнутри, но и извне страны. Искусственная радикализация или, наоборот, отказ от принципиальных позиций могут продвигаться внешними игроками для поддержания нужного им градуса конфликта, срыва потенциальных компромиссных договорённостей или навязывания условий поражения в качестве приемлемых и желательных.

Заключение

Исходя из описанных параметров, можно вывести несколько ориентиров для успешного поведения акторов в условиях пост-биполярных территориальных конфликтов.

Эффективная стратегия выигрыша в территориальном конфликте состоит из двух ключевых компонентов — получения силового преимущества и его политической реализации. В условиях классической Вестфальской территориальности реализация силового преимущества заключалась исключительно в получе-

нии согласия противника на фиксацию нового статус-кво и собственно самой его фиксации в формально-договорном порядке. В биполярный и особенно постбиполярный период добиться выполнения этих компонентов существенно труднее: военно-силовые действия становятся всё более затратными, достигнутые с их помощью преимущества могут быть сравнительно легко нивелированы, а фиксация нового статус-кво требует не только согласия непосредственного противника, но и согласия большинства других государств и международных институтов. Это обуславливает отличия «традиционных» успешных стратегий управления конфликтами от тех, которые являются релевантными в современных условиях.

Традиционно считалось, что великие и региональные державы обладают ресурсами, необходимыми для захвата и удержания территории, поэтому могут получить силовое преимущество и удерживать его до реализации своих политических интересов. Поэтому великим державам, казалось бы, проще манипулировать темпоральным аспектом конфликта. Они могут позволить себе затягивать окончательное урегулирование, укрепляя свой контроль над спорной территорией де-факто, так как их положение и статус в международной системе от этого не страдают, а возможности коренного изменения силового баланса незначительны. Однако в условиях постбиполярной системы любое силовое преимущество не является абсолютным и самодостаточным, а требует легитимизации и закрепления в международном нормативном контексте, который, в свою очередь, сформирован таким образом, чтобы максимально затруднить использование прямых силовых инструментов. Кроме того, статус великих держав и их рычаги влияния во многом зависят от позиций в рамках международных институтов и нормативного контекста.

Это создаёт две «полярные» альтернативные стратегические опции, которых могут придерживаться великие и региональные державы в условиях территориального конфликта: первая — ориентироваться на получение силового преимущества с максимально быстрой его политической реализацией; вторая — ориентироваться на поддержание благоприятного международного нормативного контекста ценой потери позиций непосредственно в конфликте.

Ситуация использования великой державой своих силовых инструментов для укрепления прямого территориального контроля, особенно в асимметричном конфликте против существенно более слабого противника, сама по себе противоречит духу действующего международного права и неизбежно вызовет негативную реакцию, а с ней – и вероятное ухудшение собственных политических позиций с течением времени. Поэтому великой державе, решившейся на применение своего военного потенциала в территориальном конфликте, необходимо как можно быстрее добиться легализации полученных или возможных территориальных приобретений на многостороннем или хотя бы на двустороннем уровне. В противном случае она рискует остаться в ситуации непризнания нового статус-кво, способной повлечь дипломатическое и силовое противодействие уже не только со стороны проигравшего, но и со стороны других недружественных себе игроков. Ещё худшим исходом для неё может стать навязывание бесперспективных переговорных форматов и ассоциированных с ними обязательств, особенно в отношении неприменения силы в будущем. Это может привести к блокированию развития конфликта в любую конструктивную сторону — как на силовом, так и на политическом уровне — и сохранению подобного «подвешенного положения» на неопределённый срок. Преодолеть подобное положение можно либо выйдя из конфликта как такового, согласившись на тот или иной вариант взаимоприемлемого урегулирования с противником (например, путём нахождения оптимальных форм совместного доступа к спорной территории), либо дождавшись коренного перереформатирования существующего политического поля, позволяющего отказаться от накопившегося «шлейфа обязательств», в том числе путём трансформации, ликвидации или «переучреждения» субъектов конфликта либо структур, обеспечивающих имеющиеся переговорные форматы, либо искусственно создав такое коренное перереформатирование.

Ориентация на международный нормативный контекст, как правило, побуждает великие державы сократить до минимума прямое использование своих силовых инструментов в конфликте, а в некоторых случаях — и своё прямое в нём участие. В этом случае они пытаются либо приобрести наиболее весомые поли-

тические рычаги влияния на конфликт, задавая его международный нормативный контекст или выступая в роли медиатора или миротворца, либо дистанцироваться от конфликта благодаря созданию «прокси-субъектов», выступающих в качестве номинальной стороны конфликта. Обе стратегии проблематичны ввиду двух факторов: во-первых, они зависят от признания со стороны противника и других внешних сил, которые далеко не всегда готовы предоставлять заинтересованной великой державе роль медиатора конфликта, а во-вторых, они так или иначе всё равно требуют задействования силовых ресурсов или готовности к их задействованию, только политические рамки для этого в подобных обстоятельствах будут гораздо уже, чем в случае непосредственной защиты своих национальных интересов. Для миротворчества необходим чётко оговоренный формальный мандат на использование силовых инструментов, а прямая открытая помощь «прокси-субъектам» может быть расценена как незаконное вмешательство, особенно если его подобные субъекты не имеют признанного политического статуса.

Исходя из вышесказанного, мы можем сформулировать гипотезу успешности стратегии поведения великой или региональной державы в условиях территориального конфликта: даже в условиях сравнительно благоприятного международного нормативного контекста более эффективной является ориентация на достижение желаемого территориального результата путём реализации прямого силового преимущества и максимально быстрой его легитимизации на двустороннем и, по возможности, многостороннем уровнях. При этом сформированный в ходе такой реализации силовой баланс должен не просто отражать превосходство великой державы на текущий момент времени, а гарантировать его удержание даже при изменениях во внешней конъюнктуре и нормативном контексте в среднесрочной перспективе, а отказ слабой стороны от признания нового баланса должен неизбежно влечь за собой дальнейшее его ухудшение вплоть до тотального разгрома.

Для средних и малых государств критическими являются внешняя поддержка, позволяющая снизить или нивелировать силовое преимущество противника, а также нормативный контекст, препятствующий окончательной легитимизации невыгод-

ной для них конфигурации сил «на земле», но не блокирующий окончательное решение конфликта и не превращающий его в рычаг влияния внешних сил. В то же время внешняя поддержка, сводящаяся сугубо к дискурсивной и нормативной солидарности с политической позицией участника территориального конфликта и не предусматривающая наращивание его силового потенциала, не может считаться достаточной для выигрыша в конфликте. При подобных условиях выигрыш возможен только в случае резкой мобилизации собственных ресурсов либо резкого же ослабления противника. Наиболее выигрышной для слабого игрока будет такая стратегия, которая позволит за определённый срок нарастить силовой потенциал, чтобы в подходящий момент использовать его для изменения силового баланса в конфликте в свою пользу, достигнув желаемого результата, и сохранить при этом такой нормативный контекст, в котором подобное изменение можно будет максимально быстро легитимизировать.

Таким образом, определив три ключевые группы инструментов ведения конфликта (силовые, переговорные и нормативные), мы рассмотрели желательные сценарии их задействования с учётом четырёх базовых параметров территориального конфликта (пространственного, темпорального, внешней поддержки и международного и внутреннего нормативного контекста). На наш взгляд, эта модель предоставляет не исчерпывающий, но минимально достаточный набор стратегических опций, позволяющий определить успешную стратегию для участников современных территориальных конфликтов. В дальнейших исследованиях необходимо апробировать полученные в рамках данной модели выводы, сопоставив их с поведением сторон в текущих или завершённых территориальных конфликтах.

Литература

1. *Ефременко Д.В.* Открытый финал войны за югославское наследство: последствия распада СФРЮ спустя три десятилетия // *Международная аналитика*. – Т. 21. – 2021. – Вып. 1. – С. 74–95.
2. *Сушенцов А.А.* Национальные типы конфликтного поведения. Метод структурированной оценки // *Международные процессы*. – Т. 12. – 2014. – № 4. – С. 17–31.
3. *Шеллинг Т.* Стратегия конфликта / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 366 с.
4. *Arreguín-Toft I.M.* How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict. – N.Y.: Cambridge University Press, 2005. – 250 p.
5. *Chen C.* Territorial Dispute Initiation by Weaker States // *The Chinese Journal of International Politics*. – Vol. 11. – 2018. – No. 3. – P. 339–372.

6. *Chubb A.* PRC Assertiveness in the South China Sea: Measuring Continuity and Change, 1970–2015 // *International Security*. – Vol. 45. – 2021. – No. 3. – P. 79–121.
7. *Distefano G.* Time Factor and Territorial Disputes // *Research Handbook on Territorial Disputes in International Law* / M.G. Kohen, M. Hébié (eds.). – L.: Edward Elgar Publishing Limited, 2018. – P. 397–416.
8. *Fravel T.M.* Strong borders, secure nation: cooperation and conflict in China's territorial disputes. – Princeton: Princeton University Press, 2008. – 376 p.
9. *Freedman L.* Ukraine and the Art of Strategy. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 233 p.
10. *Geldenhuis D.* Contested States in World Politics. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – 195 p.
11. *Gray C.S. Dr.* Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century // *US Army War College Monographs, Books, and Publications*. – 2011. – No. 581. – 74 p. – URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/581> (accessed: 09.09.2022).
12. *Guo R.* Territorial disputes and conflict management: the art of avoiding war. – L.: Routledge, 2012. – 206 p.
13. *Hassner R.E.* The Path to Intractability. Time and the Entrenchment of Territorial Disputes // *International Security*. Winter 2006/07. – Vol. 31. – No. 3. – P. 107–138.
14. *Huth P. K.* Standing Your Ground: Territorial Disputes and International Conflict. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. – 275 p.
15. *Huth P., Croco S., Appel B.* Does International Law Promote the Peaceful Settlement of International Disputes? Evidence from the Study of Territorial Conflicts since 1945 // *American Political Science Review*. – Vol. 105. – 2011. – No. 2. – P. 415–436.
16. *Huth P., Croco S., Appel B.* Law and the Use of Force in World Politics: The Varied Effects of Law on the Exercise of Military Power in Territorial Disputes // *International Studies Quarterly*. – Vol. 56. – 2012. – No. 1. – P. 17–31.
17. *Huth P.K., Allee T.L.* The democratic peace and territorial conflict in the twentieth century. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 514 p.
18. *Kaplowitz N.* National Self-Images, Perception of Enemies, and Conflict Strategies: Psychopolitical Dimensions of International Relations // *Political Psychology*. – Vol. 11. – 1990. – No. 1. – P. 39–82.
19. *Kaplowitz N.* Psychopolitical Dimensions of International Relations: The Reciprocal Effects of Conflict Strategies // *International Studies Quarterly*. – Vol. 28. – 1984. – No. 4. – P. 373–406.
20. *Miller B., Kagan K.* The Great Powers and Regional Conflicts: Eastern Europe and the Balkans from the Post-Napoleonic Era to the Post-Cold War Era // *International Studies Quarterly*. – Vol. 47. – 1997. – No. 1. – P. 51–85.
21. *Or A.H., Ido Y.* The art of “subversive conquest”: How states take over sovereign territories without using military force // *Comparative Strategy*. – Vol. 36. – 2017. – No. 4. – P. 293–308.
22. *Simmons B.* See You in ‘Court’? The Appeal to Quasi-Judicial Legal Processes in the Settlement of Territorial Disputes // Paul F. Diehl (ed.), *A Road Map to War*. – Nashville: Vanderbilt University Press, 1999. – P. 205–237.
23. *Taffer A.* State Strategy in Territorial Conflict: A Conceptual Analysis of China's Strategy in the South China Sea // *Contemporary Southeast Asia*. – Vol. 37. – 2015. – No. 1. – P. 85–108.
24. *Tir J.* Never-Ending Conflicts? Territorial Changes as Potential Solutions for Territorial Disputes // *Conflict Management and Peace Science*. – Vol. 20. – 2003. – No. 2. – P. 59–83.
25. *Wiegand K.E.* Enduring Territorial Disputes: Strategies of Bargaining, Coercive Diplomacy, and Settlement. – University of Georgia Press, 2011. – 376 p.
26. *Zhang K.* Explaining Chinese Military Coercion in Sino-Indian Border Disputes // *Journal of Contemporary China*. – 2022. Forthcoming. – URL: <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2090081> (accessed: 09.09.2022).

Тутаева Наталья Игоревна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Natalia I. Tutaeva,

Phd in Political Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: fni07@rambler.ru

Коптелова Ирина Евгеньевна,

кандидат философских наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Irina E. Koptelova,

PhD in Philosophy,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: ms.koptelova@list.ru

Гусарова Наталья Геннадьевна,

ст. преподаватель кафедры английского языка № 1,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Natalia G. Gusarova,

senior lecture of the English language department № 1,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: nggusarova@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В МИРЕ В СВЕТЕ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

THE PERSPECTIVES OF SOLVING THE PROBLEM OF FOOD SECURITY IN THE WORLD IN THE LIGHT OF ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

Аннотация: последствия разрушающих мировую экономику антироссийских санкций, изменения климата Земли, распространения пандемии COVID-19, роста мировых цен на продовольствие, удобрения и топливо, региональные конфликты подрывают усилия системы ООН, международного сообщества по достижению целей, поставленных в «Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года», и делают невыполнимой задачу ликвидации голода и нищеты на Земле в оставшиеся восемь лет. Несмотря на ухудшение мировой экономической ситуации, ФАО продолжает деятельность, нацеленную на достижение продовольственного самообеспечения развивающихся стран, которую активно поддерживает Российская Федерация.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, антироссийские санкции, ответные меры, Повестка дня в области устойчивого развития, глобальное изменение кли-

мата, пандемия COVID-19, Саммит ООН по продовольственным системам, Программа технического сотрудничества ФАО, Доктрина продовольственной безопасности РФ.

Abstract: devastating repercussions for the world economy of the anti-Russian sanctions, global climate change, COVID-19 pandemic, rising of the food, fuel and fertilizer prices as well as regional conflicts undermine the efforts of the UN system, of the international community to meet the goals of the 2030 Agenda for sustainable Development and make unachievable the task to end hunger and poverty on the Earth in the remaining 8 years. Notwithstanding an aggravation of the world economic situation the FAO proceeds with its activities aimed at attaining a food self-sufficiency of the developing countries which, are actively supported by the Russian Federation.

Key words: Food security, anti-Russian sanctions, reciprocal measures, Agenda for sustainable development, global climate change, COVID-19 pandemic, UN food systems summit, FAO Programme for technical co-operation, food-self-sufficiency, Doctrine of food security of the RF.

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), число голодающих в мире в 2021 году возросло до 828 млн человек, а количество людей, проживающих в условиях отсутствия продовольственной безопасности, превысило 2,3 млрд человек [7, с. 12].

Наиболее остро проблема нехватки продуктов питания ощущается в 53 развивающихся странах, особенно в Африке, южнее Сахары (278 млн человек), и Азии (425 млн человек) [7, с. 16]. При этом, по оценке экспертов ФАО, в девяти из них складывается поистине катастрофическая ситуация, требующая от международного сообщества принятия чрезвычайных мер в плане гуманитарной, продовольственной и финансовой помощи. В их число входят: Афганистан, Гаити, Демократическая Республика Конго, Йемен, Нигерия, Пакистан, Сирия, Судан и Эфиопия. При этом одним из главных факторов обострения ситуации в этих странах эксперты называют региональные конфликты [13, с. 7].

Усилия международного сообщества, системы ООН по достижению целей, поставленных в принятой на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [9], прежде всего по ликвидации голода и нищеты в мире в установленные сроки, нивелируются действием ряда крайне негативных факторов. К их числу относятся: происходящее глобальное потепление климата Земли и связанные с ним разрушительные природные катастрофы; распространение пандемии коронавируса COVID-19, вследствие которой число голодающих в мире, по данным ООН, с 2019 по 2021 год возросло на 150 млн человек [13, с. 6]. К этому также следует добавить:

провоцирование Западом региональных конфликтов; продолжающийся рост цен на продовольствие, топливо, удобрение, сельхозтехнику; и др. Разрушительные последствия природных катастроф последних лет наносят, по оценке ООН, ущерб мировой экономике в размере около 520 млрд долл. США в год [14, с. 7].

Действие указанных факторов в условиях недостаточной и малоэффективной международной помощи на цели развития реально ведет к неуклонному росту числа людей, прежде всего в развивающихся странах, испытывающих острую нехватку продовольствия.

Меры, предпринятые в борьбе с пандемией COVID-19, привели к экономическому спаду в большинстве стран мира. Они повлекли за собой перераспределение бюджетных средств, ухудшение качества питания и массовый переход населения на более дешевые, низкокалорийные продукты. Произошел существенный рост стоимости рациона здорового питания для 3,1 млрд человек, и этот показатель продолжает расти. По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), темпы роста мировой экономики снизились с 5,5% в 2021 году до 2,5% в 2022 году, а в 2023 году прогнозируется рост лишь около 2,2%. По оценке ЮНКТАД, происходящий спад мировой экономики, в случае продолжения войны на Украине и обострения мирового финансового кризиса, может перейти в более глубокую фазу, за которой последует длительная стагнация [15, с. 16].

ФАО рекомендует правительствам скорректировать в связи с этим экономическую политику, сделав акцент на поддержку потребителей, чтобы обеспечить экономическую доступность здорового питания для более широких масс населения [7, с. 19, 21].

Действие упомянутых негативных факторов серьезно подрывают усилия развивающихся стран, прежде всего наиболее бедных из них, в деле решения продовольственной проблемы, вследствие чего они вынуждены всё шире обращаться за международной гуманитарной помощью как к основному источнику снабжения населения продуктами питания. В то же время принципиально важно исходить из того, что продолжающееся дальнейшее усугубление мировой продовольственной проблемы, а также рост числа голодающих людей в мире спровоцированы в первую очередь проводимой Западом санкционной политикой

в отношении России, направленной на подрыв её экономического потенциала, сокращение экспортных возможностей, особенно в таких сферах, как продовольствие, энергоносители, удобрения, на перекрытие каналов валютных поступлений в бюджет страны.

Агрессивная санкционная политика Запада спровоцировала гигантский скачок мировых цен на энергоресурсы, продовольствие и удобрения, что повлекло за собой энергетический и продовольственный кризисы и глобальную инфляцию. Население западных стран уже достаточно остро ощутило на себе последствия антироссийских санкций в связи с происходящим беспрецедентным по своим масштабам ростом цен на жильё, коммунальные услуги, транспорт, энергию, бензин, лечение и т. п.

В случае сохранения действия упомянутых негативных факторов, по оценке Группы реагирования экспертов ООН на глобальные кризисы в области продовольствия, энергии и финансов, число голодающих в мире уже в 2023 году возрастёт ещё на 19 млн человек [14, с. 110]. В свою очередь эксперты Всемирной продовольственной программы (ВПП) предсказывают рост числа голодающих в мире в случае продолжения военного конфликта на Украине до 323 млн человек [14, с. 10]. Эксперты ООН признали, что высокие мировые цены на энергию и торговые ограничения, а также прекращение поставок минеральных удобрений из России и Белоруссии спровоцировали рост мировых цен на удобрения, превышающие рост цен на зерно.

В докладе экспертов ООН содержится очень серьёзное предупреждение о том, что в случае продолжения войны на Украине и сохранения высоких цен на зерно и удобрения в будущем сельскохозяйственном году нынешний кризис в производстве и поставках кукурузы, пшеницы и растительного масла на мировые рынки охватит другие сельхозкультуры и превратится в продовольственную катастрофу глобального характера [14, с. 3]. В связи с этим ими сделан вывод о том, что не может быть найдено решения мирового продовольственного кризиса без возвращения на мировые рынки как украинского продовольствия, так и продовольствия и удобрений из России [14, с. 3—4].

Санкционная война, развернутая Западом сразу после признания Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик 21 февраля 2022 года и объявления 24 февраля

2022 года о начале Специальной военной операции на Украине, повлекла за собой принятие, согласно данным базы по отслеживанию санкций Castellum.ai, 7,4 тыс. новых санкционных ограничений, список которых постоянно растет. Под западные санкции попали крупные российские банки и компании, в том числе: ВЭБ РФ, ВТБ, Банк «Россия», Промсвязьбанк, Сбербанк, «Роснефть», «Газпром», «Ростелеком», РЖД и другие.

Прежде всего, санкции были направлены на финансовую, энергетическую и транспортную отрасли России, поставки товаров, зерна, технологического оборудования и др. Были заморожены активы Центробанка РФ, размещённые за рубежом, из-за чего Россия технически лишилась возможности расплачиваться с нерезидентами.

Евросоюз, США, Великобритания, Канада, Норвегия, Швейцария и ряд других стран запретили полёты российских авиакомпаний над своей территорией. Ограничения коснулись также грузового и морского транспортного сообщения. Страны Евросоюза ввели запрет на импорт российского угля и электроэнергии и на 2/3 сократили импорт российского газа, а с 5 февраля 2023 года Евросоюз ввел запрет на импорт из России нефти и нефтепродуктов. Были заморожены российские активы в объёме свыше 30 млрд долл. США, включая арест судов, вертолётов, недвижимости и произведений искусства на сумму свыше 7 млрд долл. США. Аналогичные действия в отношении активов российских банков и компаний были предприняты также в США, Великобритании и Канаде.

Действия США и их союзников по поддержке киевского режима спровоцировали многомиллионный поток беженцев из Украины. Около 5 млн жителей Донбасса и юго-восточных регионов Украины вынуждены были уехать в Россию.

Россия категорически отвергла обвинения Запада в создании искусственных трудностей в поставках зерна на мировые рынки и, в частности, из Украины. Именно Россия была инициатором заключения «зерновой сделки» в Стамбуле, позволившей обеспечить вывоз из контролируемых Украиной морских портов, по данным ООН, около 15 млн тонн продовольствия по состоянию на конец декабря 2022 года. При этом львиная доля (около 70%) украинского зерна была направлена в страны

Евросоюза в ущерб интересам развивающихся стран, наиболее остро нуждающихся от нехватки продовольствия. Украинская часть зерновой сделки выполняется, хотя Совместным координационным центром в Стамбуле фиксируются ее многочисленные нарушения, в то время как выполнение российской части сделки продолжает пробуксовывать.

Вместе с тем в ответ на террористическую атаку 29 октября 2022 года, совершенную украинскими Вооружёнными силами с помощью беспилотников, против кораблей ВМФ России на рейде в бухте Севастополя, обеспечивающих безопасность «зернового коридора» по вывозу сельхозпродукции из украинских портов, Россия вынуждена была объявить 30 октября 2022 года о приостановке действия «зерновой сделки»¹. О принятом решении МИД России 30 октября 2022 года информировал Генерального секретаря ООН. Решение России вызвало истерическую реакцию со стороны киевских властей. Министр сельского хозяйства России Д. Н. Патрушев в интервью Телеканалу «Россия 24» 30 октября 2022 года заявил, что Россия с участием Турции готова безвозмездно поставить беднейшим развивающимся странам до 500 тыс. тонн зерна в ближайшие четыре месяца, а с учётом огромного урожая зерна в 2022 году — полностью заменить украинское зерно на мировом рынке и поставлять его по приемлемым ценам² [4].

Однако уже 2 ноября 2022 года на совещании с членами Совета Безопасности России В. В. Путин заявил, что Россия возобновляет «зерновую сделку» под полученные при посредничестве Турции письменные гарантии Украины о неиспользовании гуманитарных коридоров в военных целях. При этом Россия оговорила за собой право выхода из сделки в случае нарушения Украиной данных ею гарантий.

11 ноября 2022 года по инициативе Генсекретаря ООН А. Гутерриша была организована встреча между представителями ООН и России касательно обеспечения беспрепятственного экспорта российского продовольствия и удобрений на мировые рынки как часть «зерновой сделки». Положительную роль

¹ Решение о приостановке действия «зерновой сделки» было принято на уровне Минобороны России 30 октября 2022 года в качестве участника «зерновой сделки» от имени России и затем подтверждено МИД России.

² По данным ООН, «зерновым коридором» воспользовалось 390 судов, вывезших по состоянию на 26 октября 8,9 тонн продовольствия из портов Одессы, Южного и Черноморска.

в этом плане сыграло включение в итоговую декларацию встречи G20 на острове Бали положения, в котором подтверждается важность «зерновой сделки» и продолжения ее реализации всеми участвующими сторонами. В качестве первого шага по реализации достигнутых договоренностей явилось разрешение Нидерландов на отправку 11 ноября 2022 года в Малави 20 тыс. тонн российских удобрений, застрявших в порту Роттердама. Несмотря на то что после проведения со стороны ООН инспекций в портах Литвы, Латвии, Эстонии и Бельгии было дано разрешение на вывоз около 200 тыс. тонн арестованных российских удобрений, фактическая реализация инициативы Генсекретаря ООН блокируется властями этих стран. 17 ноября 2022 года А. Гутерриш официально заявил о продлении «зерновой сделки» с согласия всех сторон на 120 дней.

Начиная с февраля 2022 года в целях защиты национальных интересов страны, минимизации потерь для её экономики и её экспортного потенциала российским руководством был принят ряд важных законодательных актов, которые явились ответом России на западные санкции. В их числе: указы Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями США и примкнувших к ним стран», от 16 марта 2022 г. № 121 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защите населения в Российской Федерации», от 18 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования», от 3 мая 2022 г. № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» и ряд других законодательных актов.

Последний Указ Президента запрещает совершать сделки и исполнять обязательства перед зарубежными физическими и юридическими лицами, попавшими под ответные ограничительные меры, а также вывозить из России сырьё и продукцию в пользу этих лиц [12].

Принципиальная оценка действий западных стран и связанного с ними масштаба проблем с продовольствием в мире, спо-

собных привезти к глобальной гуманитарной катастрофе, была дана в выступлении Президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума 3 сентября 2022 года. Он квалифицировал действия Запада как «экономическую, технологическую и финансовую агрессию против России» [3].

Несмотря на санкции, Россия по-прежнему поставляет продовольствие и удобрения в нуждающиеся страны и готова это делать в будущем. В мае 2022 года, по данным Российского зернового союза, Россия экспортировала 1,26 млн тонн пшеницы, что почти вдвое больше, чем год назад (экспорт в мае 2022 г. — 675 тыс. тонн). Всего же с начала сельскохозяйственного года по 5 июня с. г. поставки зерновых на внешние рынки достигли 41,7 млн тонн, из них пшеницы — 35 млн тонн, ячменя — 3,42 млн тонн, кукурузы — 3,2 млн тонн. Поставки удобрений из России обеспечивают до 35% мировых потребностей [1]. В. В. Путин подтвердил на Восточном экономическом форуме что в 2022—2023 годах Россия намерена поднять экспорт зерна до 50 млн тонн в год.

Ранее, в мае 2022 года, Россия отгрузила зерновые в Египет (130 тыс. тонн), Турцию (74 тыс. тонн), Иран, Судан и Нигерию. К закупкам российской пшеницы вернулась также Саудовская Аравия, вновь начал проявлять интерес к российской продукции Тунис. По линии ВПП ООН российское продовольствие доставлено в Таджикистан, Киргизию, Кубу, Ливан и Йемен.

При высоком спросе на российское зерно и удобрения российская сторона столкнулась с введением прямых западных санкций и связанных с ними «незримых» барьеров для российской сельхозпродукции. К таким «незримым» барьерам относятся: блокировка банковских расчетов, замораживание кредитных линий на закупку российского зерна, отказ в страховании грузоперевозок, создание искусственного дефицита судов путём запрета на вход в порты и целый ряд других санкционных инициатив США, Европейского союза и их партнёров. При этом если санкции будут продолжены, то в следующем сезоне есть риск недопоставки на мировой рынок до 10 млн тонн зерновых [1].

На Западе усиленно муссируются слухи о якобы имеющем место дефиците продовольствия в мире, хотя, согласно рекомендациям ФАО, запасы зерна должны составлять 17% от уров-

ня потребления, что соответствует текущему уровню. Алармистские заявления — это игра на повышение цен, провоцирующая ажиотажный спрос и создающая реальную угрозу продовольственной безопасности в мире.

Главная проблема заключается не в дефиците продовольствия, а в галопирующем росте цен на него. Страны, прежде всего развивающиеся, которые зависят от импорта продовольствия, удобрений, энергоносителей и к тому же с высоким уровнем внешнего долга, не могут позволить себе покупать их по возросшим ценам. Об этом прямо говорится в докладе Группы реагирования экспертов ООН.

По оценке ЮНКТАД, 46 развивающихся стран сталкиваются с серьёзными трудностями, связанными с обслуживанием внешнего долга. Возросшие мировые цены на продовольствие и топливо, а также высокие банковские ставки истощают их финансовые ресурсы и возможности погашения внешней задолженности. Эксперты ЮНКТАД считают, что без принятия кредиторами решительных мер по облегчению долгового бремени большинство из этих стран столкнётся с масштабным долговым кризисом и дефолтом [10; 15, с. 2].

Ущерб для мировой экономики, решения проблемы продовольственного обеспечения населения Земли от действия антироссийских санкций ещё предстоит оценить экспертам системы ООН, прежде всего ФАО, ВПП, Мирового банка, Международного фонда сельскохозяйственного развития. Однако сейчас уже можно ожидать, что число голодающих в мире в ближайшие 2—3 года при сохранении санкций может приблизиться к 1 млрд человек.

В связи с этим становится вполне очевидным, что достижение целей по ликвидации голода и нищеты в мире, поставленных в «Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года», за оставшиеся семь лет невыполнимо. К такому выводу пришли эксперты ФАО и ООН в подготовленных ими докладах [13, с. 7; 14, с. 110].

В пользу такого вывода говорит также тот факт, что, по оценке ФАО, для достижения целей, поставленных в «Повестке дня...», международному сообществу ежегодно потребуется предоставлять на развитие сельхозпроизводства развивающихся стран около 4,3 трлн долл. США [7, с. 9], и при такой ситуации США и другие

западные страны направляют десятки миллиардов долларов США не на решение продовольственной проблемы развивающихся стран, а на оказание военной помощи киевскому режиму.

Отсутствие реального прогресса в достижении целей, поставленных в «Повестке дня...», побудило Генерального секретаря ООН А. Гутерриша созвать в рамках 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Саммит по продовольственным системам «Идти избранным курсом, сохраняя импульс на пути к 2030 году».

В задачу Саммита входило придание дополнительного импульса усилиям международного сообщества в деле мобилизации всех имеющихся в его распоряжении ресурсов и резервов для искоренения голода и нищеты в намеченные Генеральной Ассамблеей ООН сроки. В качестве вклада в работу Саммита государства — члены ООН инициировали национальные диалоги по продовольственным системам в период с 2020 года по май 2021 года, способствовавшие формированию в странах национальных стратегий по устойчивым продовольственным системам.

Ранее, 24 ноября 2020 года, Россия объявила о запуске своего Национального диалога. Стартовое мероприятие Диалога в режиме видеофорума было организовано членом Группы лидеров Саммита, Ректором Дипломатической академии МИД России А. В. Яковенко. Итогом Национального диалога в Российской Федерации стал доклад «Навстречу Саммиту ООН по продовольственным системам: российские приоритеты, достижения и задачи», представленный на Саммите 23 сентября 2021 года Министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым [2].

В интервью РИА Новости 28 сентября 2021 года А. В. Яковенко, оценивая итоги Национального диалога в России, отметил важность сотрудничества России с ФАО в развитии высокопродуктивного сельского хозяйства в развивающихся странах, в частности в сфере поставок фосфорных удобрений, свободных от токсичных и опасных элементов. При этом он отметил роль российского производителя экологически чистых удобрений «ФосАгро», реализующего с ФАО совместный проект устранения нищеты и голода на Земле через инвестиции в сельскохозяйственную отрасль развивающихся стран, а также глобальную программу «Доктора для почв» по повышению навыков фермеров в области устойчивого управления почвами [5].

Несмотря на складывающуюся ситуацию в мировой экономике, действие негативных факторов, деятельность ФАО по-прежнему нацелена на решение проблемы достижения продовольственного самообеспечения развивающихся стран. Деятельность в этой области осуществляется на страновом уровне в рамках Программы технического сотрудничества, по линии которой реализуются проекты техпомощи в пяти регионах, которые ориентированы на создание собственной базы производства продовольствия в наименее развитых, не имеющих выхода к морю и пострадавших от стихийных бедствий и региональных конфликтов развивающихся странах с перспективой достижения ими устойчивого продовольственного самообеспечения и отказа от международной продовольственной помощи [10].

Большое значение для многих развивающихся стран, прежде всего для наименее развитых из них, имеет то, что «проекты технической помощи предусматривают не только передачу странам-получателям полезной экономической и технической информации; опыта стран, успешно решающих продовольственную проблему; командирование экспертов и специалистов, но и предоставление им финансовых ресурсов на приобретение сельскохозяйственной техники, транспортных средств, закупку удобрений, семян сельхозкультур и т. п.» [10].

Реализация Программы технического сотрудничества тесно связана с выполнением принятых в ООН Целей устойчивого развития (ЦУР). Принципиально важно также и то, что проекты техпомощи нацелены на развитие экологически жизнеспособного сельского хозяйства, искоренение нищеты в сельских районах в целях их возрождения, использование биоразнообразия в сельском хозяйстве [10].

В регионе Европы и Центральной Азии осуществляются три региональные инициативы ФАО, в рамках которых большое внимание уделено «проектам техпомощи, направленным на поддержку сельского хозяйства за счёт внедрения агроэкологических методов его ведения; укрепления стандартов безопасности и качества пищевых продуктов; «снижения риска потерь и порчи продуктов питания» [10]. Практическая деятельность в рамках проектов организуется и направляется субрегиональным отделением ФАО для стран Центральной и Восточной Европы (г. Бу-

дапешт) и Субрегиональным отделением ФАО для стран Центральной Азии (г. Астана) [10].

В бюджете ФАО на 2022—2023 годы в размере 3 млрд 250 млн долл. предусмотрено выделение свыше 2 млрд 225 млн долл. на финансирование Программы технического сотрудничества. При этом взнос России на предстоящее двухлетие составит 16 млн долл. [8]

Россия активно поддерживает деятельность ФАО в области продовольственной безопасности. В соответствии с рекомендацией ФАО в России была официально принята концепция продовольственной безопасности [10], которая нашла закрепление в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 [11]. Стратегической целью достижения продовольственной безопасности является обеспечение населения страны безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции.

В Доктрине предусмотрено следующее: «наращивание производства сельскохозяйственной продукции на основе новейших экологических санитарно-эпидемиологических и ветеринарных требований; развитие племенного животноводства, семеноводства и аквакультуры; восстановление и повышение плодородия земель сельскохозяйственного назначения и рациональное их использование; защита и сохранение сельскохозяйственных угодий от водной и ветровой эрозии и опустынивания». Доктрина предусматривает также расширение стратегического взаимодействия по вопросам продовольственной безопасности в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза, развитие двустороннего сотрудничества с государствами — участниками СНГ [10].

Выполнение в России поставленных в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации государственных задач по обеспечению дальнейшего роста сельхозпроизводства уже дает ощутимые результаты в плане обеспечения продовольственной безопасности населения России и, без сомнения, будет способствовать стабилизации глобального про-

довольственного рынка. В Обращении по случаю Дня работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности 8 октября 2022 года В. В. Путин подчеркнул «полную готовность России вносить вклад в преодоление глобальных продовольственных проблем и оказывать необходимую помощь беднейшим, развивающимся странам» [6].

Литература

1. Выступление Постоянного Представителя Российской Федерации при ФАО и других международных организациях в Риме Васильева В.Л. на 170-й сессии Совета ФАО 14 июня 2022 г. – URL: https://rusfao.mid.ru/vystuplenia/-/asset_publisher/cu2psn7SF86i/content/vystuplenie-glavy-rossijskoj-delegacii-postoannogo-predstavitela-rossijskoj-federacii-pri-fao-i-drugih-mezdunarodnyh-organizaciah-v-rime-posla-v-l-vas?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Frusfao.mid.ru%3A443%2Fvystuplenia%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_cu2psn7SF86i%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1 (дата обращения: 18.09.2022).
2. Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на Саммите ООН по продовольственным системам 23 сентября 2021 г.
3. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума 3 сентября 2022 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69299/videos> (дата обращения: 18.09.2022).
4. Интервью Министра сельского хозяйства России Д.Н. Патрушева телеканалу «Россия 24» 30 октября 2022 г. – URL: <https://ria.ru/20221029/zerno-1827781009.html> (дата обращения: 10.11.2022).
5. Интервью РИА Новости А.В. Яковенко, члена Группы лидеров Саммита, Ректора Дипломатической академии МИД России. 28 сен. 2021 г. – URL: <https://ria.ru/20210928/yakovenko-1752066691.html> (дата обращения: 10.11.2022).
6. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина по случаю Дня работника сельского хозяйства и промышленности 8 октября 2022 г. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/55792/videos_3D1 (дата обращения: 07.11.2022).
7. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире. 2022 г. / ФАО. – Рим, 2022. – URL: <https://www.fao.org/documents/card/ru/cc0640ru> (дата обращения: 29.09.2022).
8. Программа работы и бюджет ФАО на 2022–2023 годы. – URL: <https://www.fao.org/3/nf542ru/nf542ru.pdf> (дата обращения: 30.09.2022).
9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка в области устойчивого развития на период до 2030 года». – URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf. (дата обращения: 30.06.2020).
10. *Тугаева Н.И.* К достижению странами «третьего мира» Целей устойчивого развития в сфере продовольственного самообеспечения. Роль ФАО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 4 (26). – С. 25–38. – URL: https://www.dipacademy.ru/documents/2091/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_4-2020.pdf (дата обращения: 30.09.2022).
11. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 4. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения: 07.02.2023).
12. Указ Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». – URL:

- <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205030001> (дата обращения: 07.02.2023).
13. Global Report on Food Crises 2022. – URL: <https://www.fao.org/3/cb9997en/cb9997en.pdf> (accessed: 30.09.2022).
  14. Report of the UN Global Response group on food, energy and finance. Jun. 8, 2022 / FAO, Rome. – P. 6. – URL: <https://www.fao.org/3/cb9997en/cb9997en.pdf> (accessed: 07.02.2023).
  15. Trade and Development report 2022 / UNCTAD. – Geneva, 2022. – URL: <https://unctad.org/tr2022> (accessed: 07.11.2022).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вепрев Егор Александрович,

магистрант 2 курса,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург.

Egor A. Veprev,

Master's student of the 2nd year,
Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin, Yekaterinburg.

E-mail: egor.veprev99@mail.ru

ГЕОЭКОНОМИКА ОСВОЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

GEOECONOMICS OF THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: освоение Арктической зоны имеет огромное значение для экономического процветания России, однако проблемы её развития вытекают из особенностей данного пространства, которое является одновременно и частью территории страны, и сегментом северного циркумполярного региона. Связать внутреннюю и международную политику государства в единое целое, исходя из пространственных характеристик, позволяет инструментарий структурной, или прикладной, геополитики и её новой парадигмы – геоэкономики.

В результате анализа планов развития Арктической зоны, изложенных в работах отечественных исследователей, были выделены их следующие ключевые черты: комплексность освоения – сочетание экономического компонента с научным и военным; востребованность зелёной энергетики; преодоление технологического отставания за счёт сотрудничества с неарктическими странами; меридиональная интеграция с субъектами Урала, Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем нормативно закреплённая концепция государственной политики делает акцент на социальном благополучии, разработке инновационных материалов и оборудования, взаимодействии с другими державами Арктической восьмёрки. На завершающем этапе исследования посредством интеграции, переосмысления, развития и структурирования сильных сторон данных проектов был выработан оптимальный комплекс мер по укреплению позиций России в Арктике. Его ядром является геоэкономическая программа, предусматривающая также дипломатические и научно-экологические меры; она дополняется более широким геополитическим видением, включающим в себя военно-стратегические и культурно-цивилизационные вопросы.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, геополитика, зелёная энергетика, коренные народы, Северный морской путь.

Abstract: the development of the Arctic zone is of great importance for the economic prosperity of Russia, however, the problems of this process stem from the peculiarities of its space, which is both part of the country's territory and a segment of the northern circumpolar region. Connecting the domestic and international policy of the state into a single whole based on spatial characteristics allows the tools of structural, or applied, geopolitics and its new paradigm – geoeconomics.

In this article, the author analyzed the plans for the development of the Arctic zone in the geopolitical projects of Russian researchers and identified their following key features: the complexity of development – a combination of the economic component with scientific and military; the demand for «green energy»; overcoming the technological gap through cooperation with non-Arctic countries; meridional integration with the subjects of the Ural, Siberia and the Far East. On the other hand, the normatively fixed strategy of state policy focuses on social well-being, the development of innovative materials and equipment, and interaction with other powers of the Arctic Eight. At the final stage of the study, by integrating, rethinking, developing and structuring the advantages of these projects, the author elaborates an optimal set of measures to strengthen Russia's position in the Arctic. Its core is a geo-economic program, which also provides for diplomatic, scientific and environmental measures and complemented by a broader geopolitical vision, which includes military-strategic and cultural-civilizational issues.

Key words: Arctic zone of the Russian Federation, geopolitics, «green» energy, indigenous peoples, Northern Sea Route.

Введение

Освоение Арктики имеет огромное значение для экономического процветания и национальной безопасности России. Как утверждает эксперт РИСИ А. А. Никулин: «По прогнозам Минприроды РФ, на российском арктическом шельфе сосредоточены 15,5 млрд т нефти и 84,5 трлн м³ газа. Это примерно 20 % мировых запасов углеводородов. В целом Минприроды констатирует, что в Арктической зоне России сконцентрировано большинство уникальных и крупных месторождений углеводородов. Перспективными на нефть и газ признаны 43 % суши и 70 % площади шельфа Арктической зоны России» [10, с. 165]. В то время как уже разработанные месторождения энергетических и минеральных ресурсов истощаются, технологии добычи совершенствуются, а изменение климата прогрессирует, арктические пространства обещают стать глобальной площадкой международной экономической деятельности.

Исторически именно наша страна стала пионером полярных исследований. Ещё М. В. Ломоносов отмечал: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном» [8, с. 498]. Отступление арктических льдов не только делает более

свободным доступ к природным ресурсам и облегчает экономическую активность, но и открывает новые навигационные пути, параллельно упрощая использование уже имеющихся. Таким образом, Северный морской путь (далее – СМП) способен стать столь же оживлённым судоходным евро-азиатским маршрутом, как Суэцкий канал или Малаккский пролив, а главное – более коротким и безопасным.

Однако решение проблем внутреннего развития оказывается тесно связано с особенностями пространства — Арктической зоны РФ, которая воспринимается во многом как самостоятельный и значительный властный ресурс. Из-за её восприятия как «вещи-в-себе», оторванной от других частей страны, а также точечной освоенности и слабозаселённости управленческие решения осуществляются здесь с определённой задержкой, порой в искажённом, интерпретированном виде, а властный импульс быстро затухает; сама территория проявляет себя как своеобразный политический актор [11]. В то же время ключевое отличие, определяющее всё своеобразие подхода геополитики, состоит в первичности не субъекта (государства, межправительственной структуры и т. д.), а пространства, в котором этот субъект действует и с которым органически связан. Контроль над ним может быть утверждён в двух формах: внутренней (права собственности, в том числе владение, размежевание и пользование) и внешней (суверенитет над свободными ареалами, какими во многом являются северные территории, или отторгнутыми чужими владениями) [17, с. 13—14]. Кроме того, исследователи отмечают характер структурной, или прикладной, геополитики как науки о взаимосвязи внутреннего геополитического поля государства и его внешнеполитической активности. Она предполагает регионирующее развитие страны по доминантным проблемам развития, причём формирование транснационального мира ведёт к перетеканию внутренней геополитики державы в международную и наоборот [12, с. 233, 236], что как раз и наблюдается в случае Арктической зоны. Ключевые интересы в её отношении соответствуют формам возможного освоения пространства: экономическое развитие (владение и пользование её богатствами как богатствами части территории страны) и национальная безопасность (установление над

ней суверенитета как над частью циркумполярного региона), причём первое служит укреплению второй: хозяйственная деятельность сама по себе предполагает установление прав собственности и является формой контроля, а улучшение социальной обстановки и подъём уровня жизни повышают лояльность населения. Современный этап развития геополитической науки также характеризуется переходом от классической парадигмы к геоэкономике, которая, по определению В. А. Дергачёва, представляет собой современную геополитику с позиций экономической мощи государства, обеспечивающую достижение внешнеполитических целей, мирового или регионального «могущества» экономическим путем [3], и сегодня является преобладающей системой взглядов на северные пространства. Таким образом, социально-экономическое развитие Арктической зоны является важнейшим направлением и формой укрепления позиций России в регионе, при этом в рамках геоэкономики его необходимо сочетать с другими аспектами: например, сам основатель данной парадигмы Эдвард Люттвак подчёркивал, что в новых условиях военный компонент играет роль «сил быстрого реагирования» по защите контуров плацдармов геоэкономической экспансии и через «нависание» способствует продвижению воспроизводственных систем в те точки пространства, где можно организовать формирование мирового дохода и его размещение в собственных анклавах [13, с. 308].

Полярные территории и акватории всё чаще привлекают внимание российских исследователей, особенно в последние годы — вероятно, на фоне не только облегчающего их освоение таяния льдов, но и общего роста международной напряжённости. Объём литературы по данной теме продолжает расти, что само по себе вызывает интерес: насколько различаются между собой работы разных лет и авторов, есть ли во всех проектах какие-то повторяющиеся ключевые черты и императивы развития. Однако конкретная государственная политика России в регионе может включать в себя совершенно иные приоритеты и направления деятельности, поскольку основывается не только на геополитических концептах. Поэтому немаловажной задачей представляется ещё и сопоставление теоретических разработок с практическим подходом, что приведёт к их взаимному обогащению.

Цель данного исследования — разработать комплекс геоэкономических и геополитических мер по укреплению позиций России в Арктике.

Задачи исследования:

- рассмотреть представленные в российских геополитических проектах предложения по освоению Арктической зоны и определить их основополагающие черты;
- проанализировать закреплённую в нормативно-правовых документах государственную арктическую стратегию и выявить её сходства и различия с геополитическими проектами;
- на основании полученных данных предложить оптимальную программу развития российских владений в Арктике.

Основой методологии стали сравнительный анализ и традиционный анализ текстов. Так, в первой части статьи были изучены геополитические проекты наиболее выдающихся российских деятелей, затрагивающие тему Арктики. Для работы с нормативно закреплённой стратегией государственной политики применялся формально-политический анализ, целью которого было, в частности, получение ответов на вопросы: какие принципы лежат в её основе, какими методами она осуществляется, в чём состоит её сходство и различие с рассмотренными выше программами? Особая роль также принадлежит сравнительному анализу и геополитической оценке.

Арктическая зона России в отечественных геополитических проектах

Прежде чем перейти к рассмотрению содержащихся в геополитических проектах российских исследователей планов освоения Арктической зоны, необходимо отметить ключевые характеристики данного пространства. Попытки «идентифицировать» Север в категориях классической парадигмы приводят к неоднозначным результатам: например, А. Г. Дугин указывает на возможность существования таких «локальных» вариантов, как геополитика Леса и Степи, гор, льдов и т. п. [5, с. 7]; с такой точки зрения тундра — это аналог евразийской степи и пустыни, однако из-за специфики климатических условий она гораздо менее значима, а, собственно, льды вообще занимают край-

нее периферийное положение [6, с. 269—270]. Русский Север имеет очертания трапеции, которая повторяет контуры Евразии и является геополитическим резервом Сибири, в свою очередь, представляющей собой резерв Хартленда. Данное пространство никак не проявило себя в культурно-цивилизационном плане в известной мировой истории и, возможно, «законсервировано»; оно слабо заселено архаичными этносами, которые веками не испытывали воздействия миграционной и культурной динамики, причём при продвижении на восток архаичность возрастает. Это однородная и точно освоенная территория, где контроль над пространством не даёт особых преимуществ по причине его внутреннего единообразия, границы не имеют какого-либо значения [6, с. 176—177], а важность представляют лишь ключевые точки — портовые города, залежи ресурсов.

Как один из выдающихся представителей современной евразийской геополитики Дугин выстраивает собственную стратегию по укреплению занимаемых сегодня Россией позиций в Арктике, экономической, культурной и административной интеграции Русского Севера, в которой можно выделить четыре основных направления:

- национальная безопасность: ракетные, морские и авиабазы для отражения атаки с другого континента и нанесения контрудара — причём, обороняя свой арктический сектор, Россия выстраивает систему безопасности для Евразии в целом;
- экономическое освоение: сокращение разрыва в остальных отраслях по сравнению с горнодобывающей. В энергетике — за счёт нетрадиционных источников и возобновляемых природных ресурсов, в строительстве — приспособлением существующих технологий к местным климатическим и ландшафтным условиям, в транспортной сфере — через развитие воздушного сообщения;
- административный аспект: выработку эффективной формулы модернизации поселений предлагается сделать решением самих полярных регионов при государственной поддержке из центра. Для гибкого развития и быстрой промышленно-экономической реакции с пониманием и соблюдением местной специфики необходимо повышение региональной автономии, максимальное хозяйственное и культурное самоуправление без ослабления во-

енно-стратегической связи с Москвой, поэтому следует выделить одну или несколько «столиц Севера» — центров экономического, финансового и инженерного регулирования, в которых будет также сосредоточен интеллектуально-технологический потенциал. Больше всего, по мнению Дугина, на эту роль подходит Архангельск; в качестве промежуточного управленческого звена, представляющего интересы всех регионов Арктической зоны, можно создать «парламент народов Севера» и соответствующие исполнительные органы [6, с. 178—180, 183];

- духовно-исторический фактор: первенство российских исследователей и путешественников в освоении региона, легенды о затонувших северных землях (Гиперборея, Арктогея) в эпохах разных народов мира [4].

Последний аспект дополняет Я.И. Стрелецкий, упоминая об Ирии — «полярном рае» и «ледяной могиле» предков, которую необходимо чтить, беречь и защищать, поскольку данное пространство является прародиной — неласковой, суровой, но Своей. Признавая, что экономические отношения в Арктике являются первичными и их значение для приполярных стран растёт, Яков Ильич выражает свои взгляды по данному вопросу в «цивилизационном аспекте», который имеет две стороны: внедрение современных экологичных технологий, результатом чего должно стать появление рукотворных оазисов, и сохранение традиционных промыслов северных народов, рациональное использование их опыта, обеспечение всем необходимым на современном уровне науки, техники и технологии [15, с. 42]. Работы по первому направлению, к слову, ведутся уже давно и успешно: с 2013 года три из шести баз национального парка «Русская Арктика» — самого большого по площади среди особо охраняемых природных территорий России — перешли на зелёную энергетику солнечных батарей. Ветрогенераторы не выдерживают порывов до 30 м/с, но, если удастся найти решение, обеспечивающее их бесперебойную работу, крупнейший опорный пункт «Омега» переведут на снабжение за счёт альтернативной энергетики в круглогодичном режиме, запустив ветряки во время полярной ночи [9].

Коллектив российских учёных во главе с В.В. Ковалёвым отмечает, что в настоящее время геополитика сосредоточена не на обладании территориями, а на информационно-ценност-

ном либо экономическом контроле пространства, создании соответствующей подготовительной площадки без целенаправленных геополитических и тем более военных действий. Данная ветвь называется геоэкономикой и сейчас становится преобладающей формой воздействия. Однако наша страна по-прежнему придерживается традиционной формы противоборства — развить геоэкономическую мощь ей мешает регрессная тенденция (экономика РФ составляет всего 2% мирового ВВП) и безнадежное отставание в сфере высоких технологий, а российский бизнес слишком зависим от государства. Между тем первоочередным интересом в Арктике является как раз экономический: освоение полярных месторождений способно привлечь в регион людей и инвестиции, а портовая структура СМП начинает восстанавливаться. Однако параллельно должно идти и военно-стратегическое развитие Арктической зоны, поскольку она находится ближе всего к морским границам США и Канады, сама Россия уже окружена военными базами НАТО, а мир в целом вступает в новый виток холодной войны. В условиях санкционного противостояния и геополитической конкуренции все прочие страны-члены «арктической пятёрки» настроены к нашей стране недружественно — отсюда возникает необходимость обращения за финансовой и технологической помощью к азиатским странам. Более оптимальные варианты — снятие ограничений или развитие собственных технологий — являются делом неопределённого будущего [19, р. 502, 504—505].

Аналогичного мнения придерживается и авторский коллектив Высшей школы экономики под руководством С. А. Караганова, считая, однако, что сотрудничество России с западными государствами и институтами выгодно обеим сторонам — первая привлекает технологии и финансы, вторым открывается возможность участия в полярных проектах. Главным же пороком Арктической зоны названа оторванность от других частей страны — вот почему необходимыми условиями её развития являются образование транспортно-логистических маршрутов в меридиональном направлении (в том числе по железнодорожным путям и великим сибирским рекам), подключение промышленности, обслуживающих предприятий и научных центров Урала, Сибири и Дальнего Востока для концентрации на Севере высокотехноло-

гичных и ресурсоёмких производств; в свою очередь, активизация СМП даст положительный эффект для всей азиатской части России [2, с. 9].

В то же время восприятие Арктики лишь как ресурсной базы, которую нужно защитить, населить и продать, её освоение исключительно экстенсивными методами — дорогостоящими энергетическими и инфраструктурными проектами — рискованно, поскольку они могут не окупиться в будущем, привести к росту технологической зависимости и негативным экологическим последствиям [2, с. 33—34, 44]. С данного ракурса сотрудничество с далёкими от полярного круга странами важно ещё и потому, что обладает потенциалом для таких «находящихся в тени» видов деятельности, как сельское хозяйство, электроэнергетика (Китай), климатические исследования (Индия, Япония), судостроение, управление портовой инфраструктурой и туризм (Республика Корея). Наконец, Арктическая зона России является крайне эффективной площадкой для борьбы с изменением климата через восстановление лесов, перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) в условиях нерентабельности завоза топлива. Но перейти к интенсивным методам освоения, по мнению авторов, можно только путём возведения природосбережения в принцип национальной безопасности — иначе работу так и продолжит вести ограниченный круг лиц и компаний исключительно в экономической плоскости [2, с. 51].

В докладе Института региональных проблем мнения опрошенных экспертов разделились. С одной стороны, наиболее эффективной и целесообразной формой развития Арктики можно считать чисто экономическую — прежде всего, нефтедобычу, поскольку она создаёт высокотехнологичные рабочие места, повышая доходы и улучшая социальную ситуацию, а также формирует условия для других отраслей: транспорта в виде СМП и его портов, рыболовства [1, с. 12—14, 46]. С другой — экономика является ключевым, но не единственным форматом освоения полярных пространств и должна сопровождаться также военной и научно-инновационной деятельностью. Последняя рассматривается в двух ипостасях: специальные материалы и оборудование для местных условий и природосберегающие технологии, при этом особо отмечается, что экологам и бизнесу следует не враждо-

вать, а тесно сотрудничать: желание минимизировать техногенную нагрузку на полярные территории понятно, но обратной стороной станет замедление работы над «зелёными» инновациями, которые нужны для их освоения [1, с. 16]. Очень многое зависит от мер государственной поддержки и налогового стимулирования: например, Арктическую зону можно разбить на несколько секторов с разной налоговой ставкой в зависимости от категории сложности работ [1, с. 44].

Таким образом, при совокупном анализе предложений по освоению Арктической зоны России, изложенных в отечественных геополитических проектах, можно выделить их следующие повторяющиеся черты:

- экономическая деятельность является основополагающей, но не единственной формой освоения данных пространств, сопровождаясь военно-стратегическими мерами и научными исследованиями; внутри неё самой добыча углеводородов и восстановление инфраструктуры СМП занимают статус первоочередных направлений, находясь, однако, в комплексе с другими видами хозяйственной активности, большой потенциал имеет также туризм — экологический и этнический (взаимодействие с малыми народами Севера — хранителями уникальной культуры, промыслов и ценностей, сохранившими — как традиционная цивилизация — особое гармоничное понимание взаимоотношений человека с природой);

- колоссальное внимание уделяется природосбережению — главному драйверу перехода к интенсивным методам развития: зелёная энергетика удешевляет пребывание на данных территориях (исчезает потребность в нерентабельном завозе топлива); само по себе освоение Арктической зоны вынуждает разрабатывать инновации в данной сфере, что способно привлечь зарубежные инвестиции;

- многие авторы сходятся во мнении о технологическом отставании России и способе его преодоления — сотрудничестве с неарктическими государствами, такими как Китай, Япония, Индия, Корея, однако различается его восприятие — временная мера до снятия санкций/появления собственных разработок или же постоянный и взаимовыгодный способ реализации полярных проектов;

- наконец, Арктическую зону следует каким-то образом интегрировать с другими частями страны: это может быть создание особого административного образования наподобие федерального округа — «Арктического пакта» (приоритет стратегической связи с Центром) или же выстраивание транспортно-логистических, сервисных, промышленных и научных связей и цепочек с лежащими южнее субъектами Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Стратегия государственной политики РФ в Арктике: приоритеты развития

Геополитика как наука продолжает развиваться, и, как уже было отмечено, на сегодняшний день её преобладающей формой становится геэкономика, включающая в себя искусство достижения политических целей экономическим путём, созданием конкурентоспособных региональных условий хозяйствования [3]. Борьба за особо акцентируемые в рамках этой парадигмы ресурсы и их локализации предполагает выработку государствами тех или иных геэкономических стратегий, поэтому на данном этапе исследования необходимо обратиться к нормативным документам, которые определяют направления и принципы деятельности России в своих полярных владениях.

В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года [16] с самого начала привлекает внимание ранжирование национальных интересов, отражающее приоритеты этой политики: прежде всего, обеспечение суверенитета и территориальной целостности, сохранение региона как поля мирного, стабильного и взаимовыгодного сотрудничества. После перечисляются экономические цели: повышение уровня жизни и благосостояния проживающего здесь населения, развитие Арктической зоны как стратегической ресурсной базы и СМП как конкурентоспособной на мировом рынке национальной магистрали, в конце — защита окружающей среды и коренных малочисленных народов. Примечательно, что в предыдущем документе — Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2020 года и на дальнейшую перспективу [14] — из нынешних приоритетов отмечалось только сохранение мира и сотрудничества, в то время как наиболее актуальным виделось именно формирование стратегической ресурсной базы, а инте-

ресы экологии ставились выше, чем использование СМП, — без продвижения его на мировой уровень. Однако далее по тексту документа становится ясно, что эти перемены обоснованы актуальными вызовами национальной безопасности: попытками милитаризации Арктики и наращиванием военного присутствия, усилиями ряда иностранных государств по пересмотру действующих международных договоров, созданию национального правового регулирования, которое игнорирует их и уже имеющиеся циркумпольярные форматы.

Основные цели новой государственной политики в отличие от национальных интересов выстроены в пользу ключевого аспекта освоения региона: повышение качества жизни населения и ускорение экономического развития территорий Арктической зоны, охрана экосистем и защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС), взаимовыгодное сотрудничество и разрешение всех споров на основе международного права. В направлениях реализации «Основ...» по сравнению с предыдущей версией добавились обеспечение общественной и военной безопасности, охрана государственной границы, но эти пункты, как и соответствующие блоки основных задач, занимают последние позиции.

Новый документ является заметно более социально ориентированным — первый по порядку комплекс задач включает в себя: транспортное и технологическое оснащение здравоохранения, финансовую, правовую и коммуникационную поддержку всей его системы; обеспечение доступности всех видов образования, современного и качественного жилья, авиаперевозок; сохранение культурного наследия, традиционных отраслей хозяйствования, ремёсел и промыслов КМНС; создание системы снабжения всех населённых пунктов топливом, продовольствием и другими жизненно необходимыми товарами; пропаганду ЗОЖ. В задачах экономического развития указано налоговое стимулирование промышленного и инфраструктурного бизнеса — вероятно, это связано с запуском новых нефтегазовых проектов. Есть здесь и такой весьма интересный пункт, как круизный, этнический, промышленный и экологический туризм, а ведь именно на духовно-терапевтическом потенциале данных пространств акцентирует внимание Александр Дугин [6, с. 177]; наряду с уникальной

культурой и жизненным укладом КМНС это направление способно стать дополнительным мощным инструментом российской «мягкой силы». В блоке задач по развитию инфраструктуры много внимания уделено СМП: его навигационное и логистическое оснащение планируется совершенствовать строительством атомных ледоколов, аварийно-спасательных и гидрографических судов, реконструкцией морских портов; заслуживает внимания такой пункт, как расширение возможностей судоходства по рекам Арктической зоны. В сфере науки на первый план выходят проведение фундаментальных и прикладных исследований по приоритетным направлениям, разработка и внедрение критически важных для освоения региона технологий, соответствующих материалов и техники, прогнозирование опасных природных явлений и защита инфраструктуры от последствий изменения климата.

В задачах по развитию международного сотрудничества приоритетом является двух- и многостороннее взаимодействие с другими циркумполярными державами (в том числе по разграничению континентального шельфа), особенно в рамках Арктического совета (далее – АС), которому придаётся статус ключевого объединения, регулирующего международную деятельность в регионе, несмотря на то что отмечаются также форматы «арктической пятёрки» и Совета Баренцева/Евроарктического региона. Что же касается удалённых от полярного круга государств, то их привлечение, как следует из документа, будет производиться в рамках взаимовыгодного экономического сотрудничества в Арктической зоне России (о регионе в целом не говорится ничего).

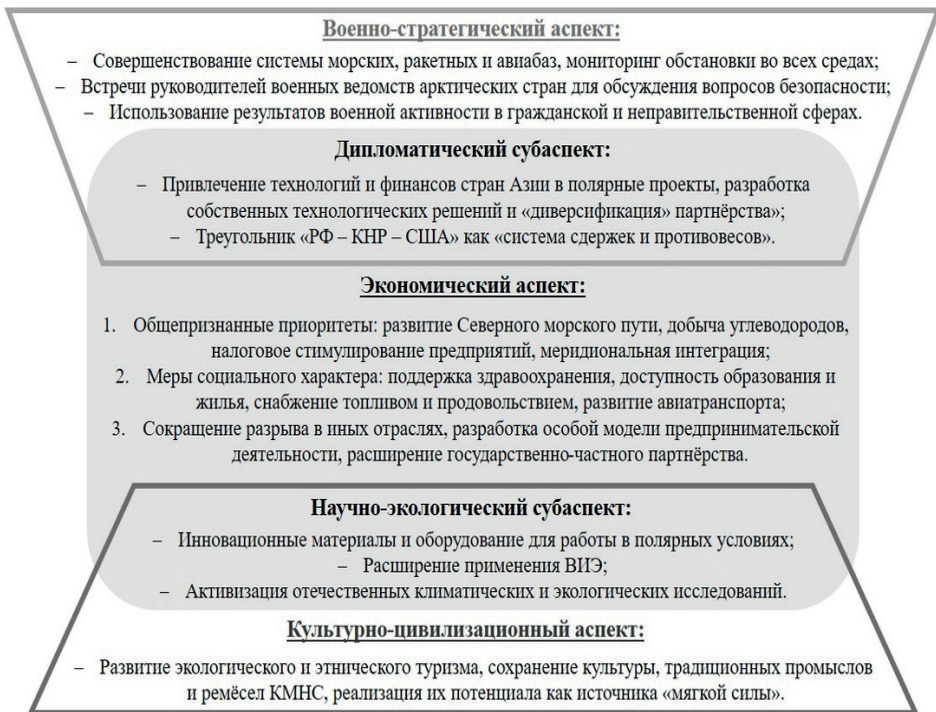
Судя по основным показателям и желаемым результатам, успех реализации государственной политики имеет социальное и экономическое измерения: продолжительность жизни, миграционный прирост, уровень безработицы и количество рабочих мест; доля в ВВП страны валового продукта, произведённого в Арктической зоне, а в нём — добавленная стоимость наукоёмких отраслей; из суммарных по стране затрат на научные разработки и инновации — доля, приходящаяся на осуществляемые здесь проекты; из всех инвестиций в основной капитал России — доля тех, что производятся в целях охраны и рационального использования природных ресурсов; доля добытых в Арктической зоне нефти и газа; объём перевозки грузов по СМП.

При сравнении Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года с геополитическими проектами развития Арктической зоны становится ясно, что они совпадают в самых основных моментах: много внимания в них уделено задачам по формированию стратегической ресурсной базы, прежде всего углеводородной, роли СМП как перспективной полярной магистрали. Гораздо меньше пересекаясь в более частных положениях, два рода документов не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга. Так, геополитические программы редко упоминают о людях, в то время как в «Основах...», напротив, ярко выражен социальный компонент, включающий в себя крайне важные стороны жизни в Арктике — медицину, образование, жилищные условия. Во всех рассмотренных ранее проектах много внимания уделяется военной сфере, акцентируется региональная напряжённость, нагнетаемая не только противостоянием России и НАТО, но и устремлениями неарктических стран; государство же, описывая направления и задачи новой политики, ставит этот блок на последнее место. Сотрудничество с азиатскими акторами в условиях конфронтации с Западом, конечно, означает хорошие перспективы для экономического партнёрства, но только собственно в Арктической зоне; необходимо помнить, что главными и легитимными игроками в регионе были и остаются державы «арктической пятёрки»/«арктической восьмёрки» — единственные полноправные члены АС, и именно с ними надо вести диалог по важнейшим вопросам. О зелёной энергетике в официальном документе говорится разве что намёками, зато многократно прописаны другие стороны научно-инновационного компонента — климатические исследования и создание новых материалов и оборудования: то, что в обычных условиях является рутинной операцией, в Арктике требует применения специальных и дорогостоящих технологий. Впрочем, есть и ряд сходств — «Основы...» предусматривают развитие экологического и этнического туризма, облегчение налоговой нагрузки на предприятия, повышение доходности великих сибирских рек — а значит, необходимость интеграции по оси «Север – Юг», отмеченная исследователями, понятна и принята в разработку.

Программа развития Арктической зоны: синтез геоэкономики и геополитики

Поскольку при сопоставлении главных положений отечественных геополитических проектов и Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года выяснилось, что два рода документов являются взаимодополняющими, для получения оптимальной стратегии развития Арктической зоны необходимо воспользоваться сильными сторонами каждого из них.

Рис. 1. Структура предлагаемого комплекса мер по укреплению позиций России в Арктике¹

Новая программа освоения полярных пространств (конфигурация которой отображена на рис. 1) должна быть выстроена в соответствии с прослеживаемой в работах исследователей «триадой аспектов», среди которых главным является экономический; внутри него самыми приоритетными направлениями остаются нефтегазовая энергетика, развитие портов и строи-

¹ Схема составлена автором.

тельство новых судов для СМП, создание направленной на их обслуживание инфраструктуры, в том числе меридиональной, связывающей Север с промышленными и научными центрами находящихся южнее субъектов. Последняя мера представляется важной и с политической точки зрения, поскольку вместе с созданием цепочек геоэкономического характера (внедрение инноваций, подготовка квалифицированных кадров для работы в Арктике, производство и обслуживание специализированного оборудования, транспортировка сырья) следует также укреплять управленческие и стратегические связи, тем самым опосредованно реализовав идею «столиц Севера» (не по широтному, а по меридиональному принципу) и утвердив суверенитет над данными пространствами, разрушив их восприятие как «Лена-ленда» — «ничейной земли», сформированное в атлантистской геополитике ещё в середине прошлого века. Кроме того, в группу первоочередных мер входит также налоговое стимулирование предприятий Арктической зоны, важность которого отмечается и экспертами, и законодателями: идея разбить её на несколько секторов с различной налоговой ставкой в зависимости от категории сложности работ, например, может быть оформлена по аналогии с системой районных коэффициентов.

Далее следуют меры социального характера: поддержка здравоохранения, доступность жилья и авиатранспорта, обеспечение топливом, продовольствием и прочими жизненно необходимыми товарами. Данный компонент крайне важен для населённых пунктов, уже созданных и поддерживаемых в Арктической зоне, однако при рассмотрении «на перспективу» он не может быть самоцелью; его роль — развёртываемое параллельно с нефтегазовыми и инфраструктурными проектами «звено поддержки», поскольку характер полярных пространств таков, что здесь нельзя сначала селиться, а уже потом определять род деятельности; присутствие возможно лишь в рамках масштабных и прибыльных инициатив, поскольку только исключительная экономическая целесообразность способна привлечь сюда людей и инвестиции; то, что не работает, долго не существует [1, с. 15]. На третьем месте располагаются развитие иных отраслей, таких как электроэнергетика и сельское хозяйство (через партнёрство с Китаем), и выработка специфической модели предпринимательской

деятельности: главным механизмом освоения полярных пространств, вероятно, станет государственно-частное партнёрство [1, с. 42], поскольку ни у одного из акторов в одиночку не хватит ресурсов и возможностей.

Остальные меры, входящие в экономический аспект, оказываются тесно связаны с прочими составляющими традиционной «триады» — военно-стратегической и культурно-цивилизационной, тем самым образуя «переходные формы» — дипломатический и научно-экологический субаспекты соответственно.

К первому относится решение проблемы технологического отставания России, которая является самой болезненной во всей программе, поскольку здесь наблюдается разрыв между экономическими и политическими интересами: с одной стороны, в условиях разрыва отношений с Западом сотрудничество со странами Южной и Восточной Азии — жизненно важный источник финансов и технологий, но, с другой стороны, усилия именно этих государств направлены на изменение сложившегося правового режима региона. Идея ограничить взаимодействие с ними собственно Арктической зоной разумна, однако сложность состоит в том, что Китай, например (а внимание стоит сконцентрировать прежде всего на нём как самом могущественном «претенденте» и наиболее активном стороннике реформ), стремится наращивать участие в совместных предприятиях и проектах со всеми приполярными странами, особенно усиливая экономическое влияние на европейские государства — Норвегию, Данию, Исландию — в противовес великим державам региона — России, США и Канаде, — пользуясь противоречиями между ними: акцентируя внимание Москвы на «призраке холодной войны», где Российская Федерация и КНР оказались по одну сторону баррикад, Пекин напоминает, что новые инфраструктурные проекты важнее противодействия проникновению Поднебесной в Арктику, поскольку самостоятельно, по его мнению, освоить полярные ресурсы Россия не сможет [7, с. 117, 120]. Поэтому геостратегический треугольник «Российская Федерация — КНР — США», значение которого уже проявляется и в северных пространствах, необходимо использовать как систему сдержек и противовесов. Сотрудничество евразийских держав отвечает интересам обеих сторон, а потому должно быть продолжено: помощь ки-

тайских добывающих компаний важна для эксплуатации углеводородов шельфа и строительства прибрежной инфраструктуры; азиатско-тихоокеанский рынок — перспективная площадка для экспорта арктических руд, в то время как для Поднебесной необходимы возможности для рыбного промысла, не говоря уже о совпадающем интересе к развитию СМП [7, с. 122]. При этом, однако, чтобы не впасть в зависимость от южного соседа, необходимо вести разработку собственных технологий или диверсифицировать пути их получения, расширяя круг потенциальных партнёров. Вместе с тем в политическом плане следует вести работу с США и Канадой: разрабатывать проект нового потенциального правового режима региона, который сохранил бы привилегированное положение «арктической пятёрки», ускорять процесс окончательной делимитации дна Северного Ледовитого океана, поскольку через решения Комиссии ООН по континентальному шельфу Арктика теоретически может быть полностью разделена между циркумполярными державами [18, р. 72]. Кроме того, прекрасным шагом для возобновления двустороннего сотрудничества с Канадой могло бы стать взаимное признание национальных юрисдикций СМП и Северо-Западного прохода (далее — СЗП), поскольку оба государства подвергаются в данном вопросе давлению со стороны США.

Что же касается непосредственно военно-стратегического аспекта, то входящие в него меры направлены на силовое обеспечение законных интересов страны: мониторинг надводной, подводной и воздушной обстановки, совершенствование системы морских, ракетных и авиабаз. Рассматривая Арктическую зону в контексте региона в целом, стоит отметить, что вносить вопросы безопасности в повестку АС нельзя: их решению это не поможет, а сотрудничеству по прочим направлениям навредит. Поэтому наиболее целесообразными формами регулирования видятся проведение периодических встреч представителей военных и внешнеполитических ведомств России и арктических членов Североатлантического альянса, а также постоянный обмен информацией [2, с. 41—42]. Кроме того, определённая степень милитаризации может быть даже использована в конструктивном ключе: использование вооружённых сил в рамках поисково-спасательных операций, спутниковое зондирование

для мониторинга состояния льдов и моря, обеспечения связи при отсутствии фиксированной инфраструктуры.

Научно-экологический субаспект предусматривает разработку и внедрение инновационных, созданных специально для местных условий материалов и оборудования, расширение применения в Арктической зоне альтернативной энергетики — это и соответствует важнейшему для региона принципу природосохранения, и упрощает содержание объектов. Важность ещё одной задачи — активизации климатических исследований — подчёркивается и в «Основах...», и в докладе авторского коллектива С. А. Караганова, причём последний указывает, что этот инструмент почти не применяется российской стороной, использующей вторичные сведения западных учёных [2, с. 31, 49]. При этом основанные на современных зелёных технологиях (солнечная энергия, ветровые электростанции) «рукотворные оазисы» будут сочетаться с сохранением традиционных промыслов и ремёсел северных народов, которым принадлежит ключевая роль в реализации собственно культурно-цивилизационного аспекта.

КМНС, сохранение их исконных условий обитания, этнический и экологический туризм обладают важнейшим значением для России как в сугубо экономическом плане (ещё одна дополнительная отрасль, новый источник прибыли и развития), так и с точки зрения подхода современной геополитики, делающей акцент на информационно-ценностном контроле пространства: речь идёт о наращивании потенциала и применении инструментария «мягкой силы». Культура малых народов Севера способна подарить миру новые ценности и вдохнуть свежее содержание в старые: идеи антропокосмоцентризма, труда, нестяжательства; консолидирующее начало рода (в том числе как формы исторической памяти). Эзистенциальный характер ценности жизни, вытекающие из него терпимость, приспособляемость и достаточность во взаимодействии человека с природой, щадящее использование её ресурсов [11] могут принести иное ценностное содержание и понимание экологическому движению — как «возвращению к истокам», характерному для традиционной цивилизации гармоничному соотношению человека и его деятельности с окружающим миром на новом этапе технологического развития, не говоря уже о возможностях рационального осмысления

и использования накопленного опыта такого взаимодействия. Но данная повестка способна стать инструментом как России, так и её геополитических противников, разрабатывающих «новую демократическую политику», в рамках которой коренные жители Арктики могли бы самостоятельно решать проблемы при минимальном внешнем вмешательстве, что фактически означает аннулирование статуса России как главного политического актора в данной сфере [11].

Заключение

Таким образом, в ходе исследования были проанализированы предложения экспертов-геополитиков по освоению Арктической зоны и закрепляющие государственную стратегию в данной области действующие нормативные документы, выявлены их ключевые положения. На основе интеграции, переосмысления, развития и структурирования сильных сторон данных проектов был выработан оптимальный комплекс мер по укреплению позиций России в Арктике. Его ядром является геоэкономическая программа, предусматривающая также научно-экологические и дипломатические меры; она дополняется более широким геополитическим видением, включающим в себя военно-стратегические и культурно-цивилизационные вопросы.

Экономический аспект:

- соблюдение общепризнанных приоритетов: развитие СМП, формирование ресурсной углеводородной базы, налоговое стимулирование и государственная поддержка предприятий Арктической зоны, создание её инфраструктурных, производственных, сервисных, научных, а также управленческих и стратегических связей с субъектами Урала, Сибири и Дальнего Востока;
- реализация мер социального характера: транспортно-коммуникационное и технологическое оснащение здравоохранения, повышение доступности всех видов образования, современного и качественного жилья, авиаперевозок, создание системы снабжения всех населённых пунктов топливом, продовольствием и другими жизненно необходимыми товарами;
- сокращение разрыва в других отраслях по сравнению с добывающей, изучение и внедрение передовых практик стран-партнёров; выработка особой модели предпринимательской дея-

тельности и расширение программ государственно-частного партнёрства.

Дипломатический субаспект:

- продолжение сотрудничества с азиатскими странами в рамках полярных проектов в целях привлечения технологий и финансов; поиск новых потенциальных партнёров и разработка собственных технологических решений во избежание формирования зависимости;
- использование геостратегического треугольника «Российская Федерация — КНР — США» в качестве «системы сдержек и противовесов»: формирование с Поднебесной экономического «континентального блока» в условиях санкционного противостояния мировой талассократии — НАТО во главе со Штатами; работа с США и прочими членами «арктической пятёрки» для правового сдерживания экспансии неарктических государств; взаимодействие с Канадой по вопросу защиты юрисдикции СМП и СЗП.

Научно-экологический субаспект:

- разработка и внедрение специализированных материалов и оборудования для работы в полярных условиях;
- расширение применения солнечных панелей и ветрогенераторов по примеру национального парка «Русская Арктика»;
- активизация самостоятельных российских климатических и экологических исследований, в том числе с участием иностранных коллег, для привлечения зарубежных «зелёных» инвестиций.

Военно-стратегический аспект:

- совершенствование системы морских, ракетных и авиабаз, мониторинг надводной, подводной и воздушной обстановки;
- организация периодических встреч руководителей военных и внешнеполитических ведомств стран «арктической пятёрки»/«арктической восьмёрки» для обсуждения вопросов безопасности и регулярного обмена информацией;
- использование результатов военной активности в гражданской и неправительственной сферах: поисково-спасательные операции и экологический мониторинг.

Культурно-цивилизационный аспект:

- развитие экологического и этнического туризма, сохранение культуры, традиционных промыслов и ремёсел КМНС, реализация их потенциала как источника «мягкой силы».

Литература

1. Арктика в фокусе современной геополитики / Институт региональных проблем. – М.: Институт региональных проблем, 2015. – 56 с.
2. Арктическая политика России: международные аспекты: доклад к XXII Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 13–30 апреля 2021 г.) / С.А. Караганов (рук. авт. кол.), А.Б. Лихачева, И.А. Степанов, Д.В. Суслов и др.; НИУ «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 56 с.
3. *Дергачёв В.А.* Геополитический словарь-справочник / Институт геополитики профессора Дергачёва. – URL: <https://dergachev.org/geoe/> (дата обращения: 13.10.2022).
4. *Дугин А.Г.* Арктика должна быть нашей / Изборский клуб (18 мая 2006). – URL: <https://izborsk-club.ru/9261> (дата обращения: 13.10.2022).
5. *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – СПб.: Амфора, 2007. – 382 с.
6. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. – М.: Арктогея-центр, 2000. – 928 с.
7. *Журавель В.П.* Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. – 2016. – № 24. – С. 112–144.
8. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 694 с.
9. Нацпарк «Русская Арктика» перешёл на «зелёную» энергетику // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20200430/1570694530.html> (дата обращения: 13.10.2022).
10. *Никулин А.А.* Полезные ископаемые Арктической зоны России: потенциал и перспективы освоения // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 1 (40). – С. 163–187.
11. *Нурышев Г.Н.* Арктические вызовы российской геополитики // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 2 (18). – С. 83–89.
12. *Нурышев Г.Н.* Внутренняя геополитика России: исторические основания и современные вызовы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Т. 5. – 2005. – № 11. – С. 233–240.
13. *Нурышев Г.Н.* Теоретико-методологические основы геоэкономики // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2012. – № 1. – С. 305–318.
14. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Правительство России [официальный сайт]. – URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения: 13.10.2022).
15. *Стрелецкий Я.И.* Арктика: политико-философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2019. – № 1 (57). – С. 41–44.
16. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Справочно-правовая система «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 13.10.2022).
17. *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaem* / пер. с нем. К.В. Лощевского и Ю.Ю. Коринца; под ред. Д.В. Кузницына. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 669 с.
18. *Dodds K.* Flag planting and finger pointing: The Law of the Sea, the Arctic and the political geographies of the outer continental shelf // *Political Geography*. – 2010. – No. 29 (2). – P. 63–73.
19. *Kovalev V.V.* The increase in geopolitical competition as a challenge (threat) to Russia's national security / *Kovalev V.V., Kasyanov V.V., Bortsov Y.S., Goloborod'ko A.Y., Skudnova T.D.* // *European Research Studies Journal*. – 2017. – Т. 20. – No. 4B. – P. 499–508.

Томберг Игорь Ремуальдович,

доктор экономических наук,
Институт востоковедения Российской академии наук, Москва.

Igor R. Tomberg,

Doctor of Economic Sciences,
The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: itomberg@yandex.ru

РУССКИЙ МИР КАК ЭЛЕМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

THE RUSSIAN WORLD AS AN ELEMENT OF RUSSIA'S “SOFT POWER” IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Аннотация: статья посвящена анализу содержания термина «Русский мир», который в силу своей незавершенной концептуализации, трактуется в научном и политическом сообществах неоднозначно. Отмечается, что к Русскому миру следует причислять не только соотечественников, а всех тех, кто чувствует свою сопричастность с Россией. Показано отношение к Русскому миру как элементу «мягкой силы» России в странах Центральной Азии в условиях геополитических сдвигов на международной арене. Акцентируется внимание на степени распространенности русского языка в странах региона как одного из главных факторов конструирования Русского мира. Делается вывод о том, что, несмотря на языковую политику властвующей элиты стран Центральной Азии, направленную на усиление позиции национальных языков, интерес к изучению русского языка среди населения сохраняется. В Казахстане и Киргизии продолжают функционировать школы с русским языком обучения. Запущен процесс постепенного укрепления позиций русского языка в Таджикистане и Узбекистане, где Россия планирует реализовать проекты по открытию русскоязычных школ. Следовательно, у Русского мира как элемента «мягкой силы» России в Центральной Азии имеется значительный потенциал как основы для культурного и духовного обмена. Открытие школ с русским языком обучения свидетельствует об особой значимости русского языка в странах региона, который является основой для укрепления сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, «мягкая сила», Русский мир, русский язык, соотечественники.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the content of the term “Russian World”. Due to incomplete conceptualization this term is interpreted ambiguously in the scientific and political communities. It is noted that not only compatriots should be counted among the Russian world but all those who feel their involvement with Russia. The article shows the attitude towards the Russian world as an element of Russia’s “soft power” in the countries of Central Asia in the context of geopolitical shifts in the international arena. The Russian language is one of the main factors in the construction of the Russian world. Despite the language policy of the ruling elite of the Central Asian countries aimed at strengthening the position of national languages interest in learning Russian among the population remains. Schools with the Russian language continue to function in Kazakhstan and Kyrgyzstan. The process of gradually strengthening the position of the Russian language in Tajikistan and Uzbekistan was launched. In these countries Russia will plan to open Russian-language schools. Consequently, the Russian world as an element of Russia’s “soft power” in Central Asia has considerable potential as a basis for

cultural and spiritual exchange. Opening the Russian language schools is an evidence of the special importance of the Russian language in the countries of the region which is the basis for strengthening cooperation between Russia and the countries of Central Asia.

Key words: Russia, Central Asia, “soft power”, Russian world, Russian language.

Введение

В последнее время в международных отношениях всё стремительнее возрастает роль странового имиджа как фактора формирования положительного представления о субъекте мировой политики. Инструментом создания авторитетного и притягательного имиджа той или иной страны является «мягкая сила». В условиях глобальной геополитической конкуренции ведущие центры мировой политики прилагают значительные усилия с целью нарастить свою «мягкую силу» и создать для себя преимущества в этом направлении. На фоне агрессивной политики стран Запада и их попыток нейтрализовать успехи «мягкой силы» России российской правящей элите всё труднее становится поддерживать свой положительный авторитет посредством продвижения политики «мягкого» влияния.

В условиях специальной военной операции России на Украине и нарастающего геополитического противостояния между Россией и странами Запада российский имидж переживает не лучшие времена. В реализации своих внешнеполитических целей страны Запада опираются на информационную пропаганду как эффективное средство в борьбе со своими геополитическими противниками, выставляя Россию агрессором и ревизионистской державой. Всё это напоминает времена холодной войны, когда Запад использовал «психологическую войну» как средство достижения своих внешнеполитических целей. Преобладающая часть западных политиков, прежде всего американских, склонны объединять воедино такие стереотипные понятия, как «российская империя», «советская империя», «постсоветский неоимпериализм» [20, с. 140]. Обработке сознания подвергается как внешний мир, так и общественность внутри стран коллективного Запада, где правящая элита использует пропаганду для культивирования антипатии по отношению к России и Русскому миру. В условиях интернационализации украинского кризиса массовое сознание на Западе воспринимает Россию, и тем более Русский мир, как враждебную и опасную геополитическую антитезу всему Западному миру [20,

с. 141]. Базовым пространством для подрыва имиджа России являются СМИ, где с подачи стран коллективного Запада используются такие лексические единицы, как «авторитарное государство», «советское наследие», «бедная, застойная страна», «ядерная держава», «потенциальный агрессор», «главный соперник» [33, с. 2]. В связи с этим Русский мир, являясь социокультурным проектом, стал восприниматься в негативном свете как геополитический инструмент России по восстановлению влияния на постсоветском пространстве [8, с. 130—149]. В западных СМИ всё больше делается акцент на неоимпериалистической окраске концепта Русский мир с целью представить Россию как страну, желающую восстановить свою особую роль на постсоветском пространстве. Продвижение такого нарратива крайне опасно для России и стран постсоветского пространства и может негативно отразиться на их взаимоотношениях. На этом фоне в странах Центральной Азии заметно активизировались националистические тенденции и страхи перед возможной российской экспансией. Между тем Русский мир только сравнительно недавно стал частью гуманитарного направления внешней политики России как элемент ее «мягкой силы» и еще до конца не обрел свою содержательную суть. Именно отсутствие однозначной трактовки термина «Русский мир» и его размытость становятся факторами появления различных его интерпретаций как внутри России, так и за ее пределами.

«Мягкая сила»: подходы к интерпретации

Появление данной концепции связано с именем американского ученого Дж. Ная, который усматривал в «мягкой силе» инструмент достижения желаемого при помощи несиловых, привлекательных методов, таких как культура, ценности и политика. Однако такое понимание «мягкой силы» не является полным и четким, и, следовательно, требует более детального научного обоснования. Именно поэтому в последние несколько десятилетий концепция «мягкой силы» входит в топ самых дискуссионных вопросов академического сообщества России.

За последние годы в российском научном и экспертном сообществах сформировалось множество подходов к интерпретации понятия «мягкая сила». Так, по мнению российского ученого П. Паршина, «мягкая сила» представляет собой способность

достигать некоторой цели самому или через чье-либо посредство, выбирая из спектра потребных инструментов такие, относительно которых можно ожидать, что они при их применении будут наносить относительно меньший ущерб (материальный или нематериальный) по сравнению с другими инструментами, потенциально применимыми для достижения той же цели [22, с. 17]. Российский политолог М. М. Лебедева, рассуждая о возможности приравнивания «мягкой силы» к пропаганде, в итоге приходит к выводу, что грань между этими феноменами очень тонкая [18, с. 214]. В то же время М. М. Лебедева, сопоставляя пропаганду и «мягкую силу», отмечает существенные различия. Так, в отличие от пропаганды «мягкая сила» не допускает навязывания или стимулирования (материального поощрения). «Мягкая сила» больше трактуется через призму либеральной школы международных отношений и означает привлечение внимание, налаживание процесса взаимного обмена и сотрудничества участников [18, с. 214]. Между тем концепция Русского мира не только нацелена на сплочение всех тех, кто проявляет интерес и тягу к России, но и выступает основой для культурного и духовного обмена, а также открывает широкие цивилизационные возможности для всех заинтересованных субъектов.

Более пристальное и системное внимание внешнеполитическому позиционированию России властвующая элита стала уделять с 2013 года, когда в новой редакции Концепции внешней политики страны было упомянуто о «мягкой силе», то есть инструментах невоенного достижения внешнеполитических целей. Так, в Концепции отмечалось, что «мягкая сила» представляет собой «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [13]. При этом Русский мир рассматривался на уровне властей как один из инструментов «мягкой силы» России, который, однако, концептуально оставался не до конца понятным.

Проблемы концептуализации Русского мира

Русский мир является предметом дискурса среди политиков, ученых, экспертов и аналитиков. Термин «Русский мир» имеет

глубокие исторические корни, однако его актуализация произошла в начале XXI века в связи с приходом к власти В. Путина. На современном этапе существуют разные подходы к раскрытию содержания термина «Русский мир», что стало результатом появления различных интерпретаций этого понятия. Во-первых, в термине «Русский мир» можно проследить православную линию, в соответствии с которой «русский мир представляет собой синтезирующий духовный корень общности людей, исповедующих православие как в России, так и в ближнем и дальнем зарубежье» [16, с. 207—210]. Между тем патриарх Кирилл выделял более широкие границы Русского мира как большого цивилизационного пространства, включающего не только славянские народы как центрообразующего звена, но и другие народы, «которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную» [26].

Русский мир нередко отождествляют с понятием «соотечественники». Это особенно прослеживается на уровне официальных лиц России. Так, в 1992 году термин «соотечественники за рубежом» был введен в оборот Б. Ельциным и А. Козыревым [9, с. 39]. Прежде всего, это было связано с необходимостью выработки новой концептуальной основы для взаимодействия с соотечественниками за рубежом. Речь шла о стратегии внешнеполитических действий по защите прав тех людей, кто имел гражданство СССР, но не по своей воле после распада Советского государства вынужден был проживать вне границ Российской Федерации. Как и в случае с Русским миром, понятие «соотечественник» вызвало дискуссию в научных, экспертных и политических сообществах. Например, российский политолог В. В. Колесов выделял два подхода к пониманию сути понятия «соотечественник»: узкое и широкое [12, с. 29—30]. В узком смысле речь идет об этнических русских, проживающих в Российской Федерации и в бывших союзных республиках. В широком смысле это представители разных этносов, которые свободно владеют русским языком, используют его в быту и для общения, а также отдают предпочтение русской культуре. Такая неопределенность и размытость в отношении сути понятия «соотечественник» приводила к тому, что его использовали в различных дискурсах в качестве синонима Русскому миру. В 1999 году на законодательном

уровне в России была предпринята попытка определить содержание понятия «соотечественник». Так, в Федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», отмечалось, что соотечественниками являются «лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии» [23]. Между тем впервые понятие «Русский мир» появилось в Концепции внешней политики России (2008). В Концепции отмечалось, что Русский мир, составной частью которого являются соотечественники (в соответствии с Концепцией внешней политики. — *Примеч. авт.*), призван был содействовать формированию благоприятного образа России посредством расширения и укрепления пространства русского языка и культуры [14]. Таким образом, Русский мир становился важным элементом «мягкой силы» России, за которым закреплялась важная функция — популяризации русского языка и культуры. В Концепции прослеживался один очень интересный момент – отождествление Русского мира с русской диаспорой. Русская диаспора, являясь одной из крупнейших диаспор в мире, сформировалась после распада СССР и насчитывала 25 млн человек [27]. Однако рассматривать русскую диаспору в качестве партнера (как это указано в Концепции. — *Примеч. авт.*) в деле продвижения положительного образа России в мире является крайне проблематичным. Основной преградой на этом пути выступает тот факт, что часть соотечественников до сих пор находятся в стадии латентной миграции и намерены в случае резкой дестабилизации обстановки в местах нынешнего проживания их покинуть и вернуться на историческую родину либо эмигрировать в другие страны [17]. Таким образом, в Русском мире соотечественникам отводится важная роль, однако было бы неправильным сводить Русский мир исключительно к данному сообществу. Справедливо отмечала атташе Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД России О. Батанова, что «Русский мир включает в себя не только “чистых” соотечественников, эмигрантов, но и всех, кто ассоциирует себя с Россией, иностранцев, изучающих русский язык» [2, с. 113].

К обоснованию Русского мира наиболее преваляющим является цивилизационный подход. Российский политик и ученый В. Никонов отмечал, что «русский мир как цивилизация шире этносов и наций, территорий, религий, политических систем, идеологических пристрастий. Русский мир полиэтничен, поликонфессионален, полисемантичен. Это глобальный феномен, который не может быть описан каким-то одним определением. Структурно “Русский мир” — это Россия плюс русское зарубежье и люди, которые интересуются Россией. Ментально — это все, кто осознает свою включенность в Русский мир» [21]. Цивилизационную суть Русского мира подчеркивал российский политолог-международник М. Неймарк. Он отмечал, что Русский мир не имеет никакого отношения к геополитике, это культурно-цивилизационная доктрина, ориентированная на распространение и развитие духовного наследия России [20, с. 153]. Духовный смысл Русского мира в своем выступлении на Всемирном конгрессе соотечественников в 2018 году отмечал Президент России В. Путин. Так, он заявил, что Русский мир «собирал и объединял всех, кто духовно связан с Россией... кто считает себя носителями русского языка, культуры, русской истории» [24]. Таким образом, цивилизационный подход представляется наиболее обоснованным для раскрытия содержания Русского мира. Согласно этому подходу в основе Русского мира лежит идея сплоченности всех тех, кто привержен русскому языку и культуре, имея чувство общности с Россией, и, следовательно, интегрирован в эту культурно-ценностную матрицу.

Русский мир в странах Центральной Азии

Украинский кризис 2014 года и специальная военная операция 2022 года еще больше насторожили властвующую элиту стран Центральной Азии по отношению к России. События на Украине пошатнули международный и региональный имидж России, создав определенные ограничения для её политики в Центральной Азии. Помимо этого на имидже России в регионе негативно отражаются те нарративы и дискурсивные практики, которые страны Запада используют в СМИ как информационное оружие в борьбе со своими геополитическими конкурентами. Например, после украинских событий 2014 года в США стал формироваться

антироссийский дискурс, направленный на дискредитацию политики России на постсоветском пространстве в целом и евразийской интеграции в частности. Так, научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований Дж. Манкофф отмечал, что «аннексия» Крыма Россией снизит желание у стран постсоветского пространства принимать участие в любых региональных интеграционных проектах, инициируемых Россией [34]. Другие американские ученые подчеркивали, что «прагматичные и реалистичные действия В. Путина на Украине» превратили Беларусь и Казахстан «в нервных, менее восторженных партнеров» евразийской интеграции [35, с. 171]. Не случайно шведский ученый Грег Саймонс отмечал, что на современном этапе страны Запада формируют такие международные нарративы, в которых выставляют лидеров России и Китая, являющихся архитекторами многополярного мира, как агрессивных, амбициозных и непредсказуемых лидеров, которым нельзя доверять [36, с. 56]. Именно страны Запада активно продвигают идею о якобы существующих у России намерениях «возродить СССР». По линии неправительственных организаций, финансируемых США, ведется работа среди населения стран Центральной Азии по дискредитации региональных позиций России [15, с. 76].

У Русского мира как социокультурного элемента «мягкой силы» России в Центральной Азии имеются очень большие ограничения и в то же время широкие возможности. При этом именно русский язык является одним из важнейших факторов формирования Русского мира. Русский язык содействует укреплению сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии. Объективная потребность совершенствования механизма сближения постсоветских стран обусловила актуальность сохранения и приумножения единого социокультурного пространства, неотъемлемым компонентом которого является русский язык [3, с. 90].

Несмотря на антироссийскую пропаганду, которую развернули страны Запада, в обществах стран региона растет интерес к изучению русского языка и познанию русской культуры. На уровне властвующей элиты стран Центральной Азии также прослеживается желание содействовать развитию русского языка в своих национальных государствах, что доказывает укрепление сотрудничества с Россией в сфере открытия новых об-

разовательных организаций. Однако на пути реализации идеи «Русского мира» в странах региона существуют внутренние ограничители. В условиях до сих пор формирующейся национальной идентичности в странах Центральной Азии к Русскому миру относятся с большой настороженностью. Начиная с 1990-х годов в рамках суверенного государственного строительства проводилась политика укрепления национальных языков, что постепенно приводило к снижению роли языков других национальных меньшинств. Языковая политика использовалась и продолжает использоваться в качестве инструмента формирования национальной идентичности стран Центральной Азии [5, с. 148].

В странах Центральной Азии по-разному формируется отношение к Русскому миру и к русскому языку в частности. В Казахстане очень насторожено относятся к идее «Русского мира», усматривая в ней возрождение неоимперских амбиций у руководства России [6]. Здесь Русский мир, скорее, воспринимается как геополитический инструмент России в ее региональной политике, нежели как основа для широкого политического, экономического и гуманитарного сотрудничества. В Республике заметно сужается пространство использования русского языка. Так, в 2017 году в Казахстане, где в течение уже длительного времени шел процесс обсуждения реформы перехода с кириллицы на латиницу, был подписан Указ № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» [32]. В соответствии с этим Указом в Республике вводился новый алфавит и определялись сроки перехода на новую графику — к 2025 году. Данное политическое решение, с одной стороны, явилось результатом желания руководства Казахстана подчеркнуть свою принадлежность к тюркскому миру и тем самым уравновесить влияние России, а с другой стороны, создало определенные риски для дальнейшего развития страны. Однако русский язык в Казахстане продолжает сохранять свое особое значение. Около 1160 школ в Казахстане обучают детей на русском языке [19], а в 2047 школах обучение ведется на казахском и русском языках.

В соответствии с Конституцией Киргизии (2021) русский язык продолжает сохранять за собой статус официального языка, хотя фактически в стране, так же как и в соседних республиках, проводится политика по увеличению влияния национального язы-

ка за счет уменьшения влияния русского языка. В Республике продолжается процесс перевода делопроизводства на государственный язык, который планировалось завершить к 2020 году. В 2021 году Президент Кыргызстана С. Жапаров отметил, что на государственном уровне разрабатывается документ, включающий в себя целый ряд масштабных задач по усовершенствованию функционирования государственного языка, который находится в стадии завершения [4]. При этом представители научного сообщества в Киргизии подчеркивали необходимость сохранения русского языка и предлагали включить в перечень задач Национальной комиссии по государственному языку при Президенте Киргизской Республики решение вопроса о гармоничном взаимодействии государственного языка с русским [28, с. 83]. Также справедливо было отмечено, что говорить о русском языке в отрыве от Русского мира невозможно, поскольку это части единого целого [29, с. 97]. Кроме того, в Киргизии старшее поколение воспринимает русский язык как одну из важных компонент общего историко-культурного прошлого с Россией [29, с. 97]. Особая роль русского языка в Республике сохраняется. По данным Министерства образования и науки Киргизской Республики, в стране действуют 216 школ с русским языком обучения и 551 школа с обучением на киргизском и русском языках [30].

Несмотря на то что в 1993 году в Узбекистане был принят Закон «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике», по которому произошел переход на латиницу согласно решению правящей элиты, в стране сохраняется спрос на кириллицу. Население Узбекистана условно поделилось на две категории: с одной стороны, молодое поколение узбеков, получившее образование на латинице, с другой стороны, старшее поколение, до сих пор предпочитающее писать и читать на кириллице [10]. В Узбекистане русскому языку и культуре придают большое значение как инструменту укрепления собственного культурного и интеллектуального потенциала [7]. В настоящее время в стране функционируют 900 школ, в которых обучают русскому языку. Россия планирует профинансировать строительство в Узбекистане пяти школ с русским языком обучения. Интересно, что в 2018 году в рамках проекта «Приход Русской Православной Церкви в исламском контексте: практики взаимодействия и пе-

редачи ценностей Русского мира (на примере изучения русскоязычных общин в странах Средней Азии)» был проведен социологический опрос среди православных верующих в Узбекистане, результаты которого показали, что 57 % опрошенных считают, что Русский мир — это особая общность, которая разделяет ценности и культуру Русского мира вне зависимости от места жительства и гражданства [25].

Интерес к русскому языку и русской культуре наблюдается среди населения Таджикистана, особенно среди молодых людей, которые в перспективе планируют выехать на заработки в Россию. Однако проблема заключается в том, что большая часть мигрантов, выехавших в Россию, не планируют возвращаться на родину, а проявляют желание остаться жить в России на постоянной основе. Массмедиа считаются одним из эффективных инструментов «мягкой силы» России в Таджикистане, формирующих ее привлекательный образ. Так, таджикский независимый эксперт Рашид Гани Абдулло подчеркивает, что население Республики, хорошо знающее русский язык, воспринимает российские СМИ как свои [1]. Таким образом, несмотря на то что в Таджикистане еще в 2009 году лишили русский язык официального статуса, в стране наблюдается интерес к его изучению, однако отсутствуют необходимые для этого возможности. Постепенно эта проблема решается за счет придания динамизма гуманитарному сотрудничеству между Россией и Таджикистаном. Так, при финансовой поддержке России в Таджикистане были построены пять школ с русским языком обучения, которые были открыты 1 сентября 2022 года президентами двух стран в режиме онлайн-конференции.

В Туркменистане влияние Русского мира имеет ограниченный характер. Уже в течение нескольких лет в рамках взятого курса на всеобщую «туркменизацию» [31] в Республике идет процесс выдавливания русского языка из языкового пространства, что стало одной из причин массового отъезда русскоязычного населения. Однако в последнее время среди населения Туркменистана заметно растет интерес к русскому языку, изучение которого воспринимается как возможность получить качественное образование. В Туркменистане открыта одна единственная российская школа им. А. С. Пушкина. Из всех стран Центральной Азии

именно в Туркменистане русский язык имеет слабые позиции, что, соответственно, снижает потенциал сохранения Республики в матрице Русского мира [11].

Заключение

Таким образом, отсутствие полноценной концептуальной трактовки термина «Русский мир» порождает множество его интерпретаций и дискуссий. Во всем существующем многообразии подходов можно выделить два наиболее распространенных. Согласно первому подходу к Русскому миру относятся соотечественники, люди, которые после распада СССР вынужденно остались жить вне границ Российской Федерации. В соответствии со вторым подходом под Русским миром следует понимать всех тех, кто привержен российским социокультурным ценностям. В условиях геополитического противостояния с Западом возникает насущная необходимость популяризировать Русский мир именно как цивилизационный проект, подчеркивая уникальность русского языка, культуры, традиций.

В продвижении Русского мира особая роль отводится соотечественникам, которые содействуют позитивному восприятию России за рубежом. Однако это отнюдь не означает, что Россия должна полагаться только на конкретную целевую аудиторию, что априори снижает эффективность «мягкой силы» России. Российский ценностный нарратив не имеет четких границ своего воздействия, он направлен на различные аудитории, на всех иностранцев, у которых сформировалась сопричастность с Россией.

В странах Центральной Азии к Русскому миру относятся дифференцировано. Так, в Казахстане превалирует точка зрения о его геополитических, нежели социокультурных основаниях. Академическое сообщество Киргизии воспринимает русский язык не столько как инструмент коммуникации, сколько как объединяющий фактор в контексте общего историко-культурного прошлого с Россией. Однако, несмотря на то что в странах региона властвующая элита стремится заметно усилить позиции национальных языков, интерес к изучению русского языка среди населения сохраняется. Во многом этот интерес обусловлен тем, что знание русского языка позволяет получить хорошее образование. В Казахстане и Киргизии продолжают функционировать школы с рус-

ским языком обучения. Запущен процесс постепенного укрепления позиций русского языка в Таджикистане и Узбекистане, где Россия реализовывает проекты по открытию русскоязычных школ. Следовательно, у Русского мира как элемента «мягкой силы» России в Центральной Азии имеется значительный потенциал для культурного и духовного обмена. Открытие школ с русским языком обучения свидетельствует об особой значимости русского языка в странах региона, который является основой для укрепления сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии.

Литература

1. *Абдулло Р.Г.* «Мягкая сила» РФ и ее проецирование на Таджикистан. 20.07.2015. – URL: <https://cabar.asia/ru/rashid-gani-abdullo-o-myagkoj-sile-rossii-v-tadzhikistane> (дата обращения: 23.10.2022).
2. *Батанова О.* Русский мир // *Международная жизнь.* – 2008. – № 11. – С. 113.
3. *Егоров В., Штоль В.* Русский язык – фактор интеграции постсоветского пространства // *Международная жизнь.* – 2017. – № 12. – С. 90.
4. *Жапаров С.* Что нужно для перевода делопроизводства на кыргызский язык? 23.09.2021. – URL: <https://ru.sputnik.kg/20210923/kyrgyzstan-kyrgyzskij-yazyk-zhparov-pozdravlenie-1053998074.html> (дата обращения: 24.10.2022).
5. *Жильцов С.С.* Центральная Азия: особенности политического развития // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* – 2020. – № 1 (23). – С. 148.
6. *Жубатканов К.* «Русский мир» и Казахстан: вызовы и угрозы. 10.06.2018. – URL: <https://www.altyn-orda.kz/russkij-mir-i-kazahstan-vyzovy-i-ugrozy/> (дата обращения: 27.08.2022).
7. *Жураев С., Воробьев А.* Россия и Узбекистан: контуры развития сотрудничества. 14.07.2021. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/rossiya-i-uzbekistan-kontury-razvitiya-sotrudnichestva/> (дата обращения: 25.10.2022).
8. *Зевелев И.* «Русский мир» – 2030: каким он будет // *Россия в глобальной политике.* – 2018. – № 2-3. – С. 130–149.
9. *Зевелев И.* Границы русского мира // *Россия в глобальной политике.* – Т. 12. – 2014. – № 2. Март–Апрель. – С. 39.
10. *Ильхамов А.* Форсированный перевод узбекского языка на латиницу: последствия для населения Узбекистана. 29.03.2021. – URL: <https://cabar.asia/ru/forsirovannyj-perevod-uzbekskogo-yazyka-na-latinitu-posledstviya-dlya-naseleniya-uzbekistana> (дата обращения: 28.11.2022).
11. *Казанцев А.* Туркмено-российские отношения в постсоветский период. 26.01.2012. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/turkmeno-rossiyskie-otnosheniya-v-postsovetskiy-period/> (дата обращения: 10.11.2022).
12. *Колесов В.В.* Особенности становления и реализации государственной политики переселения соотечественников в Россию (на примере центрально-азиатского региона): автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2014. – С. 29–30.
13. Концепция внешней политики РФ от 12 февраля 2013 г. – URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/> (дата обращения: 23.10.2022).
14. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. – URL: https://www.studmed.ru/view/koncepciya-vneshney-politiki-rf_a31513c7bb3.html?page=1 (дата обращения: 23.10.2022).
15. *Крыжко Е.В., Пашковский П.И.* Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии // *Проблемы постсоветского пространства.* – 2021. – № 8 (1). – С. 76.

16. *Ксенофонов В.В.* Русский мир и его православное основание // Социально-политические науки. – 2018. – № 3. – С. 207–210.
17. *Курьлев К.П.* Соотечественники – инструмент «мягкой силы» России за рубежом. 18.11.2017. – URL: <https://realtribune.ru/news-people-445> (дата обращения: 24.10.2022).
18. *Лебедева М.М.* «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО – Университета. – 2017. – № 3 (54). – С. 214.
19. МИД РФ: Все школьники Казахстана изучают русский язык. 14.01.2022. – URL: <https://ruskiymir.ru/news/296775/> (дата обращения: 23.10.2022).
20. *Неймарк М.* «Мягкая сила» в мировой политике. – М.: Дашков и К°, 2017. – С. 140.
21. *Никонов В.* О создании фонда «Русский мир». – URL: http://rlj.americancouncils.org/issues/57/files/Nikopov_2007.pdf (дата обращения: 25.10.2022).
22. *Паршин П.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады. – Март, 2013. – Вып. 1 (36). – С. 17.
23. Понятие соотечественника. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ (в ред. от 23.07.2010 № 179-ФЗ) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». – URL: http://www.korsovet.kg/doc/Ponyatie_sootechestvennika.pdf (дата обращения: 23.10.2022).
24. Путин дал определение понятию «русский мир». 31.10.2018. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/400998> (дата обращения: 12.11.2022).
25. Русский мир в Узбекистане сегодня. 22.01.2018. – URL: <https://ruskiymir.ru/publications/236393/> (дата обращения: 18.11.2022).
26. Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь. 08.09.2014. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> (дата обращения: 18.11.2022).
27. *Суслов М.* «Русский мир»: политика России в отношении соотечественников за рубежом. – 2017. Июль. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/souslov_monde_russe_2017_ru.pdf (дата обращения: 18.11.2022).
28. *Тагаев М. Дж., Атакулова М.А., Жусупова А.А., Душеева Г.А.* Русский язык в обыденном сознании жителей Кыргызстана // Вестник КPCY. – Т. 19. – 2019. – № 6. – С. 83.
29. *Тагаев М. Дж., Борчиева Б.Т.* Русский язык и границы русского мира в Кыргызстане // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 4. – С. 97.
30. Только 216 школ в Кыргызстане с русским языком обучения. 27.02.2018. – URL: https://24.kg/obschestvo/77108_tolko_216_shkol_vkirygyzstane_srusskim_yazyikom_obucheniya/ (дата обращения: 18.11.2022).
31. Туркменский парадокс: русского языка де-юре нет, де-факто он необходим. 25.02.2019. – URL: <https://cabar.asia/ru/turkmenskij-paradoks-russkogo-yazyka-de-yure-net-de-fakto-on-neobhodim> (дата обращения: 28.10.2022).
32. Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 г. № 569. – URL: <https://academy-gr.kz/?p=4713&lang=ru> (дата обращения: 18.11.2022).
33. *Шоботенко А.В.* Объективные факторы влияния на имидж России за рубежом // Международные коммуникации. – 2020. – № 3 (15). – С. 2.
34. *Mankoff J.* Russia's Latest Land Grab. 2018. May. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2014-04-17/russias-latest-land-grab> (accessed: 18.10.2022).
35. *McFaul M.* Faulty Powers. Who Started the Ukraine Crisis? // Foreign Affairs. – November/December. 2014. – P. 171.
36. *Simons G.* “Inevitable” and “Imminent” Invasions: The Logic Behind Western Media War Stories // Journal of International Analytics. – 2022. – No. 13 (2). – P. 56.

Карачин Игорь Олегович,

руководитель аппарата – директор по коммуникациям АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»,
соискатель Дипломатической академии МИД России, Москва.

Igor O. Karachin,

Head of Staff, Communications Director-Agency for strategic initiatives,
Candidate of the Diplomatic Academy of the Ministry of
Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: io.karachin@asi.ru

МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ В ЕАЭС MIGRATION RISKS IN THE EAEU

Аннотация: феномен современной миграции рассматривается как социально-экономическое и политическое явление, имеющее многонациональный и глобальный характер, способствующее процессу международного разделения труда, сложным структурным изменениям и глобальным трансформациям. Риски миграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) исследуются с точки зрения трех участников: мигрантов, стран выбытия и стран прибытия. В условиях евразийского пространства в рамках ЕАЭС изучается единый рынок труда, гарантированный Договором о ЕАЭС и представляющий собой форму и метод интеграции Российской Федерации, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана.. Анализируются также факторы риска, связанные с рынком труда. Необходимо не только минимизировать риски за счет миграции, но и использовать положительный миграционный потенциал для развития Российского государства. Ставится вопрос о необходимости глубокого научного анализа социокультурных рисков формирования единого рынка труда ЕАЭС, разработки оперативных и долгосрочных мер по предотвращению и нейтрализации внутренних и внешних угроз. Единый рынок труда рассматривается как один из основных источников инновационного развития и конкурентных преимуществ ЕАЭС совместно с расширением этнокультурного разнообразия стран – участниц ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), свободное передвижение людей, миграция, единый рынок труда.

Abstract: the phenomenon of modern migration is considered as a socio-economic and political phenomenon of a multinational and global nature, contributing to the process of international division of labor, complex structural changes and global transformations. The risks of migration processes within the Eurasian Economic Union (EAEU) are studied from the point of view of three participants: migrants, countries of departure and countries of arrival. A single labor market is being studied in the conditions of the Eurasian space within the framework of the EAEU, guaranteed by the Treaty on the EAEU and representing a form and method of integration of the Russian Federation, Belarus, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan. Also, risk factors associated with the labor market are analyzed. It is necessary not only to minimize risks through migration, but also to use the positive migration potential for the development of the Russian state. The question is raised about the need for a deep scientific analysis of the socio-cultural risks of the formation of a single labor market of the EAEU, the development of operational and long-term measures to prevent and neutralize internal and external threats. The single labor market is considered as one of the main sources of innovative development and competitive advantages of the EAEU, together with the expansion of the ethno-cultural diversity of the EAEU member countries.

Key words: Eurasian Economic Union (EAEU), free movement of people, migration, appropriate labor market.

Социально-экономические риски миграционных процессов в рамках ЕАЭС

В условиях формирования Таможенного союза миграционная проблема общеэкономического пространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) приобретает новые характеристики. Эти характеристики составляют уникальную ситуацию риска, возникающую из-за условий, факторов, видов, субъекта и объекта риска. В современных условиях миграцию следует рассматривать не просто как географическое перемещение людей из одной местности в другую, а как социально-экономическое явление, затрагивающее все стороны жизни общества. Именно поэтому многие современные исследователи обращают внимание на многонациональный и глобальный характер современной миграции [7]. Например, по мнению британского ученого Стивена Кастлза, миграционные процессы приобрели многонациональный характер и вышли на глобальный уровень, поскольку транснациональные корпорации экспортируют свою работу по всему миру.

Миграционные процессы неразрывно связаны со сложными структурными изменениями в новом международном разделении труда и в том числе с глобальными экономическими изменениями. С одной стороны, это проявляется в спросе работодателей на рабочую силу в информационной сфере и сфере услуг, тогда как миграционные потоки рабочей силы становятся всё менее популярными в сфере технического производства. Особенно это актуально для стран с развитой постиндустриальной экономикой [23]. С другой стороны, развивающиеся страны по-прежнему нуждаются в притоке низкоквалифицированной рабочей силы, заполняющей нишу занятости при небольшом спросе со стороны местных жителей.

Миграционное поведение определяется стремлением мигрантов улучшить свой уровень жизни. Это возможно при благоприятном воздействии многих факторов, начиная от ситуации на рынке труда в стране прибытия и заканчивая личностными особенностями и установками мигранта. Усугубляет ситуацию с мигрантами нестабильное экономическое положение на евразийском пространстве: в результате валютных колебаний и сокращения количества рабочих мест во многих отраслях эко-

номики трудовые мигранты вынуждены возвращаться и искать работу на родине [9].

Социально-экономические риски миграционных процессов в рамках ЕАЭС можно рассматривать с точки зрения трех участников:

- мигрантов;
- стран выбытия;
- стран прибытия.

Страна прибытия наряду со многими положительными экономическими эффектами от движения миграционных потоков всегда ощущает и множество миграционных рисков. Особенно это может ощущаться в условиях нестабильной экономической ситуации. Экономический кризис может привести к значительному сокращению расходов в социальной сфере. Для многих стран Евразии, находящихся в сложной экономической ситуации, расходы на социальные нужды мигрантов и их семей станут непосильным бременем. Вместе с тем увеличение миграционного оттока может повлиять на снижение скорости производства [30]. Страна выбытия испытывает значительные социально-экономические риски в случае отъезда квалифицированных рабочих. В последнее время, в связи с ужесточением требований к трудовым мигрантам на территории Российской Федерации, получить разрешение на работу в РФ могут только те мигранты, которые имеют базовые знания русского языка, истории страны и ее законодательства [29]. Таким образом, с повышением требований к образовательному уровню мигрантов должен меняться и качественный состав миграционных потоков.

В последние годы политика регулирования внутрирегиональной миграции в странах Центральной Азии выносится на пересмотр на законодательном уровне [22]. Основным способом контроля миграционных потоков являются двусторонние соглашения о въезде и реадмиссии. В частности, на повестке дня остро стоят вопросы о правовом разрешении проблемы уязвимости мигрантов, противодействии незаконной эксплуатации рабочих-мигрантов, занятых в сферах строительства, сельского хозяйства и домашнего труда, пресечении злоупотреблений в области миграции. В данном случае особую сложность пред-

ставляет обеспечение прав незаконно трудоустроившихся и неформально занятых мигрантов.

В России патенты на работу для мигрантов из стран СНГ начали действовать с 1 января 2015 года. Такие патенты служат ключевым примером, мешающим унификации миграционных процессов общего рынка труда в ЕАЭС. В России и Казахстане миграционная политика создает секьюритизированную риторику, которая усиливает антимигрантские настроения в обществе. Например, в апреле 2016 года Россия передала ответственность за миграционное регулирование и разработку политики от независимой Федеральной миграционной службы Министерству внутренних дел. Тот факт, что миграционная политика ЕАЭС противоречит общей миграционной ориентации в Казахстане и России, должен тщательно контролироваться правительствами этих стран для достижения двойных целей региональной интеграции и защиты местных рынков труда. Казахстан и Россия должны контролировать сбор данных и отчетность, а также несоблюдение принципов соглашения о ЕАЭС путем имплементации во внутреннее законодательство. Оба эти механизма играют важную роль в определении и отражении того, сколько мигрантов способны официально оформить свой трудовой статус. Из-за дефицита данных измерить реальное влияние ЕАЭС на миграционные тенденции трудно, но возможно.

Исходя из данных Росстата на 2020 год, из Беларуси в Россию въехало 85,5 тыс. человек. По данным российских экспертов, в России работают десятки тысяч мигрантов из Республики Беларусь в сфере строительства, транспорта, торговли и услуг, и, как правило, они не имеют высшего образования [10; 22]. Часто работа ведется вахтовым методом.

Трудовая миграция из Казахстана в Россию показывает планомерный рост на протяжении последнего десятилетия. С 2009 года, когда на работу в Россию, по статистике МВД, въехали 11,2 тыс. человек, число трудовых мигрантов в 2020 году увеличилось до 25,2 тыс. человек.

Основными местами трудоустройства мигрантов из Казахстана являются такие сферы, как:

- строительство, на которую приходится 22% всех мигрантов;
- горнодобывающая промышленность (с долей в 20,8%);

- торговля;
- транспорт;
- связь; и др.

Мигранты из Казахстана встречаются во всех областях России, но основными точками концентрации специалистов являются Москва, Московская область, Урал, Ханты-Мансийский край. Стоит также отметить, что многие мигранты работают в приграничных с Казахстаном областях: Омская, Челябинская, Астраханская и др. [23].

Граждане Республики Армения также вносят постоянный вклад в поток трудовых мигрантов в Россию. По данным Федеральной миграционной службы РФ, в первом полугодии 2021 года в Россию переехали около 202,2 тыс. граждан Армении. А по данным Национальной статистической службы Республики Армения, 90% лиц, выезжающих в Россию, въезжают в Российскую Федерацию в целях трудоустройства¹. Модель российского рынка труда демонстрирует типичную для принимающих стран занятость мигрантов из Армении [11; 22].

Статистика МВД показывает значительное увеличение фактов постановки на миграционный учет. За 2022 год количество фактов постановки на миграционный учет составило 16,87 млн ед., что на 25% больше значения предыдущего года — 13,39 млн ед. Из них в 70% случаев целью въезда является работа. Однако данный показатель не говорит о числе мигрантов, прибывших в Россию, так как количество фактов снятия с миграционного учета за год составило 14,52 млн ед., поскольку снятие с учета происходит либо по заявлению, либо автоматически по истечении срока пребывания, после чего зачастую фиксируется повторная постановка на учет.

Количество мигрантов из безвизовых стран можно оценивать по уведомлениям о заключении трудового договора или гражданско-правового договора (не на основании патента). Таковых зафиксировано 854 тыс. ед., из них наибольшее количество — с гражданами Кыргызстана (450 тыс.). Таким образом, оценка количества трудовых мигрантов в России может находиться в пределах 3 млн человек.

¹ См.: Армения и Таможенный союз: оценка экономических выгод от интеграции. 2013; Армения и евразийская интеграция: окончательный выбор или поиск оптимальной модели? 2015.

По субъектам Федерации лидерами по действующим патентам являются Москва — 427 тыс., Санкт-Петербург и Ленобласть — 341 тыс. и Московская область — 318 тыс. человек. На них приходится около 60% всех действующих патентов. Во втором эшелоне привлекательных для иностранных работников регионов — Свердловская область (53 тыс.), Краснодарский край (52 тыс.), Иркутская область (46 тыс.). По сравнению с итогами полугодия количество действующих патентов по двум основным направлениям сократилось более значительно, чем в среднем. В Москве падение составило почти 13%, в Санкт-Петербурге и Ленобласти — 8%. В то же время по некоторым регионам наблюдается рост, например в Иркутской области (на 5%). Однако делать из этого выводы о перенаправлении миграционных потоков представляется преждевременным.

Оценивая миграционный прирост за 2022 год, можно отметить следующее. Гражданство предоставлено 691 тыс. человек — спад по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составил 6%; первичные разрешения на временное проживание и получение вида на жительство (ВНЖ) показали прирост на 13%: 174 тыс. и 286 тыс. соответственно. Однако с учетом того, что по итогам полугодия прирост первичных разрешений и ВНЖ составлял 70% и 30% соответственно, можно сделать вывод о том, что перспектива получения российского гражданства во втором полугодии стала менее привлекательной для иностранцев, вероятно, после призыва в рамках частичной мобилизации отдельных лиц, ранее его получивших.

Российские эксперты считают, что миграционный поток между государствами — членами ЕАЭС останется на прежнем уровне при условии сохранения текущей социально-экономической и общественно-политической ситуации [2]. Республика Беларусь имеет наилучшие возможности для возрождения промышленного потенциала благодаря наличию сырьевой базы, инженерно-технических кадров и условий для производства товаров для ЕАЭС.

Актуальность изучения миграционных рисков в ЕАЭС

Единый рынок труда в современных условиях по праву может рассматриваться как один из основных источников инновационного развития и конкурентных преимуществ ЕАЭС и, безуслов-

но, расширит этнокультурное разнообразие стран – участниц ЕАЭС. Однако процесс построения единой миграционной системы, создания единого рынка труда сопряжен с рядом социальных рисков, среди которых можно отметить возможность проявления таких негативных социальных явлений, как разобщенность, отчуждение, социальное неравенство, этнические и религиозные конфликты [7; 14].

Именно поэтому изначально следует уделять особое внимание социальной направленности миграционной политики в рамках единого интеграционного пространства. Следует отметить, что в этом направлении уже предпринят ряд мер. Так, согласно Договору о ЕАЭС трудовые мигранты и их семьи в пределах ЕАЭС имеют право на бесплатную скорую помощь (экстренные формы) в том же порядке и на тех же условиях, что и граждане государства трудоустройства. Важно обеспечить права детей мигрантов, совместно проживающих с ними на территории государства трудоустройства, в обеспечении посещаемости и обучения в образовательных организациях в соответствии с законодательством государства трудоустройства [19]. Кроме того, в рамках Договора о ЕАЭС при приеме на работу должны признаваться документы об образовании, выданные образовательными учреждениями государств-членов.

В то же время вопросы, связанные с пенсионным обеспечением граждан на общем рынке труда, до конца не решены и будут регулироваться отдельным соглашением к основному Договору. Отсутствуют также четкие меры по интеграции мигрантов в принимающие общества стран – участниц ЕАЭС; до сих пор не решены вопросы, связанные с обеспечением надлежащих жилищных условий для трудовых мигрантов в рамках ЕАЭС, и др.

Для снижения рисков, связанных с этнической идентичностью граждан ЕАЭС, важно исследовать вопросы социальной дифференциации и культурного разнообразия, влияющих на развитие и реализацию социально-экономического потенциала и социальной коммуникации в рамках ЕАЭС. Это будет способствовать предотвращению межэтнических конфликтов, содействию гармонии между различными этническими группами, укреплению социальной сплоченности, а также использованию многообразия как инновационного ресурса и конкурентного преимущества ЕАЭС.

Несомненно, формирование рынка труда в условиях евразийского пространства не просто и весьма противоречиво – для всех участников этого процесса есть свои преимущества и угрозы. Как показал предварительный анализ, вектор свободного движения рабочей силы из Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Армения сегодня и в будущем будет направлен в Россию, а также Россия останется основной принимающей страной для мигрантов из государств – членов ЕАЭС. Это расширит этнокультурную мозаику страны, обострит этнокультурные противоречия, повлечет за собой социальную напряженность, межэтнические противостояния, конфликты, может привести к усилению давления на режим противников либерализации миграционных процессов.

Важную роль в финансово-экономическом секторе стран Центральной Азии занимают международные денежные переводы. Самыми зависимыми от денежных переводов являются менее развитые страны субрегиона. Например, Кыргызстан и Таджикистан входят в список 10 стран мира, получающих самые большие денежные переводы по отношению к ВВП. Согласно экспертным оценкам, в Кыргызстане благодаря денежным переводам уровень бедности снизился на 6–7 % [24].

По потокам денежных переводов в страны Центральной Азии можно определить основные финансовые коридоры мигрантов, страны-источники основного дохода для мигрантов и выявить так называемые страны-доноры.

Например, на протяжении длительного времени из Российской Федерации поступали внушительные объемы денежных средств, которые в дополнение облегчались относительно низкой стоимостью осуществления перевода в страны Центральной Азии. С середины 2010-х годов на протяжении нескольких лет подряд отмечался спад по показателю переводимых за рубеж сумм. Приостановка переводов была вызвана замедлением роста экономики и изменением экономической политики в Российской Федерации. Однако уже в 2017 году объем денежных переводов в Центральную Азию вновь повысился на 21 %, достигнув суммы в размере 48 млрд долл. США, и с этого времени стабильно демонстрировал рост. Так, в 2018 году сумма составила 59 млрд долл. США. Одним из факторов, обусловивших этот

подъем, являлось продолжающееся и непрекращающееся оживление экономической активности в Российской Федерации [26].

Стоит рассмотреть два аспекта миграционной политики, которые образовались на фоне конфликта на Украине: социально-экономический и общественно-политический. Социально-экономический фактор связан в целом с конъюнктурой на рынке труда.

Многие специалисты прогнозируют рост безработицы, который может быть связан с уходом из России западного бизнеса. Ведь нужно понимать, что закрывается возможность получать технологии, что приводит к срыву производственных цепочек, и многие предприятия прекратят свою работу [15]. Можно по-разному относиться, например, к западным компаниям, но каждая из них обеспечивает сотни рабочих мест. Теперь эти люди выйдут на рынок труда. Конечно, это может привести к тому, что потребность в мигрантах снизится.

Значимый также момент — падение курса рубля. Все-таки мигранты получают деньги в России не для того, чтобы потом вкладывать их в российскую экономику. Эти средства они переводят семьям, которые остались у них на Родине. Если курс рубля будет и дальше снижаться, то экономически многим мигрантам станет невыгодно работать в России.

Второй аспект — политический, включающий в себя несколько моментов. Во-первых, пока неизвестно, как будут складываться отношения Российской Федерации с постсоветскими странами на фоне конфликта на Украине. Сейчас это ушло на второй план и априори предполагается, что ничего критического не произойдет. Скорее всего, так и будет, но мир становится всё более непредсказуемым, и уже в Армении, например, собираются задерживать самолеты российских авиакомпаний, которые получены в лизинг. Вряд ли это будет способствовать укреплению отношений, а такие случаи не исключены и в других странах постсоветского пространства.

Кроме того, конечно, почти исчезнет приток иностранной рабочей силы с Украины и, учитывая логистические сложности, вероятно, с Молдовы. Во-вторых, сложно сказать, как изменится отношение к мигрантам у граждан России в ситуации, когда будет расти безработица. В целом мигранты, конечно, не исчезнут, они занимают важное место в структуре российской экономики.

Социологи говорят, что общество постепенно отходит от шока в связи с событиями на Украине и ориентируется на выживание. Контуры понятны — режим экономии, снижение стандартов потребления, общая готовность к понижению качества жизни и терпение [13].

В общественных настроениях, особенно в столицах и мегаполисах, чувствуется удрученность и доминирует фрустрация, под которой социологи понимают массовые ощущения невозможности выполнения намеченных планов и ограничение возможности для удовлетворения потребностей и желаний. В регионах люди переносят текущие сложности более спокойно. Российский социум уже активно пытается адаптироваться к изменившейся реальности. Помимо этого социальные психологи говорят об усилении потенциала эмоционального выгорания, особенно среди активной части общества в сегменте 25–55 лет.

Текущая ситуация больше всего ударит по россиянам с доходами от средних и выше, однако ввиду прогнозируемого значительного роста безработицы наименее социально защищенные слои населения также пострадают. Под удар неблагоприятной конъюнктуры попадают и свыше 40 млн пенсионеров.

Уровень безработицы в IV квартале 2021 года, согласно данным Росстата, оценивался в 4,3%, а сейчас эксперты предрекают в течении нескольких месяцев кратный рост. В то же время падение доходов в России затронет и мигрантов из Центральной Азии, для которых российский рынок в данный момент становится менее привлекательным из-за падения курса рубля. Ситуация имеет аналогии с 2014–2016 годами, когда из-за резкой девальвации российской валюты наблюдался некоторый отток мигрантов [11]. В данный момент времени отток мигрантов в Центральную Азию также возможен, однако эксперты говорят, что, скорее всего, большинство работающих в России гастарбайтеров захотят остаться и будут работать за меньшие деньги. Среднесрочная динамика в этом вопросе пока труднопрогнозируема.

В целом ситуацию социологи оценивают как экстраординарную и отмечают, что в постсоветской истории Россия еще не сталкивалась с каскадом таких сложностей и структурных проблем. В этом контексте можно говорить об отдаленных аналогиях с дефолтом 1998 года или состоянием российского общества

в первой половине 1990-х годов. Сегмент россиян возраста 40+ всё это прекрасно знают и сейчас будут использовать опыт тех лет для максимально безболезненной адаптации к современным реалиям. В то же время для более молодых россиян грядущие сложности выглядят как нечто непонятное и неосознанное, однако и им придется адаптироваться к непростым реалиям эпохи геополитического напряжения.

В дискуссиях о мигрантах часто не обращают внимания на их этническую принадлежность, а фокусируются на несоответствии норм поведения и социокультурных практик. Отклонения от этих норм воспринимаются как угроза личной безопасности и становятся признаком разделения людей на «своих» и «чужих» [16]. Вместе с тем наблюдается враждебное отношение приезжих к местному населению. Некоторые исследователи отмечают жесткое, вызывающее стремление, прежде всего выходцев с Северного Кавказа, отстаивать свое право на поддержание в новой среде определенных норм поведения, что нередко приводит к конфликтам. Усиление конфликтности можно объяснить также увеличением среди мигрантов доли молодых приезжих в возрасте до 22 лет, рассчитывающих для достижения социального успеха на социальную поддержку и стремящихся к конкуренции. Кроме того, в связи с турбулентностью международных отношений и спорадически возникающими вспышками политических волнений на почве неурегулированных территориальных конфликтов на постсоветском пространстве нередко случаи с просьбами предоставления политического убежища.

Тем не менее наличие регулярных внешнеполитических связей на двусторонней основе на полях международных организаций, а также в рамках региональных объединений способствует постепенной выработке совместного видения общей линии миграционной политики. Стабильные политические договоренности, включая соглашения о безвизовом режиме и упрощенном процессе устройства на работу, а также другие двусторонние договоры и межправительственные акты, направленные на смягчение миграционных барьеров, способствуют устойчивости миграционных потоков и минимизируют риски нелегальной миграции [21].

Стимулирующим фактором является также разница в уровне рождаемости, которая делает экономики стран постсоветского

пространства взаимозависимыми. Так, Россия и Беларусь характеризуются отрицательным приростом населения, а Кыргызстан и Казахстан — положительным.

Достижение компромисса и взаимопонимания при межкультурном взаимодействии возможно в случае выработки межкультурного сотрудничества и толерантности. Необходимо искать взаимопонимание путем компромисса между собственными культурными особенностями и внешними.

Возникает некий процесс ассимиляции, и выходцы из менее развитых стран сливаются со средой, перенимают их особенности, образ жизни и культуру. Будучи официальным языком СССР, русский язык стал являть собой связующее звено для мигрантов с постсоветского пространства, делая выезд в русскоговорящие страны понятным и достигаемым. Лингвистическая общность позволяет мигрантам быстрее адаптироваться и трудоустроиваться, в том числе нелегально [9].

Однако существует проблема социального взрыва. Вследствие формирования новых этнических меньшинств усиливается конкуренция в разных сферах, из-за этого возникает напряженность между титульной нацией и другими общностями, что в будущем, возможно, приведет к нетерпимости. Чтобы не допустить развития таких событий, необходимо жестко регулировать миграционные процессы для организации неконфронтационного и безопасного существования на одной территории.

Адекватная миграционная политика должна решать проблемы минимизации миграционных рисков, пользуясь одновременно потенциалом миграции для развития государства. Национальные правительства, в свою очередь, должным образом должны регулировать миграционные движения – это является необходимым условием для успешного международного сотрудничества, что представляет собой основополагающий фактор, без которого по управлению миграцией невозможно.

Используя меры, которые позволили бы прогнозировать появление рисков ситуаций, и принимая превентивные меры по снижению их последствий, можно достигнуть понимания результатов таких ситуаций и управлять ими. Одна из самых действенных мер по преодолению социальных рисков – поддержка отечественных товаропроизводителей и работников, что в свою очередь приве-

дет к повышению их конкурентоспособности [17]. При оценке рисков, связанных с образованием, важно изучить направленность образовательной политики и программ на снижение рисков ситуаций, связанных с неэффективностью образования или социальным и культурным неравенством. Важными аспектами являются также оценка уровня доступности образования для различных социальных групп и регионов, а также анализ тенденций в образовательном процессе и его соответствия рыночным требованиям.

Борьба с нелегальными мигрантами поглощает финансовые ресурсы страны и может привести к экономическому кризису. Вместе с тем отсутствие борьбы с ними приводит к возникновению идентичности и социального страха. Иными словами, борьба с нелегальными иммигрантами не только затратна, но и несет политические риски для стран, вовлеченных в этот процесс. В результате политика нелегальной иммиграции может зайти в тупик и вызвать конфликты между вовлеченными странами.

Присоединение Крыма Россией в 2014 году привело к политическим, экономическим и военным санкциям со стороны западных держав, что вызвало ее исключение из Большой восьмерки. Наряду с быстрым падением цен на нефть этот остракизм со стороны большей части международного сообщества имел огромные последствия для экономики России. Стоимость рубля по отношению к доллару США упала примерно вдвое в течение 2014 года; по состоянию на начало 2021 года валюта составляла лишь часть своей стоимости десятилетием ранее.

Экономический спад и геополитическая напряженность привели к сокращению миграции в Россию. Трудовые мигранты и дешевая рабочая сила, которую они предлагали, были ключевыми компонентами экономического развития России после нехватки внутренней рабочей силы в 1990-х годах отчасти из-за негативных демографических перспектив страны с сокращением населения и низкой рождаемостью [23]. Большинство этих мигрантов прибыли из Центральной Азии и сыграли важную роль в постсоветской экономике России. Они занимались строительством, бытовыми услугами, сельскохозяйственными и фабричными работами.

Страны происхождения мигрантов стали зависеть от денежных переводов, которые они и другие члены диаспоры отправляют на Родину. За десятилетия, прошедшие после распада

Советского Союза, Россия стала одним из важнейших направлений для трудовых мигрантов из Центральной Азии, особенно Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Эти модели миграции связаны с наследием советской экономики и инфраструктуры, в значительной степени сосредоточенном в России, а также с экономической либерализацией, проведенной Москвой после распада советской империи. Примерно 3/4 мигрантов из Кыргызстана и Таджикистана и почти 60 % мигрантов из Узбекистана в 2013 году направились в Россию. В 2019 году почти 1/5 часть из 11,6 млн зарегистрированных иностранцев в России были выходцами из этих трех стран. Эти страны были также родиной многих рабочих-мигрантов в Казахстане, стране назначения, растущей благодаря нефтяному экономическому буму. Денежные переводы сыграли решающую роль в экономике региона [10].

Притягательными для государств-исхода — республик Центральной Азии – в принимающих государствах, которыми служат преимущественно Российская Федерация и Казахстан, являются более высокий уровень заработной платы и упрощенные возможности трудоустройства.

Долгое время Российская Федерация была главным направлением для трудовых мигрантов из Центральной Азии. Для многих людей из сельских районов Кыргызстана трудовая миграция стала необходимой стратегией заработка на жизнь и обеспечения своих семей. Поэтому многие кыргызские мигранты ищут работу в России, и в последнее время всё более популярными становятся удаленные регионы, включая Сибирь [3].

Российская Федерация является привлекательной также с точки зрения уже перебравшихся и ассимилировавшихся соотечественников. Прочно обосновавшиеся и закрепившиеся выходцы из стран ближнего зарубежья готовы оказать вновь прибывшим родственникам и бывшим соотечественникам помощь в поисках подходящего жилья и работы [12]. Такие мигранты представляют собой в основном низкоквалифицированную рабочую силу, хотя далеко не все мигранты из Центральной Азии, прибывающие в Российскую Федерацию, являются низкоквалифицированными трудовыми мигрантами.

Изучив мировой опыт, можно сделать вывод, что миграционная политика, способствующая планомерному развитию госу-

дарства, должна основываться на комплексном подходе, который охватывает все сферы политической деятельности государства. Поэтому, чтобы быть эффективной, такая политика должна:

- быть основана на принципах справедливости и равноправия для всех мигрантов;
- быть ориентирована на укрепление экономических, культурных и социальных связей между государствами и регионами;
- реализовываться на основе слаженной деятельности разных государственных органов, органов местного самоуправления, социальных партнеров, неправительственных организаций.

Также необходимо учитывать особенности миграционного потока и обеспечивать адекватное регулирование, например, через ограничение нелегальной миграции и разработку программ по интеграции мигрантов в общество приемной страны. Кроме того, важно создавать условия для повышения квалификации и адаптации мигрантов на новом месте жительства, а также защищать их права и свободы. В целом, миграционная политика должна способствовать устойчивому социально-экономическому развитию государства и обеспечивать взаимовыгодное сотрудничество между странами.

Литература

1. *Карачин И.О.* Состояние и перспективы трудовой миграции в ЕАЭС // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2022. – № 4 (34). – С. 148–159.
2. *Сченснович В.Н.* Миграционная политика в современной России. (аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. – 2021. – № 3 (321). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-v-sovremennoy-rossii-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 15.11.2022).
3. *Торогельдиева Б.М.* Миграция кыргызских граждан в Россию: возможности и риски // Развитие территорий. – 2020. – № 4 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-kyrgyzskih-grazhdan-v-rossiyu-vozmozhnosti-i-riski> (дата обращения: 19.11.2022).
4. *Федорова А.В., Хорольцева Е.Б.* Управление рисками как особая практика регулирования миграционных потоков евразийского пространства // Вестник ПАГС. – 2013. – № 6 (39). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-riskami-kak-osobaya-praktika-regulirovaniya-migratsionnyh-potokov-evraziyskogo-prostranstva> (дата обращения: 19.11.2022).
5. *Andreeva E.* Labour migration in Belarus is breaking records. 20.09.2012. – URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1040412/> (accessed: 21.11.2022).
6. Armenia and the Customs Union: assessment of the economic effect of integration of EDB. – 2013. – 48 p.
7. Armenia and the Eurasian integration: the final selection, or search for an optimum model? – January 6th, 2015.

8. Branches in Mono-Territories of Russian Federation // *World Applied Sciences Journal*, 30 (Management, Economics, Technology & Tourism). – 2014. – P. 176–178.
9. *Castles S.* Migrant Workers and the Transformation of Western Societies. – Ithaca, N.Y.: Center for International Studies, Cornell University, 1989. – 119 p.
10. *Fedorova A.V., Khoroltseva E.B.* Risk Management as a specific practice of regulation of migration processes in the Eurasian space // *Bulletin of PAHs*. – 2013. – P. 30–38.
11. *Kryukova E.M., Makeeva D.R., Konovalova E.E.* Tourism as Preferred Direction in the Strategy of Substitution of Industry Branches in Mono-Territories of Russian Federation // *World Applied Sciences Journal*. – 2014. No. 30 (30). – P. 176–178.
12. *Kryukova E.M., et al.* Social-economic problems of Russian mono-towns / *Kryukova E.M., Vetrova E.A., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Dusenko S.V.* // *Asian Social Science*. – Vol. 11. – 2014. – No. 1. – P. 258–267.
13. *Leskova I.V.* The Eurasian Union: the geopolitical landscape and the prospects for economic integration // *Social policy and sociology*. – Vol. 2. – 2013. – No. 5 (99). – P. 7–22.
14. *Leskova I.V., Raspopov S.V.* Interstate educations: specifics of the organization and functioning of economic systems // *Sustainable economic development of regions* / ed. by L. Shlossman. – Vienna, 2014. – P. 132–157.
15. *Maksymchuk N.V.* Chronicle of regional integration for the second quarter of 2014 // *Eurasian economic integration*. – 2014. – No. 3. – P. 72–116.
16. *Maloletko A.N., et al.* Analysis of key indicators of tourism industry in Russia / *Maloletko A.N., Kaurova O.V., Kryukova E.M., Pochinok N.B., Gladko E.A.* // *Modern Applied Science*. – 2015. – Vol. 9 (3). – P. 25–33.
17. *Mansurov T.* Eurasian economic integration: experience and prospects. – M.: Russian rarity, 2014.
18. *Osadchaya G.I.* Migration processes in the metropolis of Moscow, 1990–2009; evolution of migration from Armenia and Georgia in Moscow: 2009–2012: monograph. Socio-cultural characteristics of the everyday practices of the Russians. – M.: Publishing house RSSU Union, 2013. – P. 249–412.
19. *Osadchaya G.I.* Model of social interaction of the countries participating in the process of Eurasian integration: theoretical and methodological fundamentals of design // *Socio-humanitarian knowledge*. – 2014. – No. 3. – P. 204–218.
20. *Sadovskaya E.* Twenty years of labour migration. 10.03.2015. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0583/tema01.php> (accessed: 10.12.2022).
21. *Sadovskaya E.Y.* International labor migration in Central Asia in the early twenty-first century (for example of the Republic of Kazakhstan). – M.: Eastern book, 2013. – 572 p.
22. *Selivyorstov S.V.* Eurasian world: values, constants, self organization / ed. by Yu.V. Popkov. – Novosibirsk: Parallel, 2010. – 449 p.
23. The consequences of the accession of Kyrgyzstan to the Customs Union and common economic space for labour market and human capital of the country / *Eurasian Development Bank*. – St. Petersburg, 2013. – Report No. 13. – 122 p.
24. The living standards of population in Kazakhstan // *Statistical Bulletin*. – Astana: Republic of Kazakhstan Agency on statistics, 2013. – 167 p.
25. *Vinogradova M.V., et al.* Approaches to the study of the status and trends of drug abuse, rehabilitation and reintegration of drug users / *Vinogradova M.V., Kryukova E.M., Kulyamina O.S., Vapnyarskaya O.I., Sokolova A.P.* // *Biosciences Biotechnology Research Asia*. – 2014. – Vol. 11 (3). – P. 1505–1514.
26. *Vinokurov E., Libman A.* Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. – Basingtoke: Palgrave Macmillan, 2012.
27. *Yudina T.N.* Labour migration into Russia: the response of state and society // *Current Sociology*. – T. 53. – 2005. – No. 4. – P. 583–606.
28. *Yudina T.N.* Sociology of migration: towards a new research directions. – M.: Dashkov and Ko, 2004. – 399 p.
29. *Zayats D.* Belarusian migrant workers: who are they, why are illegals and how much do you earn // *Belarusian news*. – February 4, 2013. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/gazeta020.php> (accessed: 05.01.2023).

Сейдуманов Альнур Серикович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alnur S. Seidumanov,

PhD student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: A.Seidumanov@akorda.kz

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА: ПРЕДПОСЫЛКИ, КОНЦЕПЦИЯ, СЦЕНАРИИ РЕАЛИЗАЦИИ

POLITICAL MODERNIZATION OF KAZAKHSTAN: PREREQUISITES, CONCEPT, IMPLEMENTATION SCENARIOS

Аннотация: в рамках обнародованной Президентом Республики К.К. Токаевым программы комплексной политической модернизации возможны три модели формирования новой политической архитектуры, находящиеся между собой в отношении логической дизъюнкции: имитационная, радикальная и гибридная. Построение в Казахстане «Второй республики» через «кардинальное преобразование основ казахстанской государственности» (К.К. Токаев) маловероятно в кратко- и среднесрочной перспективе в силу того, что безусловным приоритетом политических преобразований объявлена политическая стабильность. Вероятность реализации сугубо имитационного сценария также невысока, поскольку такое развитие событий неизбежно обернётся народными волнениями в общенациональном масштабе. Наиболее вероятным является сценарий гибридизации рационально-легальных политических институтов с неформальными сетями властных отношений. Гибридный или компромиссный сценарий включает в себя ряд модификаций, реализация которых зависит от практически не поддающейся прогнозу конstellации множества факторов.

Ключевые слова: политическая модернизация, президентская республика, политические партии, децентрализация власти, местное самоуправление.

Abstract: within the framework of the comprehensive political modernization program promulgated by the President of the Republic K.K. Tokayev, three models of the formation of a new political architecture are possible, which are interconnected in relation to logical disjunction: imitation, radical and hybrid. The construction of a "Second Republic" in Kazakhstan through the "cardinal transformation of the foundations of Kazakhstan's statehood" (K.K. Tokayev) is unlikely in the short and medium term due to the fact that political stability has been declared an absolute priority of political transformations. The likelihood of implementing a purely simulation scenario is also low, since such a development of events will inevitably turn into national unrest on a national scale. The most likely scenario is the hybridization of rational-legal political institutions with informal networks of power relations. The hybrid or compromise scenario includes a number of modifications, the implementation of which depends on an almost unpredictable constellation of many factors.

Key words: political modernization, presidential republic, political parties, decentralization of power, local self-government.

Введение

Легитимность политической власти — её атрибутивная характеристика. Нелегитимная власть является узурпацией власти. Согласно М. Веберу, существует три типа легитимации верховной власти в государстве: её освящение авторитетом традиции; наличие у политического лидера личной харизмы; обоснованность власти легальными, рациональными правилами и её профессиональной компетентностью.

Харизматический тип легитимации власти был заложен в основу политической системы Казахстана уже в первые годы её формирования. Образ Н. А. Назарбаева как харизматического лидера усиленно насаждался идеологическим аппаратом государства, официальными СМИ. Кульминацией этого процесса стало закрепление в Конституции Казахстана за его Первым Президентом статуса Елбасы — Лидера нации. Однако этот способ легитимации в современных условиях даёт достаточно шаткую, ненадёжную опору режиму персонализированной власти. В выдвинутой Н. А. Назарбаевым программе «адаптированной политической модернизации» вектор, направленный на возрождение ценностей традиционной культуры, способствовал укреплению традиционного типа легитимности власти. По вектору, направленному на повышение функциональности и эффективности институтов президентской республики, осуществлялось укрепление рационально-легального типа легитимности политического режима. Таким образом, адаптированная политическая модернизация выполняла официально не афишируемую, но вместе с тем основную функцию — актуализации и закрепления в общественном сознании всех трёх типов легитимности модели «суперпрезидентской» республики в Казахстане.

Иной смысл и другие цели имеет концепция комплексной политической модернизации, обнародованная в Послании К. К. Токаева народу Казахстана 16 марта 2022 года. Политическая система Казахстана выстроена, как заявил К. К. Токаев, таким образом, что буквально всё замыкается на Президенте [11]. На преодоление сложившегося положения направлены инициативы К. К. Токаева по перераспределению властных функций и полномочий, децентрализации власти и переходу политических процессов в режим транспарентной конкурентной борьбы.

В случае успешного продвижения этих инициатив они создадут совершенно новую конфигурацию развития политических процессов в Республике Казахстан.

Методология

В анализе концепции комплексной политической модернизации и возможных сценариев её реализации нами использован ряд методов политологического анализа и прогнозирования: структурно-функциональный метод, неинституциональный подход, методы концептуального моделирования, сценарный подход.

Результаты и обсуждение

В своём выступлении 11 января 2022 года на заседании Мажилиса К. К. Токаев указал на ряд причин трагических событий начала января 2022 года в Казахстане. В их число Президент включил неэффективную, а по ряду позиций «провальную» деятельность органов государственного управления, обострение проблемы социально-экономического неравенства, рост имущественного расслоения казахстанского общества. Но коренной причиной системного кризиса является, по словам К. К. Токаева, созданная в стране система олигополии, или кланово-олигархического капитализма, при которой «ключевыми выгодоприобретателями экономического роста стали финансово-олигархические группы» [3], а 162 семьи владели половиной национального богатства всей страны.

Формирование системы олигополии было предопределено той моделью перехода к рыночной экономике, которая была реализована в Казахстане на основе так называемого Вашингтонского консенсуса. Эта модель предполагала всеобъемлющее реформирование социально-экономической и политической систем посредством форсированной приватизации государственной и коллективной собственности и отказа государства от социальной ответственности за ход и результаты экономических преобразований. На практике же правящие элиты с самого начала взяли под свой контроль процессы политических и социально-экономических трансформаций, монополизировав политическую и экономическую власть. В результате возник особый политический режим, основанный на кланово-олигархиче-

ской приватизации не только государственной собственности, но и политических функций государства.

Сосредоточение политической и экономической власти в руках узкого круга лиц неизбежно порождает ситуацию, при которой недовольство населения своим экономическим положением приобретает формы политического протеста. Поэтому демонтаж системы олигополии является одновременно и процессом макроэкономических преобразований, и политическим процессом. Президентом Республики предприняты конкретные меры для перехода к прозрачным и справедливым правилам игры в экономике. При этом, что особенно важно, в обращении к соотечественникам по результатам республиканского референдума К. К. Токаев подчеркнул, что оздоровлению национальной экономики будут способствовать последовательные политические преобразования. Главным из этих преобразований будет то, что в Новом Казахстане не будет места серым закулисным схемам, фаворитизму и nepотизму, коррупции, политической и экономической монополии, а «социальная справедливость будет главной ценностью и несущей конструкцией нового общественного договора» [9].

На всём протяжении новейшей политической истории Казахстана неизменным требованием либерально-демократической оппозиции был переход к парламентской форме правления. И столь же непоколебимой была позиция власти относительно необходимости сохранения и укрепления президентской республики как формы правления, в наибольшей степени отвечающей задачам устойчивого экономического, политического, социокультурного развития Казахстана. Новое руководство Республики придерживается той же позиции. В интервью телеканалу «Россия 24» 15 июня 2022 года К. К. Токаев заявил, что считает парламентскую форму правления неподходящей («неадекватной») для Казахстана. В Казахстане, по словам Президента, будет сохранена президентская республика, но с сильным парламентом и с подотчётным правительством [6]. В обозримой перспективе такой сценарий политического транзита, как переход от президентской к парламентской республике, не является реалистическим.

Конечно, и в президентской республике задачи совершенствования системы институтов, механизмов и процедур пред-

ставительной власти не снимаются с политической повестки дня. Однако в эпоху современных информационно-коммуникативных технологий и новых форм личностной и групповой идентичности решение этих задач не может расцениваться как мейнстрим режимных трансформаций, осуществляемых в процессе демократического транзита. Российские эксперты отмечают: «Архитектура политического режима, основанного на прямом диалоге централизованной власти с обществом, в целом совпадает с общецивилизационным трендом постепенного смещения акцента демократической парадигмы от представительной к непосредственной демократии» [4, с. 76]. Соответственно, понимание сущности демократии и критериев демократичности политического режима смещается от второстепенных различий между парламентской и президентской формами правления в сторону истинного смысла демократии как народовластия, как непосредственного участия граждан в производстве политических решений. К. К. Токаев разделяет именно такое понимание демократии: «Подлинная демократия предполагает активное и созидательное участие в общем деле каждого гражданина» [9]. Следует отметить, что К. К. Токаевым и его администрацией предпринят ряд мер, призванных значительно повысить степень вовлечённости гражданского общества в политический процесс. Эти меры были направлены как на развитие государственно-общественного диалога, так и на совершенствование партийной системы представительства в системе власти интересов различных групп казахстанского общества.

17 июля 2019 года Указом главы государства был учреждён Национальный совет общественного доверия при Президенте Республики Казахстан (НСОД). Основные задачи Национального совета общественного доверия связаны с обеспечением конструктивного диалога и налаживанием прямых и обратных связей государственных структур с институтами гражданского общества. Председателем НСОД является Президент Республики Казахстан, что очень важно, учитывая неудачный опыт создания площадок диалога власти и оппозиции в прошлые годы. Одним из главных условий общенационального диалога, выдвигаемых оппозицией, было участие в нём президента страны. Но прежние власти с этим условием не соглашались.

Национальный совет общественного доверия активно включился в решение задач, поставленных новым этапом развития общественно-политической жизни страны. В январе и феврале 2022 года Президентом Казахстана и членами НСОД активно дискутировалась программа комплексной политической модернизации, обнародованная в Послании Президента народу Казахстана 16 марта 2022 года. Национальный совет общественного доверия разработал многие предложения по изменениям и дополнениям в Конституцию Казахстана, вынесенным на общенациональный референдум 5 июня 2022 года. Однако 15 июня 2022 года Указом Президента Республики Казахстан НСОД был распущен и создан новый консультативно-совещательный орган — Национальный курултай (Ұлттық құрылтай). Национальный курултай имеет тот же официальный статус, что и Национальный совет общественного доверия. Его председателем так же является Президент Республики Казахстан. Состав Национального курултая формируется на тех же принципах, что и состав НСОД. Две из трёх задач, возложенных Указом Президента на Национальный курултай, дословно повторяют задачи, поставленные перед НСОД.

Сложно сказать, чем вызвано подобное изменение формата общенационального диалога. К.К. Токаев на первом заседании Национального курултая говорил о том, что созыв курултая как органа народного представительства — древняя традиция. С её возрождением мы следуем заветам предков, выработанным и успешно применяемым ими практикам диалога власти и народа. Эти же аргументы приводились и в Послании Президента народу Казахстана 16 марта 2022 года. Тем самым данной диалоговой площадке придаётся не только функциональное, но и особое символическое значение, способствующее её дополнительной легитимации. Однако столь буквальное следование традиции влечёт за собой риски усиления и без того доминирующей тенденции к архаизации и этнизации политического сознания. Таким образом, решение о созыве Национального курултая и роспуске Национального совета общественного доверия не выглядит бесспорным, хотя само по себе стремление властей к налаживанию конструктивного диалога с населением становится важной особенностью нового этапа развития политических процессов в Казахстане.

В Послании народу Казахстана от 16 марта 2022 года Президентом представлена программа комплексной модернизации политической системы Казахстана. Эта программа призвана решить две задачи: во-первых, задачу переустройства политической модели на принципах последовательной демократизации, во-вторых, задачу обеспечения устойчивости и управляемости государства. В постановке и поиске решения этих задач, как подчёркивает К. К. Токаев, речь, прежде всего, идёт об окончательном переходе от суперпрезидентской формы правления к ключевой формуле политической архитектуры Нового Казахстана: «Сильный, полномочный Президент — влиятельный, дееспособный Парламент — подотчётное народу Правительство» [11]. Далее в своём Послании Президент даёт обоснование и подробную характеристику каждому из 10 основных блоков, из которых, по его мнению, должно сложиться новое здание казахстанской государственности.

1. *Изменение полномочий и функций президентской власти.* В Послании Президента впервые на самом высоком официальном уровне было признано, что сформированная в Казахстане «суперпрезидентская» модель правления является институциональной формой монополизации политической власти, при которой глава государства и круг приближённых к нему лиц рассматривают государство как своё монопольное владение, как «личную вотчину». Концентрация власти в руках высшего должностного лица была оправдана на первоначальном этапе государственного строительства. Однако монополия на политическую власть раньше или позже, но неизбежно оборачивается деградацией политических институтов государства. Для решения задачи демонополизации политической сферы К. К. Токаев предложил принятие следующих мер:

- прекращение президентом и рядом высших должностных лиц государства членства в партии на период их легислатуры;
- запрет для ближайших родственников президента на занятие политических должностей и руководящих постов в квазигосударственном секторе;
- упразднение ряда президентских полномочий, чрезмерно ограничивающих самостоятельность органов местной власти.

Перечисленные меры представляют собой важный шаг в сторону отказа от сверхконцентрации и сверхцентрализации власти. Однако вряд ли можно безоговорочно разделить оптимизм Президента в отношении того, что предложенные им инициативы приведут к принципиальным изменениям «правил игры». Ведь эти правила формируются не столько в сфере легальных политических практик и официальных институций, сколько в серой области политических процессов, конфигурация которой создаётся неформальными сетями взаимоотношений политических акторов. Например, запрет на аффилированность с партией не мешает формированию лояльного президенту партийного большинства в парламенте и маслихатах через неформальные сети сращивания доминирующей партии с государственным аппаратом.

2. Переформатирование представительной власти. Президентом предложен ряд мер, направленных на повышении роли парламента как главного института представительной власти. В частности, изменяется порядок формирования Сената и Мажилиса — в Сенате уменьшается президентская квота с 15 до 10 депутатских мест, квота Ассамблеи народа Казахстана в Мажилисе переносится в Сенат и уменьшается с 9 до 5 депутатских мандатов. Упраздняется положение, при котором Мажилис лишён возможности преодолеть вето Сената на свои законопроекты.

Эти меры позволяют приблизить систему распределения полномочий между ветвями власти к исторически сложившимся в странах западной демократии механизмам «сдержек и противовесов». Однако не следует преувеличивать значимость этих реформ. Как отмечает О. Г. Карпович, в странах Центральной Азии политическая борьба разворачивается не между ветвями власти в институциональном пространстве публичной политики, а между основными группами политической элиты в серой области непубличных договорённостей [7, с. 48]. Кроме того, сохранение положения о назначении президентом депутатов парламента является прямым нарушением основополагающего принципа формирования представительной власти.

3. Совершенствование избирательной системы. Для стимулирования политического участия граждан в управлении государством Президент предложил внести ряд изменений в электро-

ральное законодательство. Одно из них заключается в переходе от пропорциональной системы к смешанной пропорционально-мажоритарной избирательной системе выборов в Мажилис и представительные органы власти областей и городов, имеющих республиканское значение. При этом в некоторых районах и городах целесообразно, по мнению К.К. Токаева, перейти к мажоритарной модели выборов. Собственно говоря, эти меры вряд ли можно квалифицировать как новшество, и уж никак нельзя назвать их политической модернизацией. Они являются, по сути дела, возвращением к той модели электорального политического процесса, которая существовала в Казахстане до конституционной реформы 2007 года, когда внедрением пропорциональной модели было обеспечено безусловное доминирование правящей партии «Нур Отан» в представительных органах власти.

4. Развитие партийной системы. Для развития процесса партийного строительства предполагается создание, по словам К.К. Токаева, «максимально благоприятной» институциональной среды. С этой целью минимальный регистрационный порог снижается с 20 тыс. до 5 тыс. членов партии, в 3 раза уменьшается порог численности региональных представительств партии, значительно сокращается количественный состав инициативной группы, требующийся для создания партии. Предложенные Президентом Казахстана К. К. Токаевым меры по либерализации партийного законодательства действительно способствовали значительной активизации процесса создания и регистрации политических партий. Однако эти меры не в полной мере снимают административные преграды этому процессу, поскольку партии должны проходить три стадии регистрации, а обязательность региональных представительств партий влечёт за собой высокие затраты на их создание. В соседнем Кыргызстане, например, таких барьеров вообще нет, поскольку регистрация партий имеет уведомительный характер.

5. Модернизация электорального процесса. Этот блок политических реформ направлен на совершенствование ряда юридических, процедурных и технологических аспектов проведения выборов. В своей совокупности данные нововведения должны обеспечить честность и транспарентность электорального процесса.

6. *Усиление правозащитных органов.* Важнейшим принципом построения Нового Казахстана объявлена справедливость. Реализация этого принципа требует наличия соответствующих юридических механизмов и институтов. Одним из таких институтов является Конституционный суд, обеспечивающий защиту конституционных прав и свобод граждан. Поэтому учреждение Конституционного суда рассматривается как важная мера в сфере системного совершенствования правозащитной деятельности. Кроме того, Президентом предложен ряд инициатив по обеспечению верховенства закона, демократизации судебной системы, повышению транспарентности судопроизводства, расширению сферы применения суда присяжных, снижению уровня насилия в казахстанском обществе, в том числе в отношении детей и женщин, и т. д.

7. *Повышение политической роли институтов гражданского общества.* В этот кластер задач Президент включил: повышение роли СМИ в диалоге власти и народа; усиление взаимодействия, налаживание конструктивного партнёрства государственных органов власти с неправительственными организациями; создание институциональной модели общественного диалога в виде Национального курултая.

8. *Изменение административно-территориального устройства Казахстана.* Этот пункт не имеет отношения к политической модернизации, поэтому мы на нём останавливаться не будем.

9. *Развитие системы местного самоуправления.* Одним из принципов повышения эффективности управления является передача управленческих функций и полномочий на возможно более низкий уровень управленческой вертикали. На реализацию этого принципа направлены основные предложения Президента по децентрализации власти и реформе местного самоуправления. Как отметил К. К. Токаев, в настоящее время маслихаты являются гибридными формами, соединяя в себе институты государственного управления и местного самоуправления. В связи с этим необходимо чётко обозначить их полномочия. Следуя духу и букве президентской концепции политической модернизации, в определении полномочий местных органов власти нужно исходить из задачи углубления процесса децентрализации власти и расширения сферы самоуправле-

ния. Между тем, оставляя за собой право назначения и снятия с должностей акимов, пусть и по согласованию с маслихатами, Президент ограничивает самостоятельность местных органов власти, возможность принимать решения без оглядки на реакцию политического руководства.

10. *Принятие антикризисных мер.* В связи с резким обострением геополитической и экономической ситуации в результате жёсткого санкционного противостояния необходимо принять комплекс антикризисных мер. Одной из них является деbüroкратизация государственного аппарата, поскольку непомерно раздувшиеся бюрократические структуры препятствуют оперативному принятию и исполнению управленческих решений.

К. К. Токаев определил, что реализация перечисленных 10 кластеров задач по выполнению программы комплексной политической модернизации Казахстана потребует внесения изменений и дополнений более чем в 30 статей Конституции Республики Казахстан и принятия свыше 20 новых законов. Соответствующая подготовительная работа была проведена, и на республиканском референдуме были одобрены 55 поправок и дополнений в 33 статьи Конституции. В обращении главы государства К. К. Токаева к народу Казахстана по итогам референдума сказано, что «конституционные поправки кардинально преобразуют основы нашей государственности» [10]. Однако из анализа Послания от 16 марта 2022 года и поправок, вынесенных на референдум, такого вывода не следует. Сами по себе конституционные поправки не означают радикальных изменений политической системы. Их следует рассматривать, как об этом говорится в тексте обращения чуть ниже процитированных нами слов Президента, не как конечную стадию, а как начало процесса политических реформ. Вопрос о том, в каком направлении и насколько интенсивно будет развиваться этот процесс политических преобразований, остаётся открытым. Для того чтобы конституционные изменения стали триггером запуска процессов «кардинального преобразования основ государственности», «кардинальной трансформации системы общественных и личных ценностей», «радикальных преобразованиях во всех сферах» [10] жизни казахстанского общества и государства, нужно преодолеть колоссальную силу инерции, набранную административно-управлен-

ческим аппаратом государства за долгие годы монополизации власти кланово-олигархическим режимом.

Оппозиция и часть экспертно-аналитического сообщества Республики скептически восприняли как программу комплексной политической модернизации, так и поправки к Конституции, внесённые в рамках выполнения этой программы. Основная часть критических замечаний сводится к утверждениям о том, что поправки к Конституции являются половинчатыми, отход от суперпрезидентского режима власти формально декларируется, но фактически сохраняется статус-кво сильной президентской власти с небольшими косметическими изменениями. Казахстанский политолог Д. Альжанов заявляет, что для преодоления сверхконцентрации властных полномочий в руках президента необходимо перейти к такой системе разделения властей, при которой правительство формируется парламентом и несёт ответственность перед ним, а президент лишён права распускать парламент. Этих норм в обновлённой Конституции нет [1]. Политолог А. Суздальцев приходит к выводу, что политическая модернизация, о которой говорит К. К. Токаев, это модернизация авторитарного режима [13]. Аналогичное мнение высказывает сопредседатель общественного движения «Халы Сенімі» К. Бейсебаев. По его словам, главным бенефициаром конституционной реформы является президент, лишь укрепивший легитимность своих властных полномочий, и его ближайшее окружение. Ни о какой реальной самостоятельности парламента и прочих властных институтов, главы которых по-прежнему назначаются президентом, речи не идёт [5].

С нашей точки зрения, переход от суперпрезидентской республики к президентской республике с сильным парламентом и подотчётным правительством может рассматриваться как либерализация и демократизация политического режима, но не как кардинальное преобразование основ государственности. Конституционная реформа и ряд других инициатив Президента К. К. Токаева вернули политическим процессам в Республике утраченный с середины 1990-х годов динамизм, создали стимулы для активизации разных политических сил, отстаивающих свои проекты развития Казахстана. Поэтому главная политическая интрига завершающегося этапа транзита власти заключа-

ется в том, какой сценарий дальнейшего развития политических процессов будет реализован в Казахстане.

Существуют три возможных сценария дальнейшего развития процесса политической модернизации.

Первый, имитационный: модернизация сложившейся системы приватизации и монополизации политических функций государства режимом кланово-олигархической власти, основанной на неформальных сетях патрон-клиентских, родственных и т. д. связей.

Второй, радикальный: демонтаж системы авторитарной персонализированной власти и переход властных функций к системе имперсональных институтов представительной демократии и прямой демократии (общественного самоуправления).

Третий, гибридный, или компромиссный: реализация в Казахстане той или иной модели неопатримониального режима, при котором неформальные сети взаимоотношений различных групп политического истеблишмента комбинируются с рационально-легальными институтами.

Реализация в чистом виде первого, пессимистического, и второго, оптимистического, сценария развития политических процессов в Казахстане маловероятна. Эти сценарии должны рассматриваться, скорее, как полюсы-аттракторы, к которым с разной степенью интенсивности будут тяготеть процессы политической модернизации. При этом политическая модернизация приобретает вид мультилинейного, многоуровневого и разнотемпового процесса.

Характерной особенностью политических процессов и институтов в Казахстане являлось то, что концентрация властных полномочий в руках высшего должностного лица государства осуществлялась не только через законодательное закрепление режима суперпрезидентской республики, но и через формирование круга доверенных лиц. Патронаж президента и его ближайшего окружения обеспечивал клиентеле участие в кланово-олигархической приватизации политической и экономической власти. Главный вопрос о перспективах политической модернизации Казахстана заключается в том, сможет ли новый президент и его команда выстраивать институциональную систему власти не на принципах клановых, родственных, па-

трон-клиентских, приятельских связей, личной преданности, но на принципах профессионализма, меритократии, защиты государственных интересов.

Отечественные политические аналитики придерживаются разных взглядов по этой ключевой проблеме. По мнению М. Нурмуханбетова сегодня пока ещё до конца не ясно, сможет ли и захочет ли К. К. Токаев разрушить прочную конструкцию пирамиды власти своего предшественника, или ему будет проще и выгоднее перестроить её под себя [8], привлечь часть команды Первого Президента с их административными, экономическими, финансовыми, информационными ресурсами на свою сторону, предложив взаимовыгодные условия. Тем более что времени на формирование своей собственной команды у К.К. Токаева фактически не было. В пользу этой версии свидетельствуют и многие кадровые решения, назначения на ответственные государственные посты людей из «привилегированного круга». Однако это решение чревато возникновением ситуации, при которой «хвост начинает вилять собакой», то есть когда олигархат начинает использовать новую власть в своих корпоративных интересах. Иной позиции придерживается А. Чеботарёв. Известный казахстанский политолог считает, что, хотя внешне после референдума в Казахстане ничего не изменилось, Президент получил от народа карт-бланш на демонтаж выстроенной Н. А. Назарбаевым системы внутриэлитных отношений и связей [2].

По нашему мнению, трансформация политических и бизнес-элит в Казахстане в обозримой перспективе будет происходить по описанной П. Бурдьё модели взаимной реконверсии бюрократического и финансового капитала. При этом инкорпорирование новых персоналий в политический истеблишмент и финансово-экономический олигархат будет по-прежнему в значительной степени определяться конфигурацией клановых и патрон-клиентских отношений. Вероятность реального перехода процессов формирования политической и экономической элиты к принципам меритократии, профессионализма, социальной ответственности, избавления от коррупционной составляющей и т. д. отодвигается в неопределённое будущее. Этот прогноз основан на том, что утвердившаяся в Казахстане система олигополии предопределила формирование такого механизма

распределения национального достояния, при котором бенефициаром экономического роста выступают финансово-олигархические круги и тесно переплетённые, а зачастую и сросшиеся с ними управленческие структуры. Демонтаж этой системы предполагает не реформаторские, но радикальные, революционные преобразования. В обнародованных руководством страны планах политической модернизации Казахстана такого рода меры не предполагаются.

Механизм сдержек и противовесов в государствах Центральноазиатского региона действует не в сфере распределения властных полномочий и функций между ветвями законодательной, исполнительной и судебной власти, как это должно происходить согласно принципам политической теории Запада, а в сфере борьбы кланов, родоплеменных и территориальных сообществ. Поэтому борьба за завоевание и удержание власти разворачивается по большей части за фасадом институтов публичной политики, в области неформальных, кулуарных договорённостей и соглашений. Как отмечает Д. Льюис, основная борьба внутри неопатримониальных политических систем идёт не между консерваторами и реформаторами, как это было в позднесоветский период, а между «инсайдерами» и «аутсайдерами»: между теми элитами, которые контролируют политико-экономическую систему, и теми, кто добивается этих преимуществ [15, р. 120]. В условиях политического соперничества кланов только сильная президентская власть может обеспечить стабильность политического режима, проведение единой государственной политики. Поэтому при любых схемах и моделях трансформации институтов политической власти «президенты всех стран Центральной Азии по-прежнему будут вынуждены искать баланс между отдельными группами и кланами... неформальные договорённости по-прежнему будут доминировать в отношениях между политическими элитами, подменяя или дополняя формальные механизмы власти» [7, с. 150].

В отличие от многих других аспектов современных политических процессов в Казахстане сценарий партийно-политического строительства можно спрогнозировать с большой степенью вероятности. Радикальная оппозиция будет всё более маргинализироваться, и понятие политической оппозиции будет по пре-

имуществу применяться, как это происходит в современных либерально-демократических режимах, к партиям парламентского меньшинства. В соответствии с парламентской инклюзивностью политической оппозиции её взаимодействие с властью будет происходить в цивилизованной форме, с соблюдением демократических норм и процедур. Вместе с тем характер взаимодействия власти и оппозиции будет определять президентская форма правления, решение ключевых вопросов внешней и внутренней политики будет находиться в сфере исключительной компетенции президента. Можно отчасти согласиться с заключением политического эксперта М. Казначеева о том, что «партийные игроки будут обсуждать не саму суть предлагаемого политического и социально-экономического курса, а технические аспекты того, как реализовать то или иное стратегическое поручение президента» [14]. Подтверждением прогноза о технической по преимуществу роли партий в развитии политических процессов служит то, что ни одна из более чем 20 партий, созданных в последнее время в Казахстане, не включила в свою программу положение о борьбе за политическую власть.

Вместе с тем существуют реальные предпосылки того, что формат парламентской деятельности, прочно укоренившийся за годы существования в Казахстане суперпрезидентской власти, будет постепенно уступать место более независимой позиции парламента и расширению практики принятия ответственных политических решений на основе демократических форм политического участия широких слоёв общества. Можно согласиться с прогнозом С.А. Притчина о том, что в выборной кампании 2024 года кандидат какой-либо из соперничающих с режимом нынешнего Президента политических групп сможет составить реальную конкуренцию К.К. Токаеву. В этом случае «Казахстан впервые в своей истории может вступить в период конкурентной политической борьбы» [12, с. 29] со всеми вытекающими из неё возможностями политической институционализации новых принципов и механизмов демократического развития «Второй республики» и с рисками критического снижения достигнутого уровня политической стабильности.

Заключение

Проведённый анализ концепции комплексной политической модернизации Казахстана позволяет сделать следующие выводы.

1. Драматические события начала января 2022 года послужили триггером перехода к завершающему этапу политического транзита: окончанию периода двоевластия и началу формирования новой политической архитектуры Республики Казахстан в соответствии с «формулой» государственной власти: «Сильный, полномочный Президент — влиятельный, дееспособный Парламент — подотчётное народу Правительство».

2. Представленная К. К. Токаевым программа комплексной модернизации политической системы исходит из необходимости возвращения понятию демократии его исконного смысла народовластия, непосредственного участия граждан в производстве политических решений. По инициативе Президента предпринят ряд мер по повышению степени вовлечённости населения Республики в политические процессы посредством институционализации государственно-общественного диалога, развития партийной системы, совершенствования системы местного самоуправления.

3. Конституционная реформа 2022 года является важным шагом к либерализации и демократизации политического режима. Вместе с тем переход от суперпрезидентской к президентско-парламентской республике далеко не равнозначен анонсированному К. К. Токаевым строительству Нового Казахстана через «кардинальное преобразование основ казахстанской государственности». В среднесрочной перспективе этот вариант развития политических процессов в Казахстане нереалистичен, поскольку безусловная приоритетность сохранения политической стабильности предопределяет реформистский путь политической модернизации.

4. Можно выделить три кластера логически возможных сценариев дальнейшего развития процессов комплексной политической модернизации Республики Казахстан. Первый кластер включает в себя имитационные сценарии — модернизацию системы кланово-олигархической власти. Во второй кластер входят радикальные сценарии — демонтаж режима персонализированной власти и переход к системе имперсональных институтов предста-

вительной и прямой демократии. Реализация этих сценариев маловероятна. Наиболее вероятным выступает кластер гибридных, или компромиссных, сценариев — реализация той или иной модели модернизации неопатримониальной политической системы, то есть комбинирования рационально-легальных политических институтов с неформальными сетями властных отношений.

Литература

1. *Альжанов Д.* Что означают реформы Токаева? // *Власть*. – 2022. – 23 марта. – URL: <https://vlast.kz/politika/49257-cto-oznacaat-reformy-tokaeva.html>.
2. *Андреева Д.* Андрей Чеботарёв: «Библиотека» стала обычным музеем // *Forbes*. – 2002. – 5 июля. – URL: https://forbes.kz/massmedia/andrey_chebotarev_do_yanvarya_2022_goda_nazarbaev_byil_arbitrom_sredi_kazahstanskoy_elityi/.
3. Выступление Главы государства К.К. Токаева на заседании Мажилиса Парламента Республики Казахстан «Уроки “трагического января”: единство общества – гарантия независимости» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazahstan-1104414>.
4. *Егоров В., Штоль В.* Демократизация постсоветских политических режимов: консервативный оазис // *Международная жизнь*. – 2028. – № 3. – С. 59–77.
5. *Игликова Л.* Узок круг бенефициаров реформ: Казбек Бейсебаев о главном в политической жизни Казахстана // *Zona.kz*. – 01.07.2022. – URL: <https://zonakz.net/2022/07/01/uzok-krug-beneficiarov-reform/>.
6. Интервью Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева телеканалу «Россия 24» от 15 июня 2022 г. // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rZSE818MeE0>.
7. *Карпович О.Г.* Центральная Азия: трудный путь политического развития // *Центральная Азия и Кавказ*. – Т. 24. – 2021. – Вып. 4. – С. 43–52.
8. *Нурмуханбетов М.* Назарбаев и Токаев: сходства и различия // *Exclusive.kz*. – 07.07.2022. – URL: <https://exclusive.kz/nazarbaev-i-tokaev-shodstva-i-razlichiya/>.
9. Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева к народу Казахстана. 3 июня 2022 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/obrashchenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-k-narodu-kazahstana-354324> (дата обращения: 04.06.2022).
10. Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева к народу Казахстана. 6 июня 2022 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/obrashchenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-k-narodu-kazahstana-6525>.
11. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации». 16 марта 2022 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953>.
12. *Притчин С.А.* В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // *Вестник Московского университета*. Сер. XXV. Международные отношения и мировая политика. – Т. 13. – 2021. – № 4. – С. 7–42.
13. *Сметанина М.* Названа цель референдума по Конституции в Казахстане // *Lenta.ru*. – 29.04.2022. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/04/29/kazahstan/>.
14. *Татия К.* Электоральный ландшафт. Дождёмся ли мы реальной политической конкуренции? // *QMonitor.kz*. – 13.05.2022. – URL: <https://qmonitor.kz/politics/4119>.
15. *Lewis David G.* Understanding the Authoritarian State: Neopatrimonialism in Central Asia // *Brown Journal of World Affairs*. – 2012. – No. 1 (19). – P. 115–125.

Черницына София Юрьевна,

стажер кафедры сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов, Москва.

Sofiya Yu. Chernitsyna,

Department of Comparative Political Science,
RUDN University, Moscow.

E-mail: sophis@mail.ru

ПОЛИТИКА КИТАЯ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ**CHINA'S POLICY IN THE CASPIAN REGION**

Аннотация: в статье описываются взаимоотношения Китая со странами Каспийского региона. Отдельно рассматривается сотрудничество с каждой из региональных стран. Сравнивается также позиция Китая относительно международно-правового статуса Южно-Китайского моря, в отношении которого, так же как и у Каспийского региона, имеются неурегулированные вопросы, в связи с чем в данном районе невозможны разработка и эксплуатация ресурсов. При этом отмечается роль внерегиональных государств, таких как США, которые стараются контролировать ситуацию как на Каспии, так и в Южно-Китайском море.

Ключевые слова: Каспийский регион, Китай, международное сотрудничество, Каспийские страны, Юго-Восточная Азия, региональные государства, внерегиональные игроки.

Abstract: the article describes China's relations with the countries of the Caspian region. Cooperation with each of the regional countries is considered separately. The article also compares China's position on issues related to the international legal status of the South China Sea, which, like the Caspian region, has unresolved issues, which makes it impossible to develop and exploit resources in the region. At the same time, It is underlined the role of non-regional states, such as the United States, which are trying to control the situation both in the Caspian Sea and in the South China Sea.

Key words: Caspian region, China, international cooperation, Caspian states, Southeast Asia, regional states, non-regional players.

После распада Советского Союза и появления независимых государств в Каспийском регионе в сторону Каспия обратили свое внимание не только страны Европы, но и Китай. Одна из самых быстро развивающихся экономик мира остро нуждается в энергетических ресурсах, и потребности Китая неуклонно растут. К тому же Пекин заинтересован в поддержании таких взаимоотношений со странами Центральной Азии в целом и Каспийского региона в частности, которые позволили бы не допустить формирование недружественных политических и военных союзов на приграничных территориях.

Нельзя исключить угрозы, исходящие от внерегиональных государств. С одной стороны, в странах Центральной Азии появля-

ются американские военные базы [5], которые укомплектованы новейшим вооружением и могут быть использованы в войне против КНР. С другой стороны, продолжает набирать обороты противостояние Китая и США в Юго-Восточной Азии.

Вашингтон стремится контролировать разрешение конфликта, который берет свое начало еще в 60-х годах прошлого столетия, между азиатскими странами, в эпицентре которого находятся небольшие острова Спратли в Южно-Китайском море (ЮКМ). В совокупности площадь всего архипелага составляет не более 5 кв. км, но этот небольшой участок суши является стратегически важным в связи с тем, что именно от территории этих островов начинается отсчет 200-мильной исключительной экономической зоны. Это территория с неурегулированным международно-правовым статусом и огромными потенциальными запасами углеводородного сырья. По предварительным данным, запасы природного газа оцениваются в 50 трлн куб. м, а нефти — свыше 5 млрд баррелей [8].

Территориальный конфликт в Южно-Китайском море по всем законам политики должен был остаться внутрорегиональным и не доставлять беспокойства или, тем более, угрозы мировому сообществу. Однако США восприняли попытки Китая получить контроль над большей частью ЮКМ как нанесение ущерба собственным национальным интересам. Географически такая позиция Вашингтона не оправдана, а геополитически ЮКМ для США — это своего рода морской коридор, соединяющий Тихий и Индийский океаны, а также позволяющий ВМФ США достигать Ормузского пролива, где базируется одна из американских военных баз.

Второй причиной непринятия Вашингтоном позиции Китая в отношении Южно-Китайского моря является нежелание Вашингтона признать первенство в регионе за Китаем. Соединенные Штаты активно поддерживают Тайвань в войне против Китая и не могут допустить, чтобы Пекин единолично отстаивал свои территориальные, стратегические, геополитические и национальные интересы в регионе. В ином случае Китайская Народная Республика (КНР) может получить неограниченную власть и не разрешить США вмешиваться в дела региона.

Третьей причиной, по которой США отстаивают за собой право заходить в Южно-Китайское море в опасной и даже прово-

кационной близости от китайских границ, является намерение Вашингтона отстаивать принцип свободной навигации. По словам Айзека Кардона, доцента Военно-морского колледжа США, основная идея заключается в том, что для обеспечения американских интересов — экономических и политических — регион не может находиться под исключительным контролем или доминированием другой державы [8]. Такой позиции США придерживается и относительно других мировых водоемов, таких как Черное, Средиземное, Баренцево моря. До сентября 2018 года активно велась работа над размещением военных американских баз на территории Казахстана, с которым были подписаны соответствующие соглашения об использовании морских портов Кuryк и Актау, под предлогом транзита специальных грузов в Афганистан через территории Азербайджана и Казахстана.

Более внимательный анализ действий США в отношении стран Каспийского региона может привести к мысли, что американские усилия по переброске сил и техники в Афганистан не более чем благовидный предлог, под прикрытием которого готовится среднеазиатский фронт против России и Китая. Последний вынужден держать под контролем сразу два направления — Южно-Китайское море, которое может стать поставщиком энергоресурсов в Китай, если Пекину удастся оспорить свои права на водоем и начать разработку и эксплуатацию месторождений, и Каспийский регион, который на сегодняшний день является для Пекина стабильным источником углеводородного сырья.

Бесперебойные поставки энергетических ресурсов — залог сильной экономики, поэтому КНР в 1990-х годах начал реализовывать свою энергетическую политику в странах Центральной Азии.

Казахстан

Первым союзником Китая стал Казахстан. После распада Советского Союза и получения статуса прикаспийского государства Казахстан пытался поднять свою экономику [1], продавая углеводородное сырье в большом количестве и по низким ценам. Говорить о потенциальных запасах, которые появились тогда у страны с приобретением своего сектора Каспийского моря, было рано, так как не был определен статус Каспия и уре-

гулирован вопрос разработки и эксплуатации каспийских месторождений. Тем не менее имеющихся в стране запасов хватало, чтобы стать гарантированным поставщиком нефти в КНР. Но был один недостаток — отсутствие транспортной инфраструктуры, благодаря которой газ и нефть можно было бы перевозить в Китай с наименьшими затратами. Этот факт способствовал появлению трубопроводного проекта. Уже в 1997 году было подписано межправительственное соглашение о строительстве трубопровода из Западного Казахстана в Западный Китай [4]. Речь шла о маршруте протяженностью 3000 км и о китайских инвестициях, которые должны были в совокупности составить 11 млрд долл. [2].

Строительство объекта не началось ни в 1997 году, ни позже. Это было связано с несколькими факторами. Во-первых, дружественные отношения с Казахстаном наладили американцы. Они привнесли в общественные круги страны альтернативное мнение по поводу отношений с Китаем. Взгляды политической элиты разделились на тех, кто поддерживает казахстанско-китайские проекты, и тех, кто их не поддерживает. Трубопроводные проекты и другие документы взаимовыгодного сотрудничества с Китаем всё большим количеством ответственных лиц начали рассматриваться как ошибочные и невыгодные с точки зрения геополитики, экономики, финансов.

Во-вторых, цены на нефть оставались достаточно низкими, что заставило и Китай задуматься о рентабельности вложений в строительство нефтепровода. По факту КНР тратили меньше средств на покупку и транспортировку энергоносителей посредством имеющихся логистических решений, чем если бы они стали инвестировать в строительство нового трубопровода.

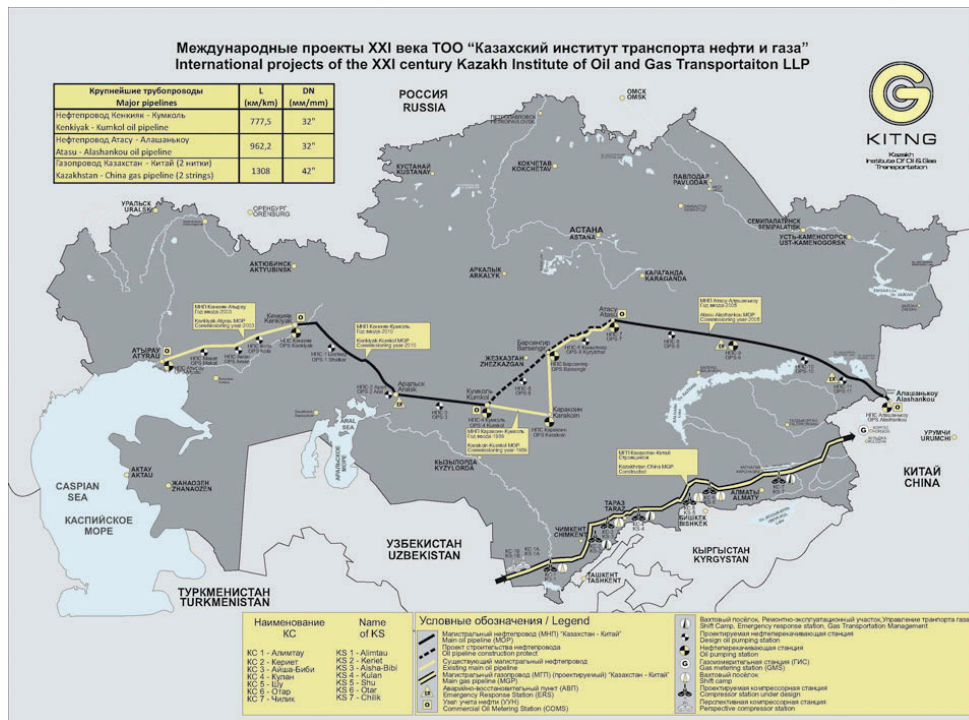
В-третьих, Казахстан не мог обеспечить полной загрузки потенциального трубопровода собственными ресурсами. Исходя из практических данных, с территории Казахстана в Китай поступало около 5 млн тонн нефти в год [11], трубопровод же требовал 20 млн тонн загрузки. Это предполагало привлечение дополнительных ресурсов, которых в распоряжении правительства Казахстана не было. Каспийские месторождения в основном принадлежали частным компаниям, которым был интересен только экономический исход, а не геополитический. Другие страны тоже

неохотно рассматривали вопрос транспортировки своих энергетических ресурсов в Китай, так как это долго и дорого.

Руководство Китая также стало сомневаться в рентабельности трубопроводного проекта. Если речь идет о дополнительной загрузке нефтепровода, то необходимо удлинять маршрут и прокладывать его от богатого энергетическими ресурсами Каспийского моря. На тот момент разведка и эксплуатация каспийских шельфовых месторождений еще не велась, а строительство трубопровода предполагало большое количество геофизических трудностей, среди которых — высокая сейсмоактивность, резкие перепады температур и горный рельеф. К тому же казахстанская нефть достаточно вязкая и не очень хорошего качества, что при транспортировке подразумевает возможность дополнительного подогрева. Все вышеперечисленные факторы препятствовали началу строительства трубопровода из Казахстана в Китай.

В 2003 году страны вернулись к диалогу о путях транспортировки энергоносителей из Центральной Азии в Китай [16]. В результате было подписано соглашение о двустороннем сотрудничестве в данном направлении. Нефтепроводы вводились в эксплуатацию достаточно быстро: в 2003 году начал свою работу участок Кенкияк – Атырау, в 2006 году — Атасу – Алашанькоу, в 2009 году — Кенкияк – Кумколь. Китайские власти торопились. Это было связано с открывшейся возможностью усилить свое влияние в регионе в целом и нефтегазовой отрасли в частности с целью не допустить укрепления в странах Центральной Азии западных компаний и корпораций.

Если присмотреться к карте трубопроводной сети, которая была построена с 2003 по 2009 год и проходила через территорию Казахстана, то можно увидеть, что по факту реализован большой проект Западный Казахстан — Западный Китай (рис. 1) [15].

**Рис. 1. Международные проекты XXI века
ТОО «Казахский институт транспорта нефти и газа» [12]**

Этот путь транспортировки стал первым для Казахстана маршрутом, который позволил стране выйти на внешний, крупный международный рынок, минуя территории третьих стран, в том числе территории России. Такой логистический расклад исключал влияние экономических и политических препятствий, связанных с транзитными договорами, кроме того, прямой путь значительно сокращал время транспортировки.

Туркменистан

Одновременно с разработкой новых путей транспортировки нефти Китайская Народная Республика была заинтересована и в импорте голубого топлива. Самыми крупными месторождениями газа среди стран Центральной Азии обладает Туркменистан. Уже в 1992 году, практически сразу после распада Советского Союза, Китай, Япония и Туркменистан начали обсуждать проект создания уникального газопровода Туркменистан – Китай – Япо-

ния, по-другому его называли «Энергетический шелковый путь» [6]. Участие в разработке проекта принимали не только Китайская нефтяная инженерно-строительная компания и японская корпорация «Мицубиси», но и американская компания «Эксон». Именно американская компания больше всех из присутствующих хотела исключить участие российского сибирского газа и России в целом из энергетического рынка Юго-Восточной Азии. Представители компании «Эксон» говорили, что поставки из Туркменистана гораздо более выгодны и надежны.

По предварительной договоренности новый газопровод должен был связывать между собой газоносные бассейны Туркменистана, Узбекистана и Казахстана с рынками Южной Кореи, Китая и Японии. Китайское правительство не сомневалось в необходимости расширять поставки углеводородов в страну, удовлетворяя потребности активно развивающейся энергоемкой экономики. Сложность заключалась в том, что проекты, по которым шли переговоры и готовилась техническая и экономическая документация, были очень дорогостоящими, их необходимо было создавать с нуля, а цены на газ были настолько низкими, что потенциальные затраты могли просто не окупиться.

Период низких мировых цен на газ закончился в начале 2000-х годов. Тогда страны Азии вернулись к переговорам, все технические и экономические нюансы уже были прописаны в проекте, поэтому строительство началось безотлагательно.

В 2003–2005 годах китайские компании стали работать на территории Туркменистана и провели разведку и оценку месторождений, которые располагались в районе реки Амударья [19]. В 2006 году Китайская национальная нефтегазовая корпорация совместно с туркменскими партнерами начала добычу газа на территории Туркменистана. Данные по добыче показали потенциал туркменских месторождений, в связи с чем остро встал вопрос о строительстве магистральных трубопроводов для транспортировки сырья в Китай. Тогда было принято решение построить газопровод Туркменистан – Китай мощностью 30 млрд куб. м газа в год [7]. Газопровод должен был проходить по территориям Туркменистана, Казахстана, Узбекистана и Китая. Строительство началось в 2007 году, а к 2009 году участок газопровода протяженностью 7 тыс. км был торжественно запущен в эксплуа-

тацию. Заполняемость газопровода вопреки расчетам составила не 30 млрд куб. м газа в год, а 40 млрд куб. м [18]. В связи с этим Китай и Туркменистан договорились об увеличении поставок газа на 10 млрд куб. м в год.

В настоящее время Китай продолжает активно инвестировать в проекты и кредитовать туркменские добывающие компании. Китай дает возможность Туркменистану транспортировать энергоресурсы напрямую, без транзита через третьи страны. Сотрудничество двух стран кажется стабильным и предсказуемым.

Азербайджан

Каспийский регион привлекает КНР. Политика Китая не ограничивается взаимодействием с Казахстаном и Туркменистаном. Одной из первых стран, с которой были установлены дипломатические отношения в конце 1991 года, стал Азербайджан. Страны заявляют о дружественных двусторонних отношениях, особенно китайскую сторону интересует энергетический аспект. В 2010 году Азербайджан и КНР подписали контракт на поставку нефти из Каспийского региона [9].

Учитывая дальность расстояния, Китай рассматривает Азербайджан с точки зрения развития инициативы «Один пояс, один путь». Для такой сильной экономики, как китайская, важно не только иметь различные источники поставки энергоносителей, но и организовать транспортно-логистические коридоры, в том числе сухопутные.

Так, Китай сначала высказал определенный интерес к железной дороге Баку – Тбилиси – Карс, а потом пустил часть своего грузового потока по этой дороге, признавая Азербайджан полноценным участником инициативы «Один пояс, один путь» [14].

В 2018 году китайская корпорация по строительству железных дорог и мостов и азербайджанский кластер, занимающийся строительством железных дорог, подписали меморандум о сотрудничестве. Согласно этому документу появилась возможность диверсифицировать маршруты торгово-транзитных коридоров и расширить экономическое сотрудничество Китая не только со странами Центрально-Азиатского региона, но и с Европой и Кавказом.

Китай заинтересован в Южно-Кавказском регионе с точки зрения получения новых рынков сбыта, а также открытия транспортного коридора. Участие Азербайджана позволит Китаю не только получить собственные выгоды от транспортных проектов, таких как «Восток – Запад», Баку – Тбилиси – Карс и другие, но и диверсифицировать пути импорта углеводородного сырья и получить доступ к природным ресурсам Каспия.

Иран

В 2015 году в Тегеране Иран и Китай подписали «Комплексную программу сотрудничества» [12]. Данная программа подразумевает сотрудничество двух стран в следующих направлениях: военном, энергетическом, техническом, инвестиционном, финансовом, транспортном, логистическом и других.

В 2021 году было подписано соглашение сроком на 25 лет. Известно, что оно предусматривает двустороннее сотрудничество двух государств не только в экономической и культурной сферах, но и в области разработок, связанных с ядерной энергетикой, транспортной инфраструктурой (порты, железные дороги), совместное ведение разведки и эксплуатации нефтяных месторождений. Стороны договорились не только об энергетических поставках со значительным дисконтом, но и о создании совместного банка, который позволит производить расчеты между странами. Необходимость создания такого банка вызвана тем, что в результате санкций со стороны США Иран отключен от мировой платежной системы.

Тесное сотрудничество Ирана и Китая позволит Исламской Республике Иран быстрее справиться с негативными последствиями санкций. К тому же Иран является непосредственным участником инициативы «Один пояс, один путь» [3].

«Один пояс, один путь»

Впервые инициатива «Один пояс, один путь» была озвучена Президентом КНР в Казахстане, тогда Си Цзиньпин призвал развивать дружбу между народами и создавать совместное будущее. Это один из немногих проектов, который предусматривает всемирный масштаб. Экономический пояс Шелкового пути [10] — создание транспортной инфраструктуры из Китая в Евро-

пу, Морской Шелковый путь [13] — строительство портов в странах Юго-Восточной Азии и выход товаров региона на мировые рынки. Сегодня обсуждается вариант реализации «Ледового Шелкового пути» [17], а именно прохождение товаров по Северному морскому пути с помощью ледоколов.

Рассматриваются также варианты подключения к инициативе стран Африки, Азии, Ближнего Востока, а также расширение самих транспортных рукавов и коридоров, в том числе на Север и на Юг, с перспективой освоения Арктики и Антарктики.

Литература

1. Демиденко С. КНР и государства Центральной Азии // Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. – М.: Красная звезда, 2010.
2. Жильцов С.С., Зонн И.С. Основные направления политики Китая в Каспийском регионе. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-politiki-kitaya-v-kaspiyskom-regione/viewer>.
3. 25-летняя программа сотрудничества между Ираном и Китаем. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.18d8becb-6370e9d5-4605228c-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Iran–China_25-year_Cooperation_Program_Basic_policies_China_in_the_Caspian_region./https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24214806.
4. В 2004 году начнется строительство нефтепровода «Западный Казахстан – Западный Китай». – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/309848-v-2004-godu-nachnetsya-stroitelstvo-nefteprovoda-zapadnyu-kazakhstan-zapadnyu-kitay/#:~:text=Генеральное%20соглашение%20о%20строительстве%20нефтепровода,тыс.%20километров%20составит%20%243.5%20млрд.>
5. Военное присутствие США и НАТО в Центральной Азии. – URL: <https://vector-eurasia.ru/internal/project-analyst/12/>.
6. Газопровод Туркмения – Китай: влияние на энергетическую безопасность Пекина. – URL: <http://caspiabarrel.org/az/2016/09/gazoprovod-turkmeniya-kitaj-vliyanie>.
7. Газопровод Центральная Азия – Китай. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8a38a40e-6370e60d-7a03dc9b-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Trans_Asian_Gas_Pipeline.
8. Идеальный шторм. Китай и США стягивают военные силы в Южно-Китайское море. Чем закончится битва за господство в регионе? – URL: https://lenta.ru/articles/2021/10/15/south_china_sea/.
9. Извилистыми трубами // Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2178605>.
10. Инициатива «Один пояс и один путь». – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d8aefaad-6370ea13-cf1b95c1-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/One_Belt_One_Road_Initiative.
11. Казахстан с начала года поставил в Китай более 5,5 млн тонн нефти. – URL: <https://www.oilexp.ru/news/world/kazakhstan-s-nachala-goda-postavil-v-kitaj-bolee-55-mln-tonn-nefti/16077/>.
12. Казахский институт нефти и газа. – URL: <https://www.king.kz>
13. Комплексная программа сотрудничества между Ираном и Китаем и ее влияние на Каспийскую геополитику. – URL: <http://casp-geo.ru/kompleksnaya-programma-sotrudnichestva-mezhdu-iranom-i-kitaem-i-eyo-vliyanie-na-kaspiyskuyu-geopolitiku/>.
14. Морской шелковый путь. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Морской_шелковый_путь.

15. По территории Казахстана проходят 11 международных транзитных коридоров. – URL: <https://kapital.kz/economic/100272/po-territorii-kazahstana-prokhodyat-11-mezhdunarodnykh-tranzitnykh-koridorov.html>.
16. Предмет многогазового потребления // Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1292985>.
17. СМП как важнейшая часть Ледового шелкового пути: состояние и перспективы. – URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/transportirovka/633506-smp-kak-vazhneyshaya-chast-ledovogo-shelkovogo-puti-otsenka-sovremennogo-sostoyaniya-i-perspektiv-ra/>.
18. Туркмения поставляет в КНР 40 млрд куб. м газа в год. – URL: [https://ngv.ru/news/turkmeniya_postavlyayet_v_knr_40_mlrd_kub_m_gaza_v_god/](https://ngv.ru/news/turkmeniya-postavlyayet_v_knr_40_mlrd_kub_m_gaza_v_god/).
19. Baku – Tbilisi – Kars Railroad. The Iron Ground for the Silk Road / review SAM. 2014. », 2014.
20. Basic policies China in the Caspian region. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24214806>.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Бажан Наталия Станиславовна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Natalia S. Bazhan,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: natalia.bashan@dipacademy.ru

ПОСОЛЬСКИЙ ПРИКАЗ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

AMBASSADOR'S OFFICE: HISTORY OF CREATION, GOALS, TASKS AND ACTIVITIES

Аннотация: в настоящей работе излагается история и цель создания Посольского приказа, а также показаны основные задачи, стоявшие перед русским внешнеполитическим ведомством на протяжении всего периода его существования. По мнению автора статьи, основными задачами являлись организация дипломатических отношений и контроль за ними, освоение новых территорий и собирание Российской державы, поддержание и развитие торговых отношений с соседними государствами, работа с иностранными гражданами, поиск и освобождение пленных, а также выполнение ряда других задач, не связанных с дипломатической деятельностью. В статье описаны также основные виды деятельности Посольского приказа, которые осуществлялись в соответствии с дипломатическим церемониалом, в основу которого было положено понятие государевой чести, а вся деятельность Посольского приказа была направлена на ее сохранение.

Ключевые слова: Посольский приказ, думные дьяки, Боярская дума, межгосударственные отношения, собирание Российской державы, освоение территорий, освобождение пленных, переговоры, государева честь, присяга на кресте, профессиональная пригодность, работа с иностранными гражданами, сбор информации, делопроизводство, презентация царской власти, «неверстанные» подьячие.

Abstract: this article describes the history and purpose of the creation of the Ambassador's Office, and also shows the main tasks facing the Russian Foreign Policy Office throughout the entire period of its existence. According to the author of the article, the main tasks were: organization and control of diplomatic relations, the development of new territories and the gathering of the Russian state, the maintenance and development of trade relations with

neighboring states, work with foreign citizens, the search and release of prisoners, as well as the performance of a number of other tasks not related to diplomatic activity. The article also describes the main activities of the Ambassador's Office, which were carried out in accordance with the diplomatic ceremony, which was based on the concept of Sovereign Honor, and all the activities of the Ambassador's Office were aimed at preserving it.

Key words: Ambassador's Office, Duma clerks, Boyar Duma, interstate relations, gathering of the Russian state, development of territories, release of prisoners, negotiations, Sovereign Honor, oath on the cross, professional suitability, work with foreign citizens, information collection, office work, presentation tsarist authorities, "without salary" clerks.

История создания Посольского приказа

Посольский приказ был создан в ходе формирования и становления приказной системы управления в Московском государстве, когда приказы формировались постепенно, по мере изменения положения в стране и международной обстановки. Что касается Посольского приказа, то, по мнению авторитетных историков, не существует точных сведений, подтвержденных историческими документами, относительно конкретной даты учреждения этого дипломатического ведомства. По мнению хранителя главного архива МИД С. А. Белокурова, много лет занимавшегося изучением Посольского приказа, «нигде не сохранилось никакого акта об учреждении Посольского приказа, и нигде не изложены обязанности Посольского дьяка и круг ведения Посольского приказа, равно как ничего подобного не находим в документах и последующего времени» [2, с. 26].

Кроме того, по мнению русского историка И. И. Вернера, «вопрос о времени выделения отдельного дипломатического ведомства (которое, без сомнения, охватывало довольно продолжительный период) нужно отделить от вопроса о времени возникновения центрального учреждения, ставшего во главе этого ведомства» [6, с. 88]. Процесс выделения этого учреждения и преобразования его в центральное самостоятельное дипломатическое ведомство шел постепенно и, по мнению того же автора, длился «в течение конца XV в. и всей первой половины XVI в.» [6, с. 87], что примерно соответствует времени правления Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533). В этот период дипломатическая деятельность не была активной, важные государственные вопросы, в том числе и дипломатические, решались царем после их обсуждения с Боярской думой, и «вся она находилась в заведовании государевых дьяков... а на чем, которое дело бо-

яре быти приговорят, приказывает царь и бояре думным дьякам пометить и тот приговор записать» [2, с. 20]. Процесс формирования дипломатического ведомства проходил с участием организаций, входящих в состав центрального княжеского управления — Боярской думы и Ближней думы, а также Казенного двора. После создания Посольского приказа роль этих учреждений мало изменилась. Роль Казенного двора, по мнению И. И. Вернера, заключалась в том, чтобы «хранить казну, состоявшую, правда, не из золота, мехов и самоцветных камней, но из вещей не менее важных и ценных — важнейших государственных грамот и актов всякого рода» [6, с. 85].

В Казенном дворе постепенно сформировалась московская государственная канцелярия, где дьяки, используя хранившийся в казне дипломатический архив, писали грамоты в иноземные государства и готовили другие дипломатические документы. По мнению И. И. Вернера, «из казны, в смысле государственного архива, во главе которого стоял печатник, выделилось впоследствии центральное дипломатическое ведомство, Посольский приказ» [6, с. 86].

Постепенно по мере изменения международной обстановки, возрастания масштабов внешнеполитической деятельности и усложнения стоявших перед ней задач возникла потребность в реформировании дипломатического ведомства. В результате проведенной реформы вся дипломатическая переписка, в том числе и прием грамот от иноземных послов, была поручена одному из дьяков – так, по словам С. А. Белокурова, «дьяку И. М. Висковатому царь приказывает брать привезенные послами грамоты» [2, с. 23]. Исходя из этих изменений и на основании записи, сделанной в выписке из посольских дел, авторитетные историки пришли к выводу, что датой основания Посольского приказа является 10 февраля 1549 года. Позже «Царем Алексеем Михайловичем для сего Приказа построено новое здание в Кремле: оно названо в 1667 году Государственным Приказом посольской печати» [17, с. V].

Царским указом И. М. Висковатому было поручено также выполнять церемониал, связанный с приемом иноземных послов, докладывать царю об их прибытии в Москву и участвовать в переговорах. В феврале 1561 года он, продолжая исполнять обя-

занности Посольского дьяка, был назначен печатником — эта должность сделала его доверенным лицом государя. Посольские дьяки, будучи, как правило, хорошо образованными и незаурядными личностями, имели неограниченный доступ к посольскому архиву и хорошо ориентировались в вопросах внешней политики Московского государства. Принимая участие в заседаниях Боярской думы, они оказывали заметное влияние на принимаемые решения и постепенно становились влиятельными личностями, что не могло не сказаться на работе Посольского приказа и его положении в Московском государстве. В «Памятниках дипломатических сношений» так описывается его положение: «Его начальником считался сам Царь и потому Посольский приказ стоял, так сказать, выше и даже многие из них (приказов), в разные времена, подчинялись его управлению» [17, с. V–VI].

С течением времени роль Посольского приказа в дипломатической и другой государственной деятельности возросла настолько, что, по высказыванию выдающегося русского дипломата А. Л. Ордина-Нащокина, он стал называться «оком всей великой России» [21, с. 19].

Посольский приказ просуществовал до 13 февраля 1720 года. Вместо него «в Москве возникла “Московская контора Коллегии иностранных дел”, которая осуществляла свою деятельность до 4 ноября 1781 года» [2, с. 96].

Цели и задачи Посольского приказа

Посольский приказ, по словам И. И. Вернера, создавался как «центральное учреждение, ведавшее всеми дипломатическими отношениями» [6, с. 82], с целью осуществлять общее руководство дипломатической деятельностью. Характерно, что эта цель оставалась неизменной на протяжении всего периода существования Посольского приказа. Что касается задач, то они возникали и менялись в соответствии со складывающейся обстановкой и не всегда соответствовали дипломатической деятельности. Главными из них были следующие.

Налаживание дипломатических отношений и контроль за ними. Это подразумевало осуществление комплекса дипломатических мер по подготовке и отправке в иноземные государства русских посольств, прием иноземных послов, обмен гра-

мотами, проведение встреч и переговоров, подготовку наказов и соглашений и осуществление других действий, связанных с дипломатическим церемониалом. Сюда же входили меры, направленные на получение интересующей информации от русских тайных агентов и местных граждан, находящихся в зарубежных странах. Вся полученная от них информация тщательно записывалась в особых книгах, анализировалась и наиболее ценная оперативно направлялась в Посольский приказ.

Освоение новых территорий и собирание Российской державы. Под этой задачей имелась в виду разработка и общее руководство политикой, направленной на возвращение исконно русских земель. Когда перед Россией возникла задача «объединения всех русских земель под скипетром московского государя (другими словами – завоевание литовско-русских земель) и завоевание себе выхода к Балтийскому морю», то, по мнению Вернера, «непосредственным орудием правительства при разрешении той и другой задачи явился Посольский приказ» [6, с. 187—188]. Причиной принятия такого решения явилось то, что именно Посольскому приказу, по мнению руководства страны, «лучше, чем всякому иному учреждению, были известны политические, военные и бытовые условия наших западных соседей, равно как пограничных с ними московских окраин» [6, с. 187]. К тому же, по мнению вышеуказанного историка, «Посольский приказ получил высший надзор за ходом управления во вновь присоединенных землях по западной границе Московского государства» [6, с. 186]. Для решения этой задачи Посольский приказ подбирал кандидатуры и назначал воевод и других представителей царской власти, а также осуществлял контроль за политической ситуацией в целях включения новых территорий в состав Московского государства.

Поддержание и развитие торговых отношений с иноземными государствами. Посольский приказ наряду с внешнеполитическими вопросами занимался также торговыми отношениями Московского государства с зарубежными странами. При этом, по мнению С. А. Белокурова, «еще чаще, чем дипломатические вопросы, обсуждаются вопросы торговые, а с некоторыми государствами даже исключительно только последние» [2, с. 8]. Усилиями Посольского приказа были заключены договоры, обе-

спечившие свободу въезда иноземных купцов в Россию. В период правления Ивана Васильевича Посольский приказ выступил с инициативой заключить с Англией договор, обеспечивающий свободный въезд всех подданных обоих государств без указания профессии. Нередко Посольскому приказу приходилось решать вопросы, возникающие с недобросовестными представителями иноземных государств, пытавшимися въехать на территорию России под видом купцов. Иногда корабли с купцами и товаром прибывали в порты России в сопровождении ратных людей, что вызывало настороженность и требовало определенных усилий со стороны Посольского приказа для урегулирования вопроса.

Работа с иностранными гражданами. В период существования Посольского приказа в Россию прибывали не только торговые люди, но также служивые, духовенство, специалисты разных профессий и путешественники. Задача Посольского приказа в этом направлении заключалась в контроле за их приездом, соблюдением срока пребывания, который, например, для купцов не превышал одного года, и отъездом. Для въезда в Россию все иностранные граждане, кроме купцов, подавали в Посольский приказ просьбу на въезд в Россию, которая затем направлялась к царю, и он на основании информации Посольского приказа принимал положительное решение, «если можно было заключить, что иностранцы приехали не для лазучества» [13, с. 77]. Были и исключения — так, молодые люди, которые направлялись в Россию для изучения русского языка, сразу получали разрешение.

Наряду с этим Посольский приказ осуществлял контроль за передвижением иностранцев по стране — для этого требовалась «проезжая или жалованная грамоты». Государь повелевал «торговать иностранцам только в Архангельске и Колмогорах, а к Москве и в иные города отпускать тех из них, у которых будут жалованные грамоты за красною печатью» [13, с. 60]. Те иностранные граждане, кто пожелал служить царю, должны были предъявить на границе согласие правительства России. Категории иностранцев, которым выдавались разрешения на въезд в Московское государство, постоянно менялись в зависимости от отношений, складывающихся между Россией и иноземными государствами.

Поиск и освобождение пленных. Одной из важных задач, стоявших перед Посольским приказом, был поиск и освобождение

путем выкупа или обмена находившихся в плену русских людей. Сначала этой работой занимался, по словам профессора Харьковского университета Г.П. Успенского, «Полоняничный приказ... с 1668 по 1670 год» [26, с. 321], затем эта работа была поручена Посольскому приказу, который осуществлял общее руководство этой деятельностью, включавшей в себя также сбор информации касательно обстоятельств пленения и поведения в плену, вероисповедания и получение других сведений. Самая большая часть полоняников находились в татарском плену, которых «лишь в незначительной части татары использовали... в качестве рабочей силы, а более всего сбывали их на рынках за море» [14, с. 436].

Понятно, что отследить передвижение полоняника в таких условиях можно было только усилиями Посольского приказа.

Соборным уложением 1649 года царя Алексея Михайловича регламентировался порядок и условия «искупления пленных», в соответствии с которым пленник выкупался с помощью родственников либо с помощью Посольского приказа через царских послов в Цареграде, в Крыму, Астрахани и Кафи. Одновременно с этим Посольский приказ получал от полоняников информацию о положении в Крыму и в Орде, состоянии войск и другие важные сведения.

Выполнение других, не связанных с дипломатической деятельностью задач. В ведении Посольского приказа находились также вопросы, не связанные с международными делами. Сюда относились работа по обеспечению самофинансирования, контроль за проживающими на территории России иностранцами, работа почты, судов, сбор таможенных и кабацких доходов, назначение воевод и приказных людей, а также управление несколькими городами и решение других, не связанных с международной деятельностью вопросов.

Основные направления деятельности

Встречи и переговоры. В период становления и развития Посольского приказа встречи и переговоры считались одной из важнейших форм дипломатической работы и преследовали три основные цели: добиться успеха, получить как можно больше информации и распространять нужную информацию. На них рассматривались самые разнообразные вопросы, начиная с под-

писания мирных соглашений и заканчивая выкупом и обменом русских пленников. Послы при проведении переговоров строго следовали наказам, подготовленным Посольским приказом, и не могли самостоятельно принимать решения без консультаций с Москвой. Их посылали только для предварительных переговоров, «а закрепить нам договорные статьи без участия великого государя не можно», как говорили они [19, с. 238].

Посольский приказ организовывал и проводил встречи и переговоры в соответствии с нормами дипломатического церемониала, который определял лиц для ответной комиссии, их полномочия, позиции сторон, количество встреч и их продолжительность, предполагаемые результаты и другие вопросы. Члены ответной комиссии назначались царем, и в нее входили несколько бояр и дьяков Посольского приказа, как правило, по количеству рассматриваемых вопросов. В случае, когда переговоры заходили в тупик или «посол делал новое предложение, рассуждавшие с ним думные люди шли к государю за ответом, который, иногда уже на другой день, в точности передавали послу» [10, с. 62—63].

В соответствии с дипломатическим церемониалом в том случае, если возникала сложность в понимании позиции иноземного посла, члены ответной комиссии имели право потребовать письменного изложения вопроса. По словам немецкого историка Адама Олеария, когда «советникам показалось, что время уже затянулось, то они потребовали передачи им письменно изложенных пропозиций и пошли с ними наверх к его царскому величеству» [15, с. 44]. Представители высшего руководства Московского государства официально, кроме Ивана Грозного, в переговорах не участвовали, однако в случае важности обсуждаемого вопроса находились поблизости и могли контролировать ход переговорного процесса. Касательно Ивана Грозного известный русский историк С. М. Соловьев писал: «Ни один государь нашей древней истории не отличался такою охотою и таким умением поговорить, поспорить, устно или письменно... с отъехавшим боярином или с послами иностранными» [25, с. 45].

После завершения переговоров готовился ответ, который, по словам русского историка В. О. Ключевского, «разделялся по листам между думными людьми, и каждый из них поочередно

прочитывал свой лист послу. Копия с прочитанного акта отдавалась послу» [10, с. 63].

Часто переговоры использовались для сбора и распространения информации и дезинформации, зондирования позиций сторон, а также для того, чтобы выиграть время.

Борьба за признание царского титула и отстаивание царской чести. Вопрос признания титула руководителя практически каждого государства и защиты его чести всегда стоял на первом месте в международной дипломатической практике. Важность вопроса о признании титула русского государя, по мнению доктора исторических наук А. Л. Хорошкевич, состояла прежде всего в том, что «признание полного титула русских государей рассматривалось как признание международного престижа всего государства» [27, с. 77].

По словам С. А. Белокурова: «Титул государственный выражает формальное подтверждение конкретных прав. Умышленное изменение этого титула или пропуск составных его частей представляются посягательством на чужую честь или отрицанием приобретенных тем или другим способом прав» [2, с. 70]. Однако иноземные страны, прежде всего Литва и Польша, долгое время не признавали новый титул русского государя. Опасность нового титула они видели в том, что, по словам А. Л. Хорошкевич, «название Руси, да еще с определением “всея”... скрывало за собой программу воссоединения земель в объеме Древнерусского государства» [27, с. 85]. Руководство Крыма в течение семи лет – с 1638 по 1644 год – отказывалось писать в грамотах слово «самодержец» по той причине, что крымский хан хорошо понимал, что слово «самодержец» является «знаком того, что московский государь уже не признавал себя данником татарского хана» [9, с. 248].

В Посольском приказе создавалась и распространялась литература, которая, по словам русского историка Е. В. Барсова, «была направлена к отысканию внешних исторических оснований для подтверждения прав Московских Государей на Царский титул» [1, с. XXII].

Посольский приказ в рамках борьбы за признание царского титула ввел в практику межгосударственных отношений принцип обязательного произнесения царского титула при любом упоминании имени русского царя. По этому поводу Ключевский пи-

сал: «... где случалось упоминать имя государя, сказывался титул с перечислением главнейших княжеств» [10, с. 45]. Иногда практиковалось написание царских грамот с коротким титулом царя. Русские дипломаты внимательно следили за тем, чтобы царский титул был правильно прописан в ответных грамотах.

Касательно признания царского титула и отстаивания царской чести, по мнению известного советского историка В. П. Потемкина, «вопрос о титуле стоял всегда на первом месте» [19, с. 237].

Кстати, за соблюдением царской чести внимательно следили и внутри Московского государства. В соответствии с главой II «О государевой чести, и как его государево здоровье оберегать» Соборного уложения 1649 года устанавливалась жесткая кара вплоть до смертной казни за преступления против царя, его чести и здоровья. Впервые подобные действия стали квалифицировать как преступления против государства.

Формирование дипломатического церемониала. Дипломатический церемониал представлял собой совокупность норм и правил, регламентировавших проведение разных дипломатических мероприятий. Все действия Посольского приказа осуществлялись в строгом соответствии с требованиями дипломатического церемониала, который начал формироваться еще до появления Посольского приказа на основе русских обрядов, обычаев и традиций. Вместе с тем элементы церемониала менялись с течением времени и изменением межгосударственных отношений и, по словам сотрудника Московского архива Коллегии иностранных дел М. А. Веневитинова, «определенные формы этикетной вежливости и дипломатической притязательности выработались и установились лишь в конце XVII века» [5, с. 151].

После освобождения от татарской зависимости Московское государство начало проводить с европейскими странами политику, направленную на установление добрососедских равноправных партнерских отношений, основанных на принципе братства, одновременно сохраняя при этом прежнюю сдержанность в отношениях с Крымом. По этому поводу профессор Императорского Харьковского университета В. И. Савва писал: «Официальные дипломатические приемы московской Руси определились и установились после свержения татарского ига на почве сношений с Западной Европой» [23, с. 194].

Иван Грозный стремился к установлению отношений прежде всего с теми, кого признавал равным себе братом. В этих условиях перед Посольским приказом ставилась задача «обеспечить московскому царю и в Европе то значение, которое признали за ним народы Азии, и тот яркий блеск могущества, который завещала ему Византия» [5, с. 142]. Для выполнения этой и других задач в Посольском приказе разрабатывались новые элементы посольского церемониала. Так, в дипломатическом церемониале, касающемся отношений с европейскими странами, появляются элементы роскоши, блеска и великолепия. Такой элемент посольского церемониала, как аудиенция у главы государства, рассматривался как оказание чести. По словам М. А. Веневинова, встречи иноземных посланников с главой государства как в России, так и в зарубежных странах «были обставлены целым рядом этикетных формальностей, малейшее отступление от которых считалось оскорблением и усложняло международные сношения до степени важных дипломатических недоразумений» [5, с. 146].

В Посольском приказе разрабатывались нормы дипломатического церемониала, предусматривающие взаимность в проведении дипломатических мероприятий. По словам В. И. Саввы, «Иван III принимает послов их [иностранных государств, примечание автора] так, как они принимают его послов» [23, с. 245].

Посольский церемониал был призван произвести на иноземных послов глубокое впечатление, а также предполагал оставить у граждан России, кому удалось наблюдать церемониал, ощущение стабильности и уверенности в могуществе правителя. По некоторым высказываниям посольский церемониал рассматривался как своего рода презентация царской власти и ее могущества. Иноземный посол в свою очередь должен был продемонстрировать на аудиенции честь и уважение к Московскому государю. По словам В. О. Ключевского: «В Москве старались принимать иностранные посольства с соответствующим великолепием и торжественностью: это был лучший случай блеснуть перед чужими людьми и внушить гостям самое выгодное понятие о хозяевах» [10, с. 48].

В основу всего дипломатического церемониала было положено понятие «государевой чести», и вся деятельность Посоль-

ского приказа была направлена на ее сохранение. Сами русские дипломаты в связи с этим говорили: «...начальное и главное дело государей чести остерегать» [5, с. 143]. По их мнению, любое посягательство на государеву честь требовало немедленного и решительного отпора. В соответствии с дипломатическим церемониалом государева честь должна была находить свое отражение в целом ряде мелочей, подчеркивающих высокое положение государей. По словам В.П. Потемкина, например, «Московское правительство настаивало, чтобы грамоты к царю печатались обязательно большой печатью; представители царя должны были всегда требовать первого места, чтобы русских послов принимали по тому же обряду, как принимали иностранных послов в Москве» [19, с. 237].

Разрабатывались также нормы и правила церемониала для отправляющихся в зарубежные страны русских послов. По словам русского историка А. Н. Попова, послы «слово в слово повторяют только то, что в их наказах написано, отклоняя все вопросы неимением полномочия...» [18, с. 22].

В дипломатической работе посольский церемониал выполнял роль своеобразного дипломатического языка, с помощью которого русские государи общались с руководством иноземных государств. Любое изменение в дипломатическом церемониале несло в себе определенный смысл. Так, например, отказ от посольских даров мог означать обострение отношений между двумя государствами, приглашение иноземного посланника на охоту с русским государем было, наоборот, знаком улучшения отношений. Посольский церемониал являлся также действенным средством идеологического воздействия русской государственной власти как на иностранных послов, так и на собственных подданных.

Ведение делопроизводства, дипломатической переписки и архива в Посольском приказе. Все действия, связанные с подготовкой документов в Посольском приказе, а также весь документооборот осуществлялись в строгом соответствии с требованиями дипломатического церемониала. По этому поводу советский и российский историк А. Н. Сахаров писал: «Этикету подчинялось и государственное делопроизводство. Устойчивые формулы были присущи всей приказной документации» [24,

с. 132]. По мнению советского и российского историка Н. М. Рогожина, подготовка практически всех дипломатических документов осуществлялась в соответствии с определенными требованиями следующим образом: «Любой документ первоначально готовился подъячими в черновом варианте на основе имевшихся образцов и прецедентов. Затем он подвергался правке дьяка и переписывался набело. Беловик отправлялся по месту назначения, а черновик подклеивался в столбец, который хранился в архиве приказа» [20, с. 254].

В Посольском приказе был выработан формуляр каждого из видов посольской документации. Написанию документов предшествовала кропотливая информационно-справочная работа. Все документы писались от имени царя с соблюдением всех требований делопроизводства — с царским титулом и с указанием адресата, места и даты составления документа. Практиковалась предварительная подготовка некоторых видов дипломатической документации, в частности составление протоколов аудиенций с иностранными дипломатами и речи, произносимые на переговорах. Все исходящие из Посольского приказа документы: грамоты, памяти, наказы, росписи подарков и другие — копировались путем переписывания, и копии оставались в архиве Приказа. Для подготовки документов «к XVII веку в Посольском приказе сложилась своя особая школа письма с мелким и изящным почерком» [20, с. 115]. На копии документов делалась отметка о том, кто, когда и куда отправил оригинал. Кроме того, вся посольская документация была строго секретной. Поэтому в случае опасности предписывалось: «а которые с ним списки грамотные и памяти, и иные списки изтеряти» [24, с. 130].

В целях сохранения тайны дипломатической переписки разрабатывалась и совершенствовалась тайнопись.

Поступающие в Посольский приказ документы от иноземных государей переводились на русский язык квалифицированными переводчиками. На обратной стороне поступающих в Посольский приказ документов делалась отметка об их дальнейшем движении, и царь с боярами писали свое мнение касательно затрагиваемого в них вопроса.

Все элементы посольского церемониала (встреча послов, переговоры, аудиенция у главы государства, отпуск посла и дру-

гие) протоколировались в соответствии с требованиями делопроизводства; информация заносилась в соответствующие столбцы, а затем переносилась в книги. Особый интерес представляли статейные списки (отчеты), которые послы подавали в Посольский приказ по возвращении из посольства, – они «поражают свою точностью, подробностью, строгим отстаиванием со стороны русских послов интересов и чести Московского государства» [16, с. 30].

Характерно, что до конца XVII века никто из руководства России договоров с иноземными государствами не подписывал — посольские дьяки писали на документах царское имя. Это свидетельствовало о высокой степени доверия к Посольскому приказу и объяснялось тем, что «цари и бояре ни к каким делам руки не прикладывают, для того устроены думные дьяки» [19, с. 246]. Межгосударственные договоры утверждались крестным целованием в присутствии иноземных послов.

В 1614 году был создан архив Посольского приказа, и была поставлена задача систематизировать часть информации Царского архива, хранившуюся в виде столбцов и книг таким образом, чтобы можно было использовать ее в дипломатической деятельности. По состоянию на начало 1682 года все имеющиеся материалы были сгруппированы следующим образом: отчеты послов, документы, связанные с приездом иноземных посольств, финансовые приказы, документы иностранцев, проживающих в России, «государевы родословцы», документы, связанные с приписанными к Посольскому приказу городами, боярские списки, столбцы внутри приказной документации и другие группы документов.

Каждая посольская книга была составлена таким образом, что представляла собой небольшой архив по определенной стране или дипломатическому вопросу, благодаря чему на протяжении многих десятилетий архив Посольского приказа оставался единственным источником справочной информации.

Обмен посольскими подарками. Одним из важных направлений дипломатической работы Посольского приказа являлся обмен посольскими подарками. Европейские послы прибывали в Московское государство с подарками для царя и его приближенных, а царь в свою очередь в соответствии с нормами дипломатического церемониала должен был преподносить ино-

земному государю и его окружению свои подарки. Происходил своеобразный обмен подарками, имевший политический смысл, демонстрирующий уровень отношений между государями двух стран. Это было своего рода выражением оказания чести.

Руководители иностранных государств охотно принимали подарки от русского царя, ценность которых была, как правило, в несколько раз выше иноземных — для демонстрации богатства, щедрости и великодушия. Кроме того, по словам русского востоковеда и профессора Петербургского университета Н. И. Веселовского, «кроме царских подарков наш посол обязан был представить таковые и от себя» [7, с. 8]. В качестве наиболее распространенных подарков от Московского государя использовались «сорок соболей». В Посольском приказе подарки, полученные от прибывшей иностранной миссии, тщательно описывались и оценивались, а результаты докладывались государю, который определял перечень ответных подарков. Что касается обмена посольскими подарками в отношениях между Москвой и Крымом, то, по словам Н. И. Веселовского, «подарки назывались поминками, или любительскими поминками, так как посылались на память и в знак любви, и существовал глагол “напоминаться”, т. е. царь напоминал о себе “своему брату” такими-то предметами» [7, с. 9].

По высказываниям некоторых историков, поминки представляли собой откуп от крымских набегов и имели односторонний характер. Так, по мнению доктора исторических наук А. А. Новосельского, «При Иване IV поминки посылались Давлет Гирею, несмотря на набеги, потому что Иван IV пытался склонить его к миру» [14, с. 437]. Посольский приказ контролировал размер и периодичность выплаты поминок, и Москва отказывалась платить поминки за те годы, когда совершались набеги на Русь. Иногда выплаты совершались с большими задержками. Перед отправкой посольства в Крым составлялась «ропись» поминок, которая подтверждала их количество. Поминки распределялись русскими послами, что давало возможность использовать их для оказания нужного влияния на внешнюю политику ханства путем подкупа. На раздачу поминок Москва тратила огромные средства, но «его царское величество в таких случаях не обращает внимания на расходы, только бы купить мир» [15, с. 54].

Крымская сторона всячески старалась придать поминкам политический характер. Руководство России упорно выступало против этого, и в итоге в соответствии с Константинопольским договором в 1700 году выплата поминок была прекращена.

Информационно-пропагандистская деятельность. К одному из важнейших направлений дипломатической деятельности Посольского приказа относилась его информационно-пропагандистская деятельность, включавшая в себя сбор сведений о соседних странах, а также распространение в них информации о Московском государстве. Информацию получали разными путями, как от иноземных граждан, находящихся в Московском государстве, так и от членов дипломатических миссий, прибывающих в Россию. В пограничных городах, через которые приезжали иноземные миссии, работали дьяки Посольского приказа, в обязанности которых входило выяснение цели иноземной миссии, ее состав, полномочия ее членов и другие интересующие вопросы. Вся полученная информация отправлялась в Посольский приказ.

Сбором информации занимались практически все сотрудники дипломатических миссий. Русских дипломатов кроме сведений политического характера интересовало также «экономическое положение посещаемых стран... не только в плане развития торговли, но и с точки зрения оценки экономического потенциала возможных врагов или союзников» [21, с. 23].

Наиболее ценную информацию получали послы на переговорах и во время встреч на высоком уровне. Источниками интересующей Посольский приказ информации были и простые работники миссии, принятые на работу из числа местных граждан. Их услуги по поиску и сбору информации иногда были незаменимыми с учетом их связей, знакомств и свободного перемещения по стране. Они проникали туда, куда доступ дипломатам был запрещен. Иногда для получения ценной информации русские дипломаты пользовались таким приемом, как подкуп. Одному из посланников, отправившемуся в 1618 году за границу, выдали сорок соболей, по словам доктора исторических наук Д. В. Лисейцева, «на роздачу для прове́дыванья всяких вестей» [12, с. 46].

Эта форма воздействия применялась и для других целей. Так, по словам М. А. Веневитинова, «в 1664 г. А. Л. Ордин-Нащекин

получил наказ: польских комиссаров подкупать всячески, чтобы они к миру были склонны» [5, с. 159].

Для получения текущей информации о положении внутри соседних с Россией государств туда нелегально направлялись лазутчики, и эта практика была устоявшейся к началу XVII столетия. Так, в 1606 году смоленские воеводы в своей отписке в Москву упоминали, что им было предписано «послати... в литовские порубежные места лазутчиков тайно по прежнему обычаю» [12, с. 44]. Информацию получали также от военнопленных, от русских, сбежавших из плена, от перебежчиков, а также от «осведомителей, продолжавших жить на оккупированных неприятелем территориях» [12, с. 45]. Важным источником информации являлись перехваченные письма иностранных граждан.

Иногда для выяснения того или иного вопроса в иностранные государства направлялись русские гонцы или целые миссии. Вся информация тщательно изучалась и анализировалась в Посольском приказе. Иногда, в случае необходимости, полученные сведения перепроверялись с использованием других источников. Касательно работы русских дипломатов по отысканию и сбору информации А. А. Новосельский писал: «Искусство собирания сведений, метких наблюдений, точной и яркой их передачи — обычные свойства московских дипломатов. Эти свойства проявляли не только послы и посланники, но и дипломатические агенты второстепенных рангов» [14, с. 121—122].

Руководство Посольского приказа стремилось получить как можно больше информации о соседних странах, одновременно с этим оно «было заинтересовано в распространении за рубежом сведений о своем государстве» [24, с. 130]. Для осуществления этой задачи в Посольском приказе назначались дьяки, которым давались указания, как и на какую тему они могут беседовать с иноземными дипломатами, а также приводились ответы на возможные вопросы.

После появления массового книгопечатания для ведения внешнеполитической пропаганды русские посольские миссии приобретали в зарубежных государствах книги и другую печатную продукцию, касающуюся описания положения в Московском государстве, которую затем отправляли в Посольский приказ, где тщательно просматривали на предмет наличия «укоризнен-

ных ему (Московскому правительству) статей или речей, чтобы в случае нахождения их – сделать замечание об этом Польскому правительству» [3, с. 32]. По словам В. П. Потемкина, «к XVII веку относится и начало борьбы с заграничной прессой в целях прекращения печатной пропаганды против царской России» [19, с. 248]. Следует отметить, что эта борьба приносила неплохие результаты. Так, в 1643 году, например, русские послы добились, чтобы «из одной книги листы, а остальные книги целиком были сожжены при них в Варшаве публично» [3, с. 32].

Московское правительство каждый раз после появления книг и летучих листов, унижающих царское достоинство или принижающих авторитет России, выражало свой решительный протест. Так было в 1655 году, когда в Ревеле (Таллин) был напечатан пасквиль, изображающий царя Ивана Васильевича тираном. В 1650 году в результате протестных действий Посольского приказа в договор с Речью Посполитой было внесено положение, требовавшее уничтожить напечатанные в Варшаве книги антирусской направленности. Учитывая важную роль, которую печатная и рукописная продукция играла в информационно-пропагандистской работе, «царь Иоанн в 1548 году, между другими мастерами, выписал из Германии типографов; но их не пропустили в Россию» [25, с. 533]. Несмотря на это, пять лет спустя в России сумели наладить книгопечатание. Кроме того, в Посольском приказе продолжала работать художественная мастерская по изготовлению рукописных книг. В частности, на основе богатого архивного материала в период 1672—1673 годов был составлен «Титулярник» — рукописная книга, имевшая высокую художественную и информационную ценность и использовавшаяся в качестве справочного пособия в работе Посольского приказа. В ней содержались изображения титулов, гербов и печатей, а также портретов царствующих господ и политических деятелей, как русских, так и иностранных, и краткое описание русской истории с хронологией дипломатических контактов России с зарубежными странами.

Подготовка и воспитание дипломатических кадров. Работа в Посольском приказе, впрочем, как и во всей приказной системе России, была сложной и трудной, но престижной и высокооплачиваемой. Основной доход дьяков и подьячих Посольского

приказа состоял из единовременного годового оклада, который выплачивался серебром, сюда же относились так называемые праздничные дачи, хлебное и соляное жалование, единовременные выплаты по случаю праздников как деньгами, так и продуктами. Столь высокий уровень дохода объяснялся высокой ответственностью и тем, что, по словам Д. В. Лисейцева, «служба в этом ведомстве требовала от человека обладания особыми навыками и умениями: владения иностранными языками, знания секретов “творения золота” (для золотописцев) и т. д. Приобрести эти навыки, научиться чужеземной речи и письму в условиях начала XVII в. было довольно сложно» [12, с. 320]. К дьякам и подьячим предъявлялись и другие требования, такие, например, как владение особым стилем деловой речи, умение писать аккуратным почерком, обладание высокими нравственными качествами, патриотизмом, преданностью государю и другие. Кандидатуры для работы в Посольском приказе тщательно отбирались. Уровень требований для поступления на работу в этом заведении был очень высоким. Кроме того, «карьера посольского служащего открывала дорогу в высшие органы власти» [20, с. 288]. На работу в Посольский приказ стремились попасть многие, в том числе и служащие других приказов. По мнению доктора исторических наук Н. Ф. Демидовой: «Только в 1645—1646 годах в Посольский приказ переводятся подьячие из шести приказов» [8, с. 57]. Однако уровень профессиональной подготовки и, особенно, владение иностранными языками поступающих на службу в Посольский приказ оставались недостаточными. Для удовлетворения всевозрастающей потребности в квалифицированных кадрах в Посольском приказе на рубеже XVI—XVII веков была развернута работа по подготовке дипломатических кадров, которая осуществлялась по следующим направлениям: языковая подготовка, обучение профессии, обучение тайнописи и шифровальному делу, а также нравственное и патриотическое воспитание. В это время были созданы и успешно работали посольская и разноязычные школы для обучения иностранным языкам. В Посольском приказе была начата работа по подготовке кадров путем наставничества в ходе практической работы, когда в качестве наставников выступали опытные, проработавшие в посольствах за рубежом дипломаты. Эта подготовка длилась в тече-

ние первых пяти лет, в ходе которых в полной мере проявлялись профессиональные, нравственные и деловые качества, и таким образом «осуществлялся отбор подьячих, пригодных для работы в Посольском приказе, а затем оставались только наиболее знающие и способные» [20, с. 141]. При этом служащий в течение пяти лет находился в числе «неверстанных» (без жалования) подьячих, число которых «в определенной степени пополнялось учениками школы начального образования при Посольском приказе» [20, с. 144]. Руководство Посольского приказа вело воспитательную работу со служащими и внимательно следило за соблюдением ими трудовой дисциплины и религиозных обрядов, которые играли важную роль в нравственном и патриотическом воспитании, как в самом Приказе, так и в посольствах за рубежом. Для контроля за этой работой активно использовались подьячие приказа Тайных дел, которые «над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают» [20, с. 51]. Приказ Тайных дел работал под непосредственным руководством царя, и в него «бояре и думные люди не входят и дел не делают, кроме самого царя» [19, с. 233].

За любые ошибки или провинности служащих наказывали. Так, за разглашение сведений или утерю документов «предписывалось производить розыск “со всякою жесточью”, и по розыску чинить нещадное наказание, или править большие пени» [22, с. 332]. Служащий Посольского приказа Григорий Котошихин, например, «в 1660 г. за ошибку в титуле государя был бит батогами» [11, с. 229]. В случае уличения во взятке в Посольском приказе проводилась ревизия и опись дел, а результаты докладывались царю. Главным критерием служащих Посольского приказа являлась их профессиональная пригодность. В Приказе работала судейская коллегия, которая четко сформулировала критерий для отставки: «... которые в Посольский приказ негодны, писать плохи и в приказ не ходят» [8, с. 62]. Причиной отставки мог служить любой повод, но главным была профессиональная непригодность.

Важную роль в подготовке дипломатических кадров и их воспитании играло руководство Приказа и известные дипломаты с большим опытом работы. Они одновременно выступали в качестве наставников и воспитателей. Руководитель Посольско-

го приказа А. Л. Ордин-Нащокин, например, требовал от подчиненных самостоятельности в принятии решений и призывал «не во всем дожидаться государева указа – везде надобно воеводское рассмотрение, т. е. действие по собственному соображению» [11, с. 323].

Важную роль в воспитании дипломатических кадров играл процесс приведения к присяге на кресте, когда служащие «брали на себя различные обязательства — хранить государственные тайны, не красть государевой казны, переводить вправду» [24, с. 113].

Подбором руководящих кадров для Посольского приказа занимался царь и Боярская дума. Для этой цели в 1550 году был создан кадровый резерв в соответствии с царским указом «о выборе 1000 человек из числа родовитой знати и об испомещении (поселении) лучших слуг под Москвой для государственной службы и различных посылок» [4, с. 41—42].

Особенно тщательно относились к подбору кадров для русских посольств в зарубежных странах, когда учитывались такие факторы, как стаж службы в приказной системе, деловые и нравственные качества, личные заслуги и способности, а также социальное происхождение. При этом «послами избирались люди, пользовавшиеся доверием царя и Боярской думы» [24, с. 111].

Появление и деятельность Посольского приказа ознаменовали начало создания профессиональной дипломатической службы в России. Были заложены прочные основы внешнеполитической деятельности страны, выработаны и успешно осуществлены основные направления деятельности и определены формы и методы дипломатической работы. В итоге Россия смогла успешно противостоять натиску многочисленных противников и впервые заявить о себе как об одном из основных игроков в международных делах.

Служащие Посольского приказа отличались высоким уровнем профессионального мастерства, трудолюбия, патриотизма и преданности царю и Отечеству, и многие из них служили ярким примером для воспитания всех последующих поколений русских дипломатов.

Литература

1. *Барсов Е.В.* Древне-русские памятники священного венчания царей на царство. – М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1883. – 160 с.
2. *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. – М., 1906. – 178 с.
3. *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. – М.: Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898. – 336 с.
4. *Богданов А.П.* и др. Око всей великой России: об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. – М.: Международные отношения, 1989. – 240 с.
5. *Веневитинов М.А.* Русские в Голландии. Великое посольство 1697–1698 г. – М., 1897. – 234 с.
6. *Вернер И.И.* О времени и причинах образования Московских приказов. – М.: Университетская типография, 1907. – 199 с.
7. *Веселовский Н.И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1912. – 19 с.
8. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М.: Наука, 1987. – 230 с.
9. *Ключевский В.* Боярская Дума Древней Руси. – М.: Синодальная типография, 1902. – 547 с.
10. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. – М.: Первая гос. тип., 1918. – 333 с.
11. *Ключевский В.О.* Соч.: в 9 т. – Т. 3. – Ч. 3. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.
12. *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. – М., 2003. – 485 с.
13. *Мулюкин А.С.* О свободе приезда иностранцев в Московское государство // Журнал Министерства народного просвещения. – Май 1908. – С. 57–81.
14. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. – 447 с.
15. *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. – 582 с.
16. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. – СПб., 1902. – 168 с.
17. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Часть первая: Сношения с государствами Европейскими. Т. I (с 1488 по 1594 год). По Высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии. – СПб., 1851. – 1620 с.
18. *Попов А.Н.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 годах. – СПб., 1854. – 288 с.
19. *Потемкин В.П.* История дипломатии. – Т. 1. – М.: ОГИЗ, 1941. – 567 с.
20. *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. – М., 2003. – 432 с.
21. *Рогожин Н.М.* «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. – М.: Международные отношения, 1989. – 240 с.
22. *Романовский В.Е.* Государственные учреждения Древней и Новой России. – М.: Книгоиздательство «Гросман и Кнебель», 1911. – 443 с.
23. *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. – Харьков, 1901. – 400 с.
24. *Сахаров А.Н.* (отв. ред.) Очерки истории Министерства иностранных дел России. – Т. 1. 860–1917 гг. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 608 с.
25. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Книга вторая. – Т. VI–X. – СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1896. – 1726 с.
26. *Успенский Г.П.* Опыт повествования о древностях русских. – Харьков: Университетская типография, 1818. – 815 с.
27. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. – М.: Наука, 1980. – 294 с.
28. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. – М., 2001. – 334 с.

Лаврухин Максим Витальевич,

руководитель группы по транспортной безопасности,
Акционерное общество «Арктикморнефтегазразведка» (АО «АМНГР»),
Мурманск.

Maxim V. Lavrukhin,

Head of Transportation Safety group,
Joint-Stock Company «Arktikmorneftegazrazvedka» (JSC «AMNGR»),
Murmansk.

E-mail: lawruhin.maxim@yandex.ru

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

HISTORY OF THE EMERGENCE OF AN INTERNATIONAL TERRORIST ORGANISATION

Аннотация: на пике своего могущества Исламское государство Ирака и Леванта (далее — ИГИЛ)¹ воспринималось как самая большая современная террористическая угроза мировой безопасности. В этой статье анализируются феномен этой организации и ее уникальная история. Она представляет собой особый случай радикальной группировки, родившейся в результате соединения психологических потребностей, идеологического нарратива и сетевого процесса. Статья описывает детали эволюции, развития и деятельности организации в настоящее время.

Ключевые слова: ИГИЛ, «Аль-Каида»², террористические организации, радикализация, терроризм.

Abstract: At the peak of its power, the Islamic State of Iraq and the Levant (hereinafter — ISIS)³ was perceived as the biggest modern terrorist threat to world security. This article analyzes the phenomenon of this organization and its unique history. It is a special case of a radical grouping that was born as a result of the combination of psychological needs, ideological narrative and network process. The article describes the details of the evolution, development and activity of the organization at the present time.

Key words: ISIS, al-Qaida⁴, terrorist organizations, radicalization, terrorism.

Введение

Появление Исламского государства Ирака и Леванта (далее — ИГИЛ)⁵ неразрывно связывают с Абу Мусабом аль-Заркави, общепризнанным основателем этой организации. Именно Заркави заложил идеологическую основу этой организации, хотя его ранние годы совсем не считались образцом исламской

---

¹ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

² Террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

³ A terrorist organization banned on the territory of the Russian Federation.

⁴ A terrorist organization banned on the territory of the Russian Federation.

⁵ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

чистоты. После смерти отца Заркави бросил школу, занимался мелким воровством и сильно пил. Чтобы остановить его дальнейшую деморализацию и деградацию, мать записала его на курсы проповедования ислама. Знакомство с салафизмом, доктриной, пропагандирующей религиозную чистоту и буквальное толкование Корана, оказало на Заркави сильное влияние и побудило его посвятить свою жизнь поискам религиозной славы. Карьера начинающего джихадиста началась в 1989 году, когда он отправился в Афганистан, чтобы присоединиться к моджахедам в борьбе против Красной армии [24].

В 1992 году в Иордании Заркави познакомился со своим будущим духовным учителем Абу Мухаммадом аль-Макдиси, чья идеологическая изощренность и углубленное знание ислама еще больше укрепили приверженность Заркави мировоззрению, одобряемому салафизмом. В 1994 году Заркави и Макдиси были арестованы за хранение оружия и взрывчатки. В тюрьме Заркави еще больше сблизился с наставником Макдиси, но в отличие от идеологических пристрастий своего наставника он был больше заинтересован в воплощении теории на практике. Находясь в тюрьме, Заркави активно вербовал людей в создаваемую им новую боевую группу и быстро завоевал уважение других заключенных благодаря своей харизме и лидерским качествам.

В 1999 году Заркави был освобожден из тюрьмы по всеобщей амнистии иорданского короля Абдаллы. К тому времени у него уже был готов оперативный план, и он обратился к Усаме бен Ладену, международному террористу, основателю и первому эмиру международной исламистской террористической организации «Аль-Каида»¹, чтобы получить благословение и организационную поддержку. Они встретились, но встреча прошла не очень удачно для Заркави. Бен Ладен был оскорблен радикальными взглядами Заркави на убийство мусульман и его высокомерным и неуважительным поведением. Неискушенность Заркави, его криминальное прошлое и татуировки также не произвели хорошего первого впечатления на бен Ладена. Несмотря на это, в знак признания инициативы и стремления Заркави бен Ладен согласился финансировать его деньгами «Аль-Каиды» для создания тренировочного лагеря в Герате, на западе Афганистана.

¹ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

Благодаря контактам и организаторским способностям Заркави его террористическая ячейка быстро росла, но в 2001 году он был изгнан из Афганистана в результате вторжения США. Следующие два года он провел в разъездах между Ираном, Иорданией и Ираком, чтобы еще больше расширить свою сеть [23]. В начале 2003 года он основал в западной иракской провинции Аль-Анбар организацию «Джамаат Таухид валь-Джихад в Ираке», предшественницу международной террористической организации. В то время Заркави находился в тесном контакте с другой джихадистской группировкой, действующей в Ираке, — «Ансар аль-Ислам». Фактически его присутствие в Ираке и связь с джихадистами были использованы Колином Пауэллом, генералом Армии США, в его обращении к Организации Объединенных Наций как доказательство сотрудничества между Саддамом Хусейном и «Аль-Каидой». Как ни странно, ни одно из этих утверждений не соответствовало действительности, поскольку последняя ненавидела режим Саддама и действовала совершенно независимо от иракского диктатора. Более того, связи Заркави с террористической организацией бен Ладена были слабее, чем пыталась представить администрация США. С момента их первой встречи бен Ладен неоднократно требовал от Заркави присягнуть на верность организации, но тот решительно отказывался. Если обвинения Пауэлла в чем-то и преуспели, так это в повышении ценности бренда Заркави на международном рынке джихадистов, в одночасье превратив его из неизвестного бойца в звезду джихадизма. Тем временем Заркави активно готовился к тому, что, как он предполагал, должно было произойти. Когда произошло вторжение США в Ирак, Заркави был готов [5].

Вторжение США в Ирак

Стратегия Заркави заключалась в том, чтобы втянуть Америку в изнурительный и длительный конфликт, который повредит имиджу США как сверхдержавы. С этой целью он планировал спровоцировать спираль межконфессионального насилия между суннитами и шиитами. Заркави ненавидел шиитов и считал их предателями и неверными. Он предсказывал, что применение насилия в массовом масштабе вселит страх в этих врагов

и в то же время произведет впечатление на последователей джихадистского дела.

Его амбиции были высокими, а цели, соответственно, грандиозными. В течение четырех месяцев после начала вторжения США сеть Заркави организовала нападения на штаб-квартиру ООН, посольство Иордании в Багдаде и мечеть имама Али, шиитскую святыню, в Наджафе. Помимо этих впечатляющих нападений Заркави сыграл значительную роль в распространении повседневногo насилия по всему Ираку. Волна снятых на видео обезглавливаний заложников (фирменный знак Заркави), атак террористов-смертников и взрывов грузовиков породила хаос в Ираке, послужив четким сигналом для джихадистов всего мира, что Ирак — это новый эпицентр борьбы джихадистов, место, куда следует ехать, чтобы присоединиться к борьбе.

Стратегия беспрепятственного насилия, направленная в основном против шиитов, была главным предметом разногласий между Заркави и бен Ладеном в то время. Конечно, террористическая группа бен Ладена тоже выступала за борьбу с шиитами, евреями и «крестоносцами» (западными людьми), но ее лидеры беспокоились о последствиях необузданного насилия. Для Заркави шииты были внутренними врагами, и он считал их даже более опасными, чем «крестоносцев», которых он относил к внешним врагам. Он предполагал также, что стратегия борьбы с шиитами в итоге мобилизует больше суннитов. В письме бен Ладену Заркави писал: «Если нам удастся втянуть их на арену межрелигиозной войны, то станет возможным пробудить невнимательных суннитов, когда они почувствуют неминуемую опасность и уничтожающую смерть от рук этих сабийцев» [22]. Несмотря на то что Усама бен Ладен имел сомнения в отношении Заркави и не полностью принимал его стратегию, он в то же время видел в нем наиболее способного лидера для продвижения дела джихадистов. Таким образом, несмотря на доктринальные разногласия с террористической группой бен Ладена, Заркави в конце концов присягнул на верность Усаме бен Ладену в 2004 году, и его сеть стала официальным филиалом «Аль-Каиды», получив официальное название «Аль-Каида в Ираке» (далее — АКИ).

Использование Заркави крайних форм насилия, усиленное оглаской в СМИ, которую он умело применял, значительно спо-

способствовало его популярности; это усугублялось несовершенной американской стратегией восстановления Ирака в постсаддамовскую эпоху. Американский подход заключался в том, чтобы основать новый политический порядок в группах, которыми пренебрегали при режиме Саддама, курдов и шиитов, в то время как сунниты были намеренно отодвинуты на второй план. Комиссия по дебаасификации лишила около 100 000 суннитских членов партии Баас государственных должностей, оставив их без работы и лишив права голоса. Из-за бойкота суннитами выборов 2005 года в новом парламенте преобладали представители шиитов. Восприятие суннитами того, что с ними плохо обращаются и что они неправы, усугубило межконфессиональную напряженность.

Кроме этого усилия США по борьбе с развивающимся повстанческим движением обострили чувство незащищенности и способствовали увеличению поддержки сети Заркави. Сопrotивление становилось всё более популярным, и это объединяло действия различных групп боевиков, действовавших в то время в Ираке. Их растущая популярность среди невовлеченных суннитов была в основном неидеологической. Нападение на святилище Аль-Аскари в Самарре 22 февраля 2006 года имело особенно смертоносные последствия для разворачивающейся гражданской войны между шиитами и суннитами. Построенный в 944 году Аль-Аскари является одним из самых святых мест шиитского ислама. Бомбардировка святыни привела к взрыву ответных атак на мечети, похищениям, пыткам и открытым уличным боям между суннитами и шиитами. Несмотря на то что американские военные отрицали, что в Ираке началась гражданская война, через день после бомбардировки святыни погибли не менее 1000 мирных жителей [1].

Рост насилия и эскалация конфликта дали понять лидерам суннитских племен, что АКИ не гарантирует их безопасность. Поэтому они были готовы сотрудничать с американцами в обмен на стабильность и признание их статуса.

Ухватившись за эту возможность, США были не прочь воспользоваться их помощью [4]. Упадок АКИ ускорился после того, как против нее выступил большой альянс 25 суннитских племен, известный как «Пробуждение Анбара». Распространившись из района Анбар в другие регионы Ирака, суннитские лидеры организовали военное сопротивление сети Заркави [17]. Увеличение

численности американских войск и выделение дополнительных ресурсов, а также американская коалиция с суннитами оказали значительное влияние, в результате чего многие влиятельные члены АКИ были захвачены или убиты [21].

В июне 2006 года сам Заркави был убит в результате авиаудара США. Абу Айюб аль-Масри, он же Абу Хамза аль-Мухаджир, сменивший Заркави на посту лидера, осуществил план Заркави в отношении АКИ и в октябре 2006 года объявил о создании Исламского государства Ирак (далее — ИГИ, террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации). Это заявление неприятно удивило лидеров террористической группы бен Ладена, которые ранее предостерегали Заркави от этой идеи. Их возражения основывались на убеждении, что этот шаг до того, как организация укрепит свою социальную базу, помешает достижению ее конечных политических целей. Неясные отношения между недавно созданной организацией и террористической группой бен Ладена вызвали замешательство среди джихадистов по всему миру [18]. Отсутствие у аль-Масри управленческих и военных навыков способствовало этому. Как следствие, охват АКИ сокращался. В последующие годы ИГИ теряла не только свою популярность, но и свои позиции и организационные возможности. К 2009 году движение, созданное Заркави, почти угасло, и казалось, что для Ирака наступают более мирные времена.

ИГИ возвращается

При обсуждении факторов, позволивших ИГИ совершить свое ужасающее возвращение, почти все упоминают радикализирующую роль организованных США иракских мест заключения, таких как лагерь Букка. Учреждение, где суннитские религиозные радикалы свободно общались с членами саддамовской партии Баас, поддерживали пламя суннитского радикализма и превратили тюрьмы в безопасные тренировочные и вербовочные лагеря для ИГИ [16]. Как позже выразился один из лидеров ИГИ: «Если бы в Ираке не было американских тюрем, то сейчас не было бы ИГИ. Букка была фабрикой. Она создала нас всех. Она создала нашу идеологию».

Лагерь Букка был закрыт в 2009 году, но контакты и сети, созданные в нем, оставались активными и в последующий период.

По данным разведки, большая часть руководства ИГИ в какой-то момент находилась в лагере Букка. Когда 18 апреля 2010 года два высших руководителя ИГИ, Абу Айюб аль-Масри и Абу Омар аль-Багдади, были убиты в результате ударов США, новым лидером стал Абу Бакр аль-Багдади — выпускник лагеря Букка. Аль-Багдади — ученый со степенью доктора наук — первоначально характеризовался как застенчивый и замкнутый человек. В 2004 году он был классифицирован как не представляющий дальнейшей угрозы безопасности и, соответственно, освобожден из лагеря Букка [2].

Несмотря на отсутствие у него военного опыта, его выбор в качестве лидера ИГИ был одобрен и поддержан Самиром аль-Хлифави — главой военного отдела ИГИ.

Одним из первых шагов аль-Багдади стало назначение многочисленных бывших сотрудников армии и разведки Саддама Хусейна на руководящие должности в иерархии ИГИ. В 2012—2013 годах ИГИ еще больше использовала навыки и сети, сформированные в тюрьмах. В ходе дерзкой кампании ИГИ организовала побеги в крупных тюрьмах и втянула новых опытных и безжалостных боевиков в продолжающуюся борьбу.

Когда американские войска покидали Ирак в 2011 году, страна была далека от состояния стабильной демократии. Премьер-министр Ирака Нури аль-Малики продолжал враждовать с суннитским меньшинством. Он пополнил иракскую армию членами шиитского ополчения, связанного с Ираном и воспринимаемого суннитами как полностью приверженное их сектантским интересам.

На основании террористической угрозы аль-Малики приказал заключить в тюрьму и убить многих лидеров суннитского сопротивления. Среди прочих он арестовал суннитского вице-президента Тарека аль-Хашими по неясным обвинениям, что только усилило недовольство суннитской общины против правительства Малики.

Месть за восстание также пришла со стороны ИГИ, которая убила многих лидеров суннитских племен в провинции Анбар. ИГИ умело использовала недовольство суннитов, которые во второй раз почувствовали себя брошенными правительством, и не оставила иного выхода, кроме как вступить в союз

с ней под новым руководством аль-Багдади. Когда в июне 2014 года иракская армия, в которой доминировали шииты, быстро отказалась от обороны Мосула и оставила его в руках ИГИ, это произошло отчасти потому, что ИГИ уже заручилась поддержкой местных суннитов, которые присоединились к борьбе (на этот раз на стороне ИГИ).

Последним фактором, который позволил ИГИ пережить трудные времена, стала вспышка гражданской войны в Сирии. Когда социальные протесты против режима Башара Асада вспыхнули в Сирии в 2011 году, ИГИ увидела новую возможность закрепиться там. В 2012 году Багдади направил несколько оперативников для создания сирийского филиала. Хотя «Джабхат ан-Нусра», возглавляемая Абу Мухаммадом аль-Джулани, выдавала себя за поддержку сирийских оппозиционных сил, на самом деле ее целью было создание почвы для сирийского продолжения будущего халифата [6]. Многие бойцы ИГИ нашли там относительно безопасное место для продолжения борьбы и развития сети. Эта стратегия дала обратный ход в тот момент, когда «Джабхат ан-Нусра» оказалась более независимой, чем предполагал или планировал Багдади. Благодаря своей высокой военной ценности и готовности разделить власть с сирийской оппозицией «Джебхат ан-Нусра» рассматривалась Свободной сирийской армией как ценный коллаборационист. Однако это было не совсем то, к чему стремился аль-Багдади. Следуя амбициям Заркави, вместо того, чтобы просто заменить Асада, Багдади хотел создать исламскую транснациональную систему, которая сотрет существующие границы между Ираком и Сирией.

В апреле 2013 года аль-Багдади неожиданно объявил о слиянии ИГИ с «Джабхат ан-Нусра» под названием Исламское государство Ирака и Леванта. Аль-Джулани и Айман аз-Завахири, лидеры «Аль-Нусры» и «Аль-Каиды», отвергли слияние, что заставило Багдади создать своего собственного военного представителя в Сирии. В 2013 и 2014 годах международная террористическая организация (МТО) Заркави успешно захватила провинцию Аль-Ракка в Сирии. После ряда успехов в Сирии она нацелилась на восстановление своего господства на прежнем месте — в Ираке. 29 июня 2014 года, в первый день священного месяца Рамадан, она объявила себя халифатом с Абу Бакром

аль-Багдади в качестве халифа, призвав всех мусульман присягнуть ему на верность.

Идеология

На первый взгляд идеология салафитского джихадизма МТО Заркави может показаться неотличимой от идеологии террористической группы бен Ладена. Обе они рассматривают государство и религию как нерушимо связанные друг с другом, так что управление и политические решения должны основываться на строгом толковании законов шариата. Однако на самом деле эти две группы существенно расходятся по ряду вопросов, связанных с акидой (вероучением) и манхаджем (методологией). В частности, основной спор между двумя организациями касался чрезмерного использования такфира (отлучения), правильного способа установления халифата и использования повествований о последних временах. И хотя Заркави в итоге присягнул на верность Усаме бен Ладену, фундаментальные разногласия остались и, в конце концов, привели к открытому расколу между организацией Заркави и группой бен Ладена.

Что касается такфира (акт отлучения других мусульман путем объявления их неверными), организация Заркави придерживается более строгих взглядов и использует его гораздо чаще, чем группа бен Ладена. Идеология организации Заркави гласит, что ислам должен быть очищен изнутри и что мусульмане, которые не следуют строго интерпретации ислама, одобренной этой организацией, должны быть объявлены вероотступниками и преданы смерти. В отличие от этого идеология группы бен Ладена считает, что убийство мусульман несовместимо с широкомасштабным джихадистским проектом, поскольку поддержка мусульманской уммы будет ослаблена убийствами мусульман, будь то шииты или сунниты. Если данная организация была привержена джихаду против Запада и по возможности избегала любых препятствий для своей глобальной кампании, то МТО Заркави считает шиитов еретиками, осуждая их практики, отрицая их основу в Коране или в любой пророческой традиции, и поэтому клеймит их как отступников.

Провозглашение такфира распространяется и на других мусульман, отступивших от идеологических установок МТО Заркави.

Как отмечалось ранее, лидеры группировки бен Ладена были потрясены масштабами и размахом насилия, совершенного группой Заркави, и обвинили эту организацию в отклонении от истинной исламской «акиды».

В 2005 году два высокопоставленных лидера террористической группы бен Ладена – Айман аль-Завахири, заместитель главы организации, и Атия Абд Рахман аль-Либи, главный идеолог организации – направили Заркави отдельные письма, в которых советовали ему снизить уровень насилия и оставаться сосредоточенным и преданным делу глобального джихада. Они предупредили Заркави, чтобы он прекратил демонстрировать и размещать в Интернете видеозаписи обезглавливаний и других зверств. Завахири утверждал, что, даже если такая тактика и была привлекательна для «ревностных молодых людей», жестокие кадры ужасной бойни в итоге потеряют поддержку простых мусульман. Бывший наставник Заркави аль-Макдиси также порицал его за вседозволенный подход к такфиру и призывал его в письме смягчить свою жесткую позицию и воздержаться от «огульного провозглашения такфира» или «провозглашения мусульман отступниками из-за их грехов». Заркави благодушно проигнорировал оба призыва.

Вопросы методологии (Манхадж)

Создание халифата. Борьба между АКИ и «Аль-Каидой» усилилась в 2006 году, после создания ИГИ. Последовавшее за этим замешательство среди джихадистов было замаскировано, чтобы сохранить последовательный образ организации для внешнего мира, но основной конфликт сохранялся и обострился после провозглашения халифата в 2014 году. Группировка бен Ладена обвинила МТО Заркави в игнорировании правильного манхаджа (методологии) при определении халифата и в отсутствии права на создание исламского государства. В своих заявлениях Завахири осуждал создание организации Заркави.

Завахири объяснил, что манхадж их группы заключается в объединении мусульманской общины и восстановлении правоверного халифа на основе консультаций с улемами. Для лидеров этой организации халифат был отдаленной целью, к которой можно было приблизиться только после завоевания народной поддержки мусульман [25]. Они решительно осуждали нетерпе-

ние организации Заркави и его провозглашение халифата после захвата лишь ограниченных участков земли без захвата Багдада или остальной части Ирака.

Нарратив конца времен

Еще одним спорным вопросом в споре между двумя организациями было распространение нарративов конца времен, которые придавали религиозную легитимность целям МТО Заркави и были источником его общей привлекательности для молодых мусульман. Многие иностранные боевики, присоединившиеся к данной организации, действительно находились под влиянием пророчеств, описывающих окончательную борьбу сил добра со злом в Сирии. Одним из примеров является предполагаемый хадис (или изречение Пророка), в котором говорится: «Армии с черным флагом придут из Хурасана. Ни одна сила не сможет остановить их, и в конце концов они достигнут Ила (мечеть Акса в Иерусалиме), где водрузят свои флаги». Группа бен Ладена отвергла также «повествования о конце света». Вместо этого они предпочитали риторику «дальнего врага», рассматривая США и поддерживающие их коррумпированные «отступнические» арабские режимы как главную цель, а их замену «истинными» исламскими правительствами — как основную задачу [3].

Территориальность

Наконец, МТО Заркави была нацелена на расширение своего влияния путем завоевания территории и на призыв мусульман совершить хиджру (миграцию), чтобы присоединиться к халифату. Безусловно, организации требовалась территория для сохранения легитимности халифата. Для террористической группы бен Ладена, несмотря на важность создания государства, первоочередной задачей было сначала «избавиться» от врага, вместо того чтобы сосредоточиться на завоевании территорий [9]. В частности, она долгое время стремилась убедить мусульман в том, что джихад против США является их главной обязанностью, а победа над США — их главной целью. В отличие от них МТО Заркави стремилась к контролю над как можно большей территорией, охватывающей все континенты, даже когда такая стратегия казалась невозможной в долгосрочной перспективе.

В 2011 году сирийская революция привела к окончательному расколу между двумя организациями. В отличие от планов лидеров МТО Заркави «Джабхат ан-Нусра» не ставила своей целью создание нового государства в Сирии. Вместо этого она присоединилась к более широкому восстанию против режима Башира аль-Асада и сражалась вместе с более умеренными повстанческими силами, что обеспечило ей авторитет среди различных элементов сирийской оппозиции. Так, когда аль-Багдади назвал «Джабхат ан-Нусра» всего лишь продолжением МТО Заркави, аль-Джулани, лидер «Джабхат ан-Нусра», сразу же возразил. Он подчеркнул свою лояльность «Аль-Каиде», вновь заявив о своей приверженности Завахири и отказавшись ассимилировать свою группу с МТО Заркави под этим названием. Вместо этого он обратился к Завахири с просьбой урегулировать разногласия. В письме, которое просочилось в прессу, Завахири приказал отменить создание МТО Заркави и ограничить действия Багдади Ираком. Для урегулирования конфликта был послан личный миротворец Завахири, но он был убит организацией в начале 2014 года. В феврале 2014 года, после восьмимесячной борьбы за власть, группа бен Ладена отказалась от каких-либо отношений с МТО Заркави, обвинив их в неповиновении.

Позицию Завахири поддержали влиятельные духовные лица, включая бывшего наставника Заркави — аль-Макдиси, который также осудил экстремизм данной организации. «Аль-Каида» и ИГИЛ стали конкурентами за поддержку мировых джихадистских движений [10].

Так, МТО Заркави удалось достичь результатов по объявлению претензии на следующие территории: Ирак, Сирия, Афганистан, Пакистан, Ливия, Египет, Саудовская Аравия, Йемен, Алжир, Нигерия, Западная Африка, Северный Кавказ, Газа, Сомали (Пунтленд), Восточная Азия (Марави), Демократическая Республика Конго, Мозамбик (Мосимбоа-да-Прая), Индия (Кашмир), Бангладеш (Бенгалия), Азербайджан и Турция (Вилаят). На всех этих территориях организация установила свои официальные филиалы, руководили которыми ее ведущие эмиссары, а также те, кто присягнул на верность непосредственно на новых территориях.

Таким образом, данная организация, подобно трансконтинентальной корпорации, расширила свое влияние, установив

новые зоны влияния, а также зоны повышения своей доходности за счёт новых активов — нефтяных месторождений, местных предприятий, налогов, продажи наркотиков и оружия. Участвуя во внутривластных настроениях населения подконтрольных территорий, МТО Заркави заняла свою позицию в управлении регионов. Власти таких территорий вынуждены идти на уступки и на взаимодействие с этой организацией в целях минимизации последствий при борьбе с ней.

Стратегический террор

Создание халифата и завоевание обширных и густонаселенных территорий сделало управление одной из главных задач МТО Заркави. Великим организатором и архитектором этой организации был Хаджи Бакр, бывший полковник иракской армии Саддама Хусейна, который служил советником Калифа, Абу Бакара аль-Багдади. Бакр был убит в бою с конкурирующей группировкой в январе 2014 года, а при обыске в его доме была обнаружена записная книжка примерно из 30 страниц, содержащая подробный план систематического завоевания и управления землями, которые должны быть захвачены МТО Заркави [32].

После захвата города представители данной организации сформулировали свод правил и приказов, которые разными способами распространялись среди жителей, например через громкоговорители минаретов и объявления на городских рекламных щитах. В Ракке, например, от жителей требовалось возвести стены вокруг своих домов, чтобы женщин, живущих в них, не было видно. Женщинам было запрещено работать, за исключением медсестер или продавщиц в магазинах женской одежды. Городским жителям запрещалось покидать свои поселения без государственного разрешения, которое предусматривало, что, если они не вернуться в установленный срок, их дома и имущество будут конфискованы. Правила организации распространялись на множество сфер жизни, включая такие вещи, как запрет играть в футбол, носить западную одежду, курить или употреблять алкоголь. Пойманному за курением человеку ломали пальцы, а за каждую обнаруженную у него сигарету он должен был заплатить штраф в 6000 иракских фунтов [12].

Завоевание МТО Заркави деревни или города обычно начиналось с волны казней и обезглавливаний, стратегической целью которых было вселить страх в жителей и побудить их строго придерживаться всех правил и требований организации. Лиц, подозреваемых в гомосексуализме, сбрасывали с крыш домов, женщин предавали смерти через забивание камнями, других обезглавливали, если они были осуждены за нескромность, прелюбодеяние или измену. Сотрудники иракских или сирийских сил безопасности были преданы смерти после захвата МТО Заркави какого-либо населенного пункта. Параллельно с этим быстро чинились электросети, водопроводные и канализационные системы, город или деревня приводились в порядок, а бывших городских чиновников, служивших побежденной власти, призывали вернуться на работу и сделать это место снова пригодным для жизни. Когда организация завоевывала ту или иную территорию, она захватывала всю существующую инфраструктуру, не оставляя местному населению иного выбора, кроме как присоединиться или погибнуть [8].

По сути, МТО Заркави использовала стратегический террор и слежку, чтобы заставить людей подчиниться. Она использовала запугивание и ложные обвинения, чтобы подавить даже малейшее сопротивление своему правлению.

Конечно, организация хотела также представить себя в качестве добросовестного государства. Для этого она пыталась убедить людей в своей легитимности, а не полагалась исключительно на постоянное запугивание и насилие. Соответственно, МТО Заркави дополнила террор системой вознаграждений, обусловленных признанием и поддержкой ее тотального господства. Таким образом, страх не был единственным фактором, который склонял людей на ее сторону. Хотя качество жизни при ней было низким, оно зачастую было выше того, что предшествовало ее приходу [26].

В обмен на социальный и экономический порядок, который она обеспечивала, МТО Заркави требовала обещания исключительного повиновения. Она ожидала также материальной поддержки, либо в форме обязательных налоговых платежей, либо в форме военной службы. Последняя, которая на начальном этапе была добровольной, хотя и настоятельно поощрялась, впоследствии

превратилась в обязательную воинскую повинность в некоторых районах. Ее доходы поступали из таких источников, как незаконная торговля нефтью, кражи из банков, похищение жертв в целях получения выкупа и сбор налогов с населения на завоеванных территориях.

Помимо обеспечения стабильного управления или, возможно, как его неотъемлемая часть организация заботилась о воспитании соответствующей идеологии среди своего населения [13]. Удовлетворение основных потребностей, таких как безопасность и обеспечение средств к существованию, безусловно, является важным фактором, но само по себе оно не может дать человеку ощутимого чувства смысла и значимости. Погружение в идеологию МТО Заркави должно было убедить людей в ценности принятия его правления.

Соответственно, каждый, кто туда вступал, должен был пройти курс изучения законов шариата. Очевидно, что такое идеологическое образование было, по крайней мере, в некоторой степени эффективным. Даже те, кто в итоге дезертировал из организации, признавали ценность курсов, которые они посещали, и высоко оценивали то, как они углубили их религиозную приверженность. Более того, ожидалось, что люди, прошедшие такую идеологическую подготовку, будут применять учение в повседневной жизни под пристальным наблюдением других членов группы, что, предположительно, повышает их приверженность идеологии.

Идеологический посыл

Идентификация насилия как способа удовлетворения стремления к значимости может быть достигнута с помощью идеологического нарратива, который рисует унижение, перенесенное мусульманами от рук их западных недоброжелателей, за которое необходимо отомстить, вступив в борьбу.

Нарратив МТО Заркави дополнительно подчеркивает славу жизни в халифате и огромную значимость, которую он дает тем, кто поселяется на его территории. Идеологический нарратив представляет собой послание, содержание которого направлено на то, чтобы убедить людей с помощью аргументов и образов (например, зверств, якобы совершенных врагами ислама), что

поиск значимости должен стать их священной целью и что борьба с врагами организации и/или переселение в халифат является гарантированным средством достижения этой цели [14].

Если боевые движения являются жестокими по определению, то МТО Заркави доводит жестокость до крайности, убивая, сжигая заживо, насилуя, оскверняя и уничтожая культурные ценности, имеющие символическое значение для других религий. Несмотря на то что беспредельное насилие организации может вызывать отвращение у некоторых, оно, очевидно, привлекает многих, о чем свидетельствует огромная популярность видеороликов с обезглавливаниями и ее беспрецедентная способность вербовать бойцов из почти 100 разных стран. Привлекательность насилия, вероятно, объясняется тем, что это самый примитивный способ утверждения своего господства и статуса, распространенный в животном мире и широко используемый людьми на протяжении всей истории. Нанося вред другим, унижая их и заставляя страдать, человек сразу же доказывает свое превосходство и власть – в этом смысле насильственное доминирование представляет собой уникальный способ утверждения своей значимости, практически не имеющий аналогов [27].

Печально известно также беспрепятственное использование МТО Заркави секса, секс-рабынь в качестве способа привлечения молодых мужчин в свои ряды, а также мусульманских невест, желающих выйти замуж за «настоящих» мусульманских героев. Помимо выражения доминирования и власти, а значит, удовлетворения стремления молодых мужчин к значимости, секс представляет собой внутренне приятное вознаграждение, которое, вероятно, усиливает привлекательность организации для потенциальных новобранцев. Впечатляющим аспектом ее психологического подхода является способность вовлекать женщин в организацию и мотивировать их селиться на территориях, контролируемых МТО Заркави. Хотя в прошлом женщины часто использовались в качестве бойцов низшего звена в террористических организациях, их использование в этой организации отличается [15]. Их основная роль заключается в том, чтобы выступать в роли праведных невест для бойцов МТО Заркави и будущих матерей нации халифата. С этой целью организация проводит специальные кампании в социальных сетях, ориентированные только на жен-

щин. Основные мотивы женщин, присоединившихся к ней, схожи с мотивами мужчин. Женщины выражают желание построить совершенно новое общество, основанное на строгих религиозных принципах [29]. Они хотят убежать от западных обществ, которые, по их мнению, не соответствуют им и их религиозным ценностям. Кроме того, видение общества, где строго соблюдаются традиционные гендерные роли и где они могут исполнить свое романтическое желание выйти замуж за действующего бойца МТО, кажется привлекательным для многих новобранцев-женщин. Хотя законы шариата строго относятся к участию женщин в боевых действиях и запрещают им играть активную роль на поле боя, тем не менее женщинам может быть отведена уникальная роль в предприятии МТО Заркави, в котором они оказывают значимое социальное влияние, с помощью которого помогают организации контролировать гражданское население. Такая роль может оправдать ожидания тех женщин, которые присоединились к ней, чтобы почувствовать себя более влиятельными.

Социальный процесс в стратегии вербовки

Наконец, социальный процесс групповой динамики — это то, как люди подвергаются воздействию идеологического нарратива и как они верят в его послание. Благодаря харизме коммуникаторов и давлению консенсуса со стороны сверстников люди начинают «владеть» поиском значимости как своей целью, а борьбой в рядах или от имени МТО Заркави — как средством достижения этой цели. В этом смысле групповой процесс является источником идеологического послания; привлекательность этого процесса определяет степень, в которой стремление индивидов к значимости действительно пробуждается, а средства насильственного экстремизма от имени организации принимаются как способ достижения значимости. Функция источника относится к информационной роли, которую выполняют террористические сети. Кроме того, социальные сети выполняют важнейшую эмоциональную функцию: принимая отдельного члена и оказывая ему признательность и уважение, они дают ему/ей почувствовать свою силу и способность выполнять сложные задачи, включая самоотречение и самопожертвование, от имени МТО Заркави [28].

Одной из очевидных сильных сторон данной организации является ее способность организовывать оперативные сети в разных точках мира и приводить их в готовность к началу насильственных действий против выбранных целей. Тенденция, проявившаяся в организованных ей нападениях в 2014—2016 годах, заключается в вербовке семейных сетей, состоящих, например, из братьев и сестер или даже супружеской пары. Братья Царнаевы совершили взрыв на Бостонском марафоне в апреле 2013 года, братья Куачи участвовали в парижских атаках в ноябре 2015 года, а братья Бакрауи — в брюссельских атаках в марте 2016 года. Семейная сеть во многих отношениях идеально подходит для террористических целей. Ее члены, как правило, верны друг другу, преданы друг другу и тесно общаются друг с другом. Они вряд ли предадут или подведут друг друга. Поэтому вполне правдоподобно, что вербовщики организации особенно заинтересованы в радикализации семейных групп и что наблюдаемая в последнее время тенденция в этом направлении скорее стратегическая, чем случайная.

Онлайн-коммуникация организации

В связи с распространением и воздействием насильственно-экстремистского и террористического контента в Интернете и социальных сетях контртеррористические ведомства и правоохранительные органы усилили свои контрмеры в Интернете. Как следствие, террористы и воинствующие экстремисты в ответ изменили свою тактику работы в Интернете и перешли на новые платформы. Одним из наиболее изощренных способов, с помощью которых экстремисты и террористы используют онлайн-коммуникацию, чтобы избежать обнаружения, является использование виртуальных хранилищ в виде анонимных порталов для обмена информацией. Порталы анонимного обмена не требуют входа в систему, что обеспечивает анонимность и позволяет обмениваться ссылками, содержание которых будет собираться и массово распространяться. Следовательно, порталы анонимного обмена, такие как Justpaste.it, Telegra.ph, и разные облачные сервисы хранения данных стали наиболее используемыми хранилищами МТО Заркави и других террористических и экстремистских групп.

Самой популярной платформой для обмена информацией между террористическими организациями является Justpaste.it. Сайт-хранилище, который не требует регистрации пользователей, а конкретное содержимое доступно только по прямой ссылке правообладателя. Для террористов в данном случае первоочередной задачей является сохранность их материалов, а также защита от разного рода поисковых роботов с заданным алгоритмом, которые, в свою очередь, занимаются поиском в Интернете материалов, имеющих в том числе террористический характер. Платформа Justpaste.it позволяет шифровать загружаемый материал. В настоящее время популярностью пользуется также сервис-платформа Telegram – воинствующие экстремистские группировки уже давно используют ее ввиду уникальности в отношении анонимности своих пользователей.

Для получения доступа к веб-архивам сети Интернет был использован сервис — Archive.today (далее — веб-архив), который позволил изучить материал, передаваемый между террористическими организациями. Сервис позволил просмотреть все сделанные снимки экранов, сохраненные в веб-архиве на платформах: Justpaste.it, Telegra.ph и др. Материал, который стал доступен таким способом, включает в себя тексты вербовки, фотографии, видео, новостные передачи, отчёты о вооруженных столкновениях с вооруженными силами и другими противостоящими силами, выпуски журнала «Аль-Наба», пропагандистские видеоматериалы, новые приложения-мессенджеры и руководство к их использованию и максимальной анонимизации при их использовании и другое.

Как мы уже упоминали, наиболее часто используемой МТО Заркави платформой для анонимного размещения статей и других материалов является Justpaste.it. Ввиду постоянной борьбы контртеррористических ведомств с публикуемым материалом, имеющим террористический характер, члены организации адаптировались к такому противостоянию. Для постоянного хранения материала члены экстремистских групп выкладывают контент на одну из вышеперечисленных платформ, а иногда и сразу на все, после массово распространяют через свои СМИ, в том числе через интернет-журнал «Аль-Наба». Исходя из изученных снимков экрана платформы Justpaste.it,

можно сделать вывод, что наиболее частым ее пользователем является ИГ.

МТО Заркави использует данную платформу для ежедневного отчёта перед сообществом о проведенных операциях, об устраненных противниках, их количестве, а также о захваченных территориях, сопровождая всё это фотографиями (в том числе жестокого характера). Помимо этого на платформе на постоянной основе публикуется журнал «Аль-Наба», отражающий деятельность террористической организации на полях сражений, провозглашая ее воинов теми, кто сражается против неверных и многобожников. Каждая статья сопровождается радикализованными лозунгами, а также «своим» разъяснением ислама и веры.

Многие другие воинствующие экстремистские группировки, такие как «Аш-Шабаб» и «Исламский эмират», также используют эту платформу, но уже в меньших масштабах, чем их предшественники. В основном они ее используют для распространения своих пропагандистских видео. Эти сообщения включают в себя название видео, постер к нему и список ссылок на хранилища для загрузки такого видео, с различными вариантами скачивания — от разрешения видео до формата файла.

Облачный обмен — это система, в которой пользователю выделяется место (объем) для хранения данных на сервере, предоставляя конечному пользователю возможность доступа к файлам с любого устройства, поддерживающего Интернет, из любой точки мира. МТО Заркави использует эти платформы облачного обмена в сочетании с анонимными платформами, чтобы делиться пропагандой в Интернете, не будучи замеченными, и, следовательно, их контент дольше остается в Интернете.

Организация использует облачные хранилища для обмена публикациями онлайн-журнала «Аль-Наба», графическими схемами, пропагандистскими видео, например документальным фильмом о деятельности и достигнутых результатах организации. Помимо этого там террористическая организация хранит религиозные книги джихадистов в формате PDF, которые впоследствии распространяются либо прямыми ссылками на хранилище, либо через ежедневные отчёты или онлайн-журнал «Аль-Наба».

Другие воинствующие экстремистские группировки используют облачные хранилища для публикации видео сражений мод-

жахедов с солдатами, обращения полевых командиров «Аш-Шаб-аб» к жителям деревень, захваченным другой террористической группировкой, обращения террористической группы бен Ладена к мусульманам и др.

МТО Заркави в целях конспирации загружаемого материала, а также для исключения подозрения к их хранилищу называют файлы по типу поваренной книги, книги бухгалтерского учета, сертификата и т. д. На самом деле это может быть пропагандистский видеоклип, жуткие кадры обезглавливания, повседневная жизнь джихадиста и т. д.

Также все ежедневные отчеты, публикуемые в Justpaste.it, сопровождаются ссылками на все используемые в настоящее время онлайн-хранилища, а те хранят в себе контактную информацию с представителями СМИ МТО Заркави, которые придают огласке все их действия.

МТО Заркави в том числе систематично следит за новыми приложениями-мессенджерами, которые способны отвечать их требованиям анонимности. Так, СМИ организации публикуют инструкции к установке, настройке и использованию ряда приложений, которые впоследствии будут использованы в целях подготовки и совершения террористического акта.

Террористы используют онлайн-сервисы уже более 20 лет и становятся всё более изощренными в этом деле: ни для кого не секрет, что преобладающее число командиров международных террористических организаций являются докторами наук в области инженерии, химии и так далее. Организаторы террористического акта 11 сентября 2004 года имели ученые степени в области машиностроения и инженерной архитектуры.

Материальная мотивация членов организации

Как уже ранее сравнивалась данная организация с трансконтинентальными корпорациями, группировка повторяет мотивационное обеспечение своих последователей путем начисления боевых выплат за уничтожение военной техники противника, транспорта и проч.

Один циркуляр МТО Заркави отражает следующее мотивационное поощрение:

1) самолет (истребители/вертолеты/беспилотники): выдача отряду или лицу автомобиля стоимостью не менее 10 золотых динаров 21 карата в соответствии с директивами эмира;

2) танки: оплата производится в зависимости от того, каким способом они были уничтожены, следующим образом: 7 золотых динаров за каждого, кто взорвет танк из любого оружия, даже если это наземные мины, управляемые проводом или устройствами управления на расстоянии, кроме фугасов, не управляемых на расстоянии. Исключением является также подрыв управляемыми ракетами, за который дается всего 1 золотой динар;

3) броневые автомобили в их разных типах и бронетехника: дают 4 золотых динара, кроме тех, что взорваны на фугасе;

4) общие транспортные средства: дают 2 динара, кроме тех, что подорвались на неконтролируемой мине;

5) снайпер: дают за каждого отступника или неверующего 1 динар, если он сфотографирован, и полдинара, если есть свидетель;

6) поддержка: за каждый снаряд, попавший в цель, отряду дается 1 серебряный дирхам на основании наличия свидетеля или фотографии;

7) использование химических снарядов и реактивных снарядов: за каждый снаряд, попавший в цель, выдают отряду 10 дирхамов серебром;

8) убийство отступника или неверующего солдата: 10 серебряных дирхамов должны быть даны за любой способ убийства, кроме снайперского;

9) пленение отступника или неверующего солдата: за это дается 1 золотой динар.

Выплата происходит следующим образом:

1) Наемник или отряд должен подать запрос непосредственному амиру или административному чиновнику с описанием цели, которая была достигнута в бою или экспедиции, предложив при этом доказательства, подтверждающие это с помощью свидетелей или фотографий;

2) непосредственный амир должен быть уверен в правдивости запроса и свидетелей и удостоверить его, передав одновременно заверенную копию лицу, делающему запрос, а подробный отчет передать главному административному чиновнику в бата-

льоне/бригаде/дивизии на том основании, что запросы должны собираться каждые 10 дней и представляться в Байт аль-мал, чтобы их можно было распределить между бойцами. А если будет установлена недостоверность запроса, дело подлежит передаче в военный суд;

3) для амиров (амиров дивизии и ниже): для каждого амира производится отчисление 1 % от выплаты бойцам, находящимся под его управлением.

Например:

- подразделение поддержки выпустило 10 снарядов, 5 из которых попали в цель. Таким образом, должны быть выданы 5 серебряных дирхемов, из которых должны быть сделаны следующие вычеты:

- 1 % – для амира отряда,
- 1 % – для амира общей поддержки,
- 1 % – для амира дивизии,
- 97 % – уходит в отряд;

- член группы взорвал автомобиль «Nimmer» с помощью наземного наведения ракеты на цель с проводом или устройством управления на расстоянии. Выплаты будут следующие:

- 1 % – для амира отряда,
- 1 % – для эмира эскадрильи,
- 1 % – для амира взвода,
- 1 % – для амира батальона,
- 1 % – для амира бригады,
- 1 % – для амира дивизии,
- 94 % достается члену группы.

Если наемника убивают после того, как он подал прошение и передал его в Байт аль-мал, выплата должна быть перечислена его семье. Если он будет убит во время битвы, его награда ждет у Бога.

Анализируя этот документ, мы получаем представление об обычных военных структурах МТО Заркави. Это (от меньшего к большему): отряд (мафраза), взвод (фасеэль), эскадрилья (сарья), батальон (катиба), бригада (лива) и дивизия (фарка). Кроме того, этот документ подтверждает, что организация санкционировала применение химического оружия против своих противников.

Заключение

На момент написания этой статьи МТО Заркави, хоть и терпит поражение на подконтрольных местах, а некоторая их часть вновь захвачена противниками или гражданским ополчением, но в то же время она наращивает свой потенциал в других регионах и на других континентах. Похоже, что группировка уже реорганизует свою стратегию, чтобы приспособиться к своим новым возможностям. Например, организация больше не призывает своих последователей вступать в ряды МТО Заркави в Сирии и Ираке, а вместо этого призывает к небольшим заговорам, которые не требуют широкой организационной поддержки. Вместо использования законспирированных ячеек для вербовки новых членов большую популярность для достижения таких целей набирает использование социальных сетей, Telegram-каналов и проч. Атаки в Европе, Азии и на Ближнем Востоке, прежде всего в Париже (2015), Джакарте (2015), Багдаде (2016), Манчестере (2017), Барселоне (2017), Германии (2020), России (2022) и др., демонстрируют разрушительный потенциал относительно недорогих акций и «простого» исполнения.

Аналогичная стратегия, прописанная в более ранних документах террористической группы бен Ладена, рассматривала такие атаки как способ поддержания постоянного ощущения угрозы, привлечения сил безопасности внутри страны и отвлечения их внимания от более существенных операций, которые террористическая группа планировала за рубежом [19].

Создание плацдармов (вилаятов) за пределами Сирии и Ирака в таких местах, как Филиппины и Индонезия, похоже, является еще одним способом выжить после падения халифата, и этот метод в настоящее время используется МТО Заркави и его филиалами. Особенно шокирующим примером является такая акция организации, как захват города в южной провинции Филиппин, который вызвал массовую эмиграцию населения, масштабное разрушение имущества и привел к введению военного положения во всей провинции [20].

Для достижения цели по осмыслению причин и исторических феноменов появления данной организации архиважным является изучение временного промежутка зарождения группировки в Сирии и Ираке.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на сокращение могущества МТО Заркави, степень угрозы, которую она представляет для глобальной безопасности, остается высокой ввиду постоянного присоединения новых территорий, постоянного пополнения ее рядов террористами-одиночками, являющимися наиболее опасными представителями террористических группировок. Согласно последним опросам, большинство людей в мире по-прежнему воспринимают организацию как угрозу высшего уровня [31].

Целью данной статьи было рассмотрение феномена МТО Заркави и ее уникальной истории. Не пренебрегая геополитическими факторами, которые сделали возможным подъем данной организации, понимание человеческой психологии может иметь решающее значение для осмысления ее привлекательности и для направления усилий по дерадикализации сторонников МТО Заркави.

Литература

1. *Гладченко Л.В.* ИГИЛ – угроза для Юго-Восточной Азии // ИГИЛ как угроза международной безопасности / под ред. А.В. Глазовой. – М.: РИСИ, 2015. – С. 139–149.
2. *Мельков С.А.* ИГИЛ или не ИГИЛ: дело идет к войне? // Политическое образование. – URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/377780> (дата обращения: 06.04.2022).
3. *Сотниченко А.* Ученики Вашингтона на Ближнем Востоке. – URL: <http://izvestia.ru/news/591179> (дата обращения: 06.04.2022).
4. *Федорченко А.В., Крылов А.В.* Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО – Университета. – 2015. – № 2. – С. 177.
5. *Al-Salhy S., Arango T.* Sunni militants drive Iraqi Army out of Mosul // The New York Times. – 2014. – June 10. – URL: <http://www.nytimes.com/2014/06/11/world/middleeast/militants-in-mosul.html> (accessed: 06.04.2022).
6. *Barfi B.* Islamic State shifts tactics in Iraq and Syria amid degrading capabilities // Jane's Intelligence Review. – 2019. – June 25.
7. *Barret R.* Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees / The Soufan Center. – 2017. – October.
8. *Byman D.* ISIS Goes Global: Fight the Islamic State by Targeting Its Affiliates // Foreign Affairs. – 2016. – March – April. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/isis-goes-global> (accessed: 06.04.2022).
9. *Byman D.L.* What happens when ISIS goes underground? / Brookings Institution. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2018/-01/18/what-happens-when-isis-goes-underground> (accessed: 06.04.2022).
10. *Byman D.L.* Comparing Al Qaeda and ISIS: Different goals, different targets / The Brookings Institution. – 2015. – April 29. – URL: <http://www.brookings.edu/research/testimony/2015/04/29-terrorism-in-africa-byman> (accessed: 06.04.2022).
11. *Birke S.* How ISIS Rules // The New York Review of Books. – 2015. – February 5. – URL: <http://www.nybooks.com/articles/2015/02/05/how-isis-rules> (accessed: 06.04.2022).
12. *Cordesman A.H.* After the “Caliphate”: The Metrics of Daesh and the Ongoing Challenge of Extremism. Part One: Daesh, Syria and Iraq / Center for Strategic and International Studies. – 2019. – April 22. – URL: <https://www.csis.org/analysis/after-caliphatemetrics-daesh-and-ongoing-challenge-extremism> (accessed: 06.04.2022).

13. *Cordesman A.H.* Iraq as a Failed State / Center for Strategic and International Studies // Working Paper. – 2019. – November 12.
14. *Cottee S.* Pilgrims to the Islamic State. The Atlantic. – 2015. – July 24. – URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/07/isis-foreign-fighters-political/pilgrims/399209/> (accessed: 06.04.2022).
15. *Dempsey M.P.* How ISIS' Strategy is Evolving // Foreign Affairs. – 2018. – January 18. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2018-01-18/how-isis-strategyevolving> (accessed: 06.04.2022).
16. *Dempsey M.P.* Preparing for ISIS, 3.0 // Foreign Affairs. – 2017. – August 18. Global Terrorism Index 2018: Measuring the impact of terrorism. – Sydney: Institute of Economics and Peace, 2018.
17. *Guistozzi A.* Resurgent Islamic State fighting to establish territorial control in eastern Afghanistan // Jane's Terrorism and Insurgency Monitor. – 2019. – June 20.
18. *Hassan H.* Out of the Desert. ISIS's Strategy for a Long War / Middle East Institute // Policy Paper. – 2018. – September.
19. How Terrorist groups End // Global Terrorism Index 2017 / Institute for Economics and Peace. – 2017. – P. 77–78. – URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (accessed: 06.04.2022).
20. *Holmes O.* Al Qaeda breaks link with Syrian militant group ISIL // Reuters. – 2014. – February 3. – URL: <http://www.reuters.com/article/us-syria-crisis-qaeda/idUSBREA120NS2014020> (accessed: 06.04.2022).
21. ISIS abandons southeast Asian Fighters in Mosul, they are expected to build new base in Philippines // Malaysian Digest. – 2017. – April 6.
22. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism. – Sydney, 2019. – 97 p.
23. *Jones S.G.* The Islamic State's Next Wave: Transcript / Center for Strategic and International Studies. – 2019. – October 4.
24. *James S., Dobbins J., Byman D., Chivvis C., Connable B., Chandler N.* Rolling back the Islamic State. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1912-.html. (accessed: 06.04.2022).
25. *Lang H., Al Wari M.* The Flow of Foreign Fighters to the Islamic State / Center for American Progress. – 2016. – March.
26. *Lewis J.D.* (2013, September). Al-Qaeda in Iraq resurgent / Institute for the Study of War. – URL: <http://www.understandingwar.org/report/al-qaeda-iraq-resurgent> (accessed: 06.04.2022).
27. *Ramakrishna K.* The Growth of ISIS Extremism in Southeast Asia: Its Ideological and Cognitive Features – and Possible Policy Responses // New England Journal of Public Policy. – Vol. 29. – 2017. – Issue 1. – Article 6. – URL: <https://scholarworks.umb.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1705&context=nejpp> (accessed: 06.04.2022).
28. *Revkin M.* (2016, January 10). ISIS' social contract // Foreign Affairs. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2016-01-10/isis-social-contract> (accessed: 06.04.2022).
29. Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team // United Nations [Official website]. – URL: <https://undocs.org/S/2019/570> (accessed: 06.04.2022).
30. The Evolution of the Salafi-Jihadist Threat. Current and Future Challenges from the Islamic State, Al-Qaeda, and Other Groups. Center for Strategic and International Studies. – November 20, 2018. – URL: <https://www.csis.org/analysis/evolution-salafijihadist-threat> (accessed: 06.04.2022).
31. Trends in Global Terrorism: Background Report / National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism – START; University of Maryland. – 2019. – October.
32. *Venter A.J.* Al-Qaeda in the Islamic Maghreb. – South Yorkshire: Pen and Sword Military, 2018. – P. 24.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неймарк Марк Афроимович,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Mark A. Neimark,

Doctor of Sciences (History),
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: mark.neimark@mail.ru

СВЕТ, ПОЛУПРАК ИЛИ ТЬМА В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ: КУДА ВЕДЕТ КРИЗИС МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА?

LIGHT, SHADE OR DARKNESS IN THE END OF THE TUNNEL: WHERE DOES CRISIS OF MULTILATERALISM LEAD?

Аннотация: современный мир переживает турбулентно-кризисные трансформации. Динамический баланс прошлого и настоящего нарушен окончательно. На внешнеполитическом контуре России произошли фундаментальные сдвиги, всецело меняющие картину мира. Его раскол на подвижные противоборствующие блоки приобрел невиданные ранее формы и очертания. Система контроля над вооружениями разрушена. Диалог США – Россия по стратегической стабильности прекратился. Прежняя конфликтogenность резко перешла в стадию жесткого противоборства. Макросистемные трансформационные процессы усиливают по нарастающей асимметрию наличных стратегических потенциалов и балансов сил. Предпринимаемые руководством США попытки американизировать принципы, черты и характеристики нового мирового порядка входят в объективное противоречие с базовыми тенденциями современного мирового развития. Выстраиваемая строго по американским лекалам геополитическая модель переустройства не только представляется и всемерно продвигается как единственно универсальная, но и многообещающе рекламируется как некий пропуск в будущий миропорядок. В этих условиях проблема формирования нового качества разных форматов взаимодействия, соперничества и противоборства в глобальной политике приобретает особое геополитическое значение. Остроту этой проблемы предопределяют разнонаправленные процессы, связанные с феноменом «мультилатерализм/многосторонность», контрастно отражающие различия в подходах Запада и России к геополитической направленности этих форматов и их оценочному содержательному наполнению.

Ключевые слова: мультилатерализм, геополитика, стратегическая безопасность, США, Европа, Россия, новый мировой порядок.

Abstract: the modern world is going through turbulent crisis transformations. The dynamic balance of the past and present is completely broken. Fundamental shifts have taken place on Russia's foreign policy contour, completely changing the picture of the world. Its split into mobile opposing blocks has taken previously unseen forms and outlines. The arms control system has been destroyed. The US-Russia strategic stability dialogue has ended. The former conflictogenicity abruptly turned into a stage of tough confrontation. Macrosystemic transformational processes are increasing the asymmetry of existing strategic potentials and balances of power. The attempts made by the US leadership to Americanize the principles, features and characteristics of the new world order are in objective contradiction with the basic trends of modern world development. The geopolitical model of restructuring, built strictly according to American patterns, is not only presented and promoted in every possible way as the only universal one, but is also promisingly advertised as a kind of pass to the future world order. Under these conditions, the problem of the formation of a new quality of various formats of interaction, rivalry and confrontation in global politics acquires special geopolitical significance. The severity of this problem is predetermined by multidirectional processes associated with the phenomenon of "multilateralism", which in contrast reflect the differences in the approaches of the West and Russia to the geopolitical orientation of these formats and their estimated content.

Key words: multilateralism, geopolitics, strategic security, USA, Europe, Russia, new world order.

Для неискаженного понимания сущности рассматриваемого феномена прежде всего важно обратить внимание на его лингвистический аспект. В нашей стране это понятие прямо калькируется как «мультилатерализм», что исходно обозначает, как правило, его западный вариант. В российском внешнеполитическом дискурсе не всегда, но чаще всего используется переводной термин «многосторонность». И, казалось бы, здесь видятся лишь сугубо лингвистические различия, однако отнюдь не в единичных случаях они привносят смысловые разночтения и оценочные интерпретации, которые усиливаются отсутствием общего ценностного и идейно-политического знаменателя. Более того, исходно замысленная западная модель мультилатерализма уже не соотносится адекватно с невымышленной международной реальностью.

Суть российского подхода к многосторонности четко изложил В. В. Путин, призвавший понимать ее «не как всеохватность, а как необходимость привлечения тех, кто действительно заинтересован в урегулировании проблемы. И, разумеется, ничего хорошего не получается, когда в процесс, затрагивающий определенный круг игроков, реально способных договориться между собой, подчас грубо и беспардонно вмешиваются сторонние силы. Причем делают это исключительно с целью продемонстрировать свои амбиции, власть и влияние. "Застолбить поляну", развести всех, а не внести свой позитивный вклад в решение вопроса» [1].

В этом контексте важное политико-методологическое значение приобретает вопрос о смысловом стержне понятий «многополярность» и «полицентризм». Они настолько замылены повседневным частотным употреблением, что почти автоматически отождествляются даже во внешнеполитических документах, не говоря уже о многочисленных публикациях, имеющих как прямое, так и отдаленное отношение к мировой политике и международным отношениям. Между тем исходное разграничение этих понятий, их содержательная спецификация задают вектор адекватного осмысления трансформационных перспектив мирового порядка. В полярности заложено в той или иной степени прямое конфликтное противостояние; полицентризм же подразумевает усложненное взаимодействие нескольких самостоятельных центров силы, способных создавать различные геополитические конфигурации, где сохраняются расширенные возможности защиты их национально-государственных интересов¹ [4, с. 17].

Обоснованно продуктивной представляется точка зрения, обобщающая новый, актуализированный подход к многосторонности, отражающий кардинально изменившиеся реалии, в которых привычные международные схемы и формулы уже не срабатывают или их эффективность исходно минимизирована. Вместо того, чтобы пытаться восстановить старые форматы многосторонности, считает А. Картунов, нужно искать ее новые форматы, среди которых могла бы быть проектная многосторонность, принципиальная особенность которой — «наличие общих ценностей не как предварительное условие многостороннего сотрудничества, а как одна из его целей». Он исходит из того, что многосторонность XXI века сможет стать универсальной только в случае, если она подойдет для мира ценностного плюрализма и станет инструментом преодоления ценностных конфликтов в современном мире. Это означает, что «общность ценностей должна быть не отправной точкой в продвижении к многосторонности, но конечной точкой, к которой многосторонность может

---

¹ «С самого своего начала, ещё до того, как вообще стало возможно говорить о каких-то полюсах, мировая система была полицентричной. В эпоху открытого мира полицентричность была естественной, так как ни одна из великих держав не могла из-за дальних расстояний и неразвитости технологий обеспечить устойчивое доминирование над другими. В мире закрытом эта полицентричность продолжает существовать, хотя применительно к годам холодной войны она менее очевидна» [3].

в конце концов привести». С прогностической уверенностью он утверждает, что в условиях повсеместной «институциональной усталости», которая вряд ли исчезнет в обозримом будущем, продвижение многосторонности снизу-вверх способно оказаться более конструктивным, чем традиционные подходы по принципу сверху-вниз. Гибкие многосторонние режимы имеют больше перспектив, чем жесткие многосторонние организации. Формат проектной многосторонности *ad hoc* или проектной (проблемной) многосторонности становится всё более востребованным в международных отношениях [2].

В целом российское диалектическое понимание многосторонности как «единства в многообразии» — это поиск согласованных решений международных проблем в рамках многосторонних институтов и форматах регионального и глобального уровней, включая неформализованные структуры и объединения. Западноцентричная же модель мультилатерализма ориентирует, прежде всего, на продвижение своих ценностей по всему миру, внедряя их даже там, где их исторически не приемлют.

В связи с этим особого внимания заслуживает опубликованная в Париже в 2022 году коллективная монография, название которой многозначительно и тревожно говорит само за себя: «Разъединенные нации?» с уточняющим подзаголовком «Кризис мультилатерализма в международных отношениях» [5]. В ней отражены результаты профильного исследования группы, как обозначено в аннотации, наиболее авторитетных французских специалистов в этой области.

Первопричина пристального интереса к этому коллективному исследованию в том, что мультилатерализм рассматривается в нем как «базовый стержень международных отношений». Авторы сразу же оговаривают, что проблемное поле мультилатерализма «несет на себе отпечаток противоречий, двусмысленностей и ограничений» [5, с. 264]. Их совокупность отражается, естественно, на диалектике соотносительности равенства и неравенства в его организационных структурах, что явилось «дополнительной причиной заката мультилатерализма» [5, с. 335]. В книге акцентируется внимание и на другом дихотомическом противоречии: не исчезающее соперничество ведущих государств между собой — коллегиальность в принятии решений как

знаковая особенность мультилатерализма. Не забывая при этом стратегические устремления сверхдержав, которые «обладают способностью сделать, заставить сделать, помешать сделать и отказаться сделать» [5, с. 253—254]. С учетом этих обстоятельств формулируется вывод о том, что эффективность мультилатерализма зависит в первую очередь от его инклюзивности и способности сообщества регулировать поведение государств, «включая самые мощные среди них» [5, с. 24].

Критическое восприятие процессов, связанных с мультилатерализмом, фиксируется в исследовании, прежде всего, на всё более четко выраженном «противоречии между его замысленной моделью и ее претворением в жизнь» и, что подчеркивается особенно, «парализующем воздействии этого противоречия на развитии современной мировой политики» [5, с. 39]. Авторы исходят из того, что нет ни одного безоговорочно признанного всеми определения мультилатерализма. «Инклюзивный» западный подход, определяющий этот феномен как «любой тип взаимодействия в мирных форматах по меньшей мере трех акторов международных отношений», оценивается ими весьма критически, поскольку, по их мнению, мало что объясняет. Зауженная функционализация такого подхода, не учитывающая в должной мере политико-стратегическую значимость мультилатерализма, стала одной из причин кризиса традиционных межгосударственных объединений, насчитывающих сегодня около трех сотен.

При этом участники исследования специально оговаривают, что они не претендуют на формулирование единственного точного, аналитически выверенного понятия мультилатерализма. Ситуация осложняется тем, что мир переживает всесторонний, глубокий кризис — военный, экономический, социальный, пандемический. Главное сегодня, по их утверждению, «это обозначить рамки мультилатерализма, нежели отбросить его в сторону». Это особенно важно потому, что во многих случаях практика мультилатерализма становится, скорее, «ритуальной», нежели значимо эффективной, если судить о степени эффективности регулярных встреч G7 или G20.

В этих условиях осмысливается двойная задача использования мультилатерализма: «преодоление ожидаемой анархии — исходно конфликтной — в международных отношениях

и опосредованных достоинств, возникающих в результате его практического применения, сближения и взаимодействия между странами» [5, с. 13]. И — что имеет принципиальное значение с точки зрения стратегических перспектив решения этой задачи — это отнюдь не означает, как подчеркивают авторы, что унилатерализм или билатерализм совсем обесцениваются или мультилатерализм одних государств больше не будет противостоять мультилатерализму других в связи с сохранением различных союзов, активность которых прямо сказывается на балансе сил на международной арене. Совокупность этих оговорок авторы увязывают с сугубо негативными изменениями, характеризующими динамику кризисного развития международных отношений, которая наглядно отражает минимизацию переговорного процесса в целом. Правда, главный источник этого столь серьезного отката — США — ими почему-то не назван.

Французские эксперты сходятся на том, что современный мультилатерализм переживает тройной кризис: организационно-технический, обусловленный бюрократической жесткостью формулировок соглашений; юридический, не обеспечивающий должную безопасность государствам-участникам; политический, не отражающий адекватно изменившуюся реальность. Они критически оценивают позицию США и стран, следующих в фарватере их политической стратегии, которые оспаривают саму философию мультилатерализма. «Именно США с их логикой соперничества стремятся доказать, что однополярная свобода действий принесет больше выгоды участникам [этих соглашений] и что гегемония предпочтительнее лидерства». И даже с еще большим критическим нажимом: «Другими словами, логику превентивных действий, сотрудничества и солидарности они подменяют либеральной логикой — односторонней и репрессивной» [5, с. 342—343].

Причины всестороннего кризиса мультилатерализма авторы усматривают в том, что, во-первых, возможно, он достиг своей высшей стадии. Прежние самоограничения государств в пользу международных объединений входят в противоречие с интересами возросшего в 3 раза после Второй мировой войны числа новых суверенных стран. Найти компромисс между суверенностью и наднациональными решениями и потребностями становится

всё труднее. Во-вторых, установившиеся в прошлом веке рамки взаимодействия сегодня явно устарели и не отвечают новым реальностям и задачам. В результате мультилатерализм по образу и подобию ООН стал «пленником своего прошлого и заложником своего будущего». В-третьих, сами организационные рамки мультилатерализма подвергаются обоснованной критике; так обстоят дела с ВТО, которую обвиняют, в частности, в социальном ущемлении среднего класса в западных странах.

Кризис мультилатерализма объясняется в исследовании исходно заложенным в нем диалектическим противоречием «взаимодействие» — «соперничество». Ранее найденное равновесие в международных отношениях «разлетелось сегодня на осколки». Адаптировать прежний мультилатерализм к беспрецедентно изменившемуся миру уже невозможно; он нуждается в серьезном реформировании. «Возвышение так называемых нелиберальных держав — Китая, России — и закат США и Европы, покровительствующих мультилатерализму прошлых лет, предупреждают о невозможности любой мягкой формы его адаптации к новым международным условиям». Именно поэтому институты и форумы, где Запад имел привычку доминировать, страдают неспособностью сохранить прежнюю эффективность.

Отсюда, объясняют авторы, — стремление возрастающего числа стран постепенно дистанцироваться от институций, которые они раньше поддерживали. Отныне самостоятельные государства соглашаются лишь на ограниченные обязательства, которые устанавливают они сами. Инклюзивному мультилатерализму прошлого они предпочитают пересмотренный регионализм либо новый билатерализм или, что предпочтительнее, минилатерализм, позволяющий им облегченно защищать свои позиции, или же мультилатерализм сугубо «между собой» вместо участия в создании очередной лиги западных стран. «Любая сверхдержава обладает способностью обходиться без согласованного взаимодействия, лежащего в основе мультилатерализма, использовать его по своему усмотрению, пренебрегать им в тех или иных случаях — унилатеральных или билатеральных, и это без каких-либо опасений столкнуться с ответными аналогичными мерами». В основе этой геополитической, по сути, позиции лежит так называемая теория «гегемонистской ста-

бильности», согласно которой эффективность и успехи мультилатерализма прямо зависят от способности доминирующего государства устанавливать его правила, убеждать в их необходимости другие страны и, конечно же, заставлять их соблюдать. В связи с этим авторы критически оценивают мультилатералистские возможности США, констатируя «эрозию американского лидерства в мире» [5, с. 18—19].

Заключение

Критический настрой авторитетных французских исследователей по отношению к западному формату мультилатерализма в обобщенном виде отражает (по-своему) кардинальные изменения в глобальном геополитическом пространстве. Всё большее число авторитетных представителей политологического сообщества в странах Запада приходят к осознанию того, что пик глобального господства США прошел и утрата американской монополии на развитие мирополитических процессов стала реальностью. Это, разумеется, не означает, что давняя укорененная убежденность политического истеблишмента США в исключительности американской нации, в исторической уникальности геополитического «предназначения» США исчезла в одночасье. Об этом наглядно свидетельствует новая американская Стратегия национальной безопасности, принятая 12 октября 2022 года, которая без каких-либо иносказаний и полутонов позиционирует США как «глобальную державу с глобальными интересами», призванную и дальше «продолжать руководить с силой и целеустремленностью» [6].

В целом коллективный труд французских ученых расширяет, несомненно, аналитические рамки критического осмысления не только особенностей западной модели мультилатерализма, но и перспектив формирования нового мирового порядка.

Литература

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России [официальный сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 25.11.2022).
2. Картунов А.В. Многосторонность надо не восстанавливать, а изобретать заново // РСМД [официальный сайт]. – 09.12.2020. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogostoronnost-nado-ne-vosstanavlivat-a-izobretat-zanovo/> (дата обращения: 25.11.2022).

3. *Куприянов А.* Возвращение системной полицентричности // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vozvrashhenie-policzentrchnosti/> (дата обращения: 25.11.2022).
4. *Неймарк М.А.* Тревожный мир и кризисная геополитика // Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира: коллективная монография / под науч. ред. О.П. Иванова; Дипломатическая академия МИД России. – М.: Квант Медиа, 2021. – С. 11–30.
5. *Fernandez J., Holeindre J-V.* Nations désunies? La crise du multilatéralisme dans les relations internationales. – P.: CNRS Editions, 2022. – 361 p.
6. National Security Strategy. October 2022 // The White House [official website]. – Washington. 12.10.2022. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 25.11.2022).

Райнхардт Роман Отмарович,

кандидат экономических наук,
Московский государственный институт международных отношений МИД
России, Москва.

Roman O. Reinhardt,

PhD (Economics),
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: don.reinhardt@mail.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ:
СЛОВО ПРОФЕССИОНАЛАМ**

**ECONOMIC DIPLOMACY:
GIVING THE FLOOR TO PROFESSIONALS**

Аннотация: в статье представлена содержательная рецензия на монографию А.А. Нарышкина «Инструменты экономической дипломатии в обеспечении внешней политики России» (2022 г.).

Ключевые слова: экономическая дипломатия, внешнеэкономическая деятельность, санкции, внешняя политика России.

Abstract: the article provides an in-depth review of the monograph by A.A. Naryshkin “Economic Diplomacy Tools in Ensuring Russia’s Foreign Policy” (2022).

Key words: economic diplomacy, foreign economic activity, sanctions, Russia’s foreign policy.

24 февраля, вне всяких сомнений, стало поворотным моментом и точкой невозврата в новейшей мировой истории. Результаты многих изысканий в области общественных и гуманитарных наук, полученные до нее, имеют теперь больше историческую или в лучшем случае теоретическую, нежели практическую ценность. Особенно это касается прикладных политических и экономических исследований.

Обострение противостояния в плоскости санкций, пересмотр условий и частичный разрыв долгосрочных контрактов на поставку в зарубежные страны отечественных энергоносителей, общая кардинальная смена нарративов связей России и Запада — реалии, представить которые еще несколько месяцев тому назад было трудно и возможно лишь в наиболее негативных сценариях. Тем не менее теперь это объективная данность, в которой приходится существовать и работать буквально всем участникам мировой

политики и международных экономических отношений — от государств и крупных экономоператоров до домохозяйств как конечных потребителей товаров и услуг. Процесс деградации связей и одновременно адаптации к новой действительности продолжается, однако, по нашему мнению, это отнюдь не обуславливает целесообразность перечеркивания всей предшествующей хроники. Наоборот, думается, что для их возможной нормализации требуется комплексное осмысление накопленного за предшествующие годы опыта, как положительного, так и отрицательного, предполагающее рефлексии и поиск на ее базе новых точек опоры.

То же касается и внешнеполитического инструментария. Безусловно, в контексте резкого изменения характера трансграничного взаимодействия отдельные институты и механизмы уже объективно не могут работать так, как прежде. И дело не только в снижении их эффективности и, соответственно, необходимости перенастройки, но в общих принципах, зависящих от входных параметров. Так, многие органы внешних сношений по всему миру ныне работают в режиме «внешнеполитической обороны», а не «иностранных дел».

О каком конструктиве может идти речь в условиях, по меткому выражению экспертов Валдайского клуба, «осыпающегося мира» [1]? Какая уж там экономическая дипломатия, когда большинство ведущих глобальных игроков заняты санкционными состязаниями? «Забывать и не вспоминать», но мы так делать не хотим и не будем.

Одним из аргументов, укрепляющим нас, равно как некоторых наших коллег и единомышленников в подобном суждении, выступает монография А. А. Нарышкина «Инструменты экономической дипломатии в обеспечении внешней политики России» [4]. Названный труд увидел свет незадолго до начала СВО РФ на территории Украины. Он выступает частичным обобщением многолетней исследовательской, и, что очень важно, практической работы автора на ниве экономической дипломатии. С первых страниц чувствуется, что это сочинение не склонного к абстракциям теоретика, но специалиста, долгое время проработавшего «на земле», при том на разных ее участках, досконально знающего как внешнюю сторону анализируемых процессов, так и их «изнанку» (к слову, не всегда лицеприятную).

Тем не менее в монографии А. А. Нарышкина читатель не обнаружит ни идеализации, ни беспочвенной критики функционирования российского экономико-дипломатического комплекса. Несмотря на яркую обложку, книга написана по-деловому, сухим языком. Серьезность пронизывает всю ее структуру. В первой главе автор рассматривает концептуальные и правовые основы экономической дипломатии как составной части национально-внешнеполитического арсенала. Далее – во второй главе – на основе системного подхода рассматривается экономическое направление работы сети российских загранпредставительств. Третья глава посвящена отдельным элементам и трекам такой работы: нефинансовой и финансовой поддержке экспорта, инвестиционной составляющей и цифровой дипломатии как сравнительно новому, однако весьма перспективному направлению дипломатической деятельности. Наконец, в четвертой главе речь идет об экономической повестке взаимодействия России с Европейским союзом, ее партнерами по евразийской интеграции, а также в рамках Всемирной торговой организации и Организации Объединенных Наций.

Среди достоинств сочинения нам хотелось бы особо выделить солидную теоретико-методологическую базу. Уже во Введении [4, с. 6—10] автор уверенно «встает на плечи титанов», не просто подробно раскрывая в дальнейшем степень разработанности тематики в отечественной и зарубежной специализированной литературе, но фактически описывая ее эволюцию [4, с. 26—37]. Выигрышно смотрятся многочисленные ссылки на архивные материалы в части описания истории отечественной экономической дипломатии [4, с. 60—67]. Становится понятно, что А. А. Нарышкин не только компилировал уже находящиеся в обороте исторические сведения, но и тщательно изучал первоисточники. Подобный подход, в последнее время, увы, не так часто встречающийся в пределах данного тематического пласта [6], по нашему мнению, еще больше характеризует исследователя как настоящего эксперта.

Впрочем, как известно, грош цена рецензии, не содержащей помимо дифирамбов в отношении текста и славословий в адрес его автора конструктивных замечаний. Переходя к ним, во-первых, хочется отметить недостаточную «прописанность» отдельных

сюжетов, которая по существу выступает обратной стороной широты охвата соответствующих тем. Так, например, в части финансовой поддержки национального бизнеса на внешних рынках [4, с. 124—130] стоило бы, вероятно, детально рассмотреть типовые схемы и основные варианты предоставления экспортных кредитов, а также их гарантийного обеспечения и страхования. Создается впечатление, будто бы автор лишь пунктирно или «по касательной» затронул данный аспект, однако почему-то решил в него не углубляться. Скорее всего, он и не ставил перед собой такой исследовательской цели, но вместе с тем это в некоторой степени снижает иллюстративность и дидактическую ценность работы.

Во-вторых, исходя из общей логики, не вполне очевидно объединение в рамках заключительной главы 4 использования Россией ее экономико-дипломатического инструментария в отношении, как было отмечено выше, с одной стороны, двух интеграционных групп (ЕС и ЕАЭС) и, с другой стороны, двух международных организаций (ВТО и ООН). Прежде всего, полагаем, что перечисленные проблемы следовало бы содержательно и, как следствие, композиционно разграничить. Безусловно, внешне-экономическая политика в регионально-интеграционной повестке имеет немало точек соприкосновения с многосторонней дипломатией [2]. Но, как нам (да и не только нам [3; 5]) представляется, по своей природе это суть разные вещи.

Более того, ограничение указанными кейсами едва ли может быть сочтено оправданным. Почему бы не рассмотреть взаимодействие с АСЕАН или МЕРКОСУР в рамках первого направления и, скажем, МВФ и Группы Всемирного банка в пределах второго? Список можно продолжать и дальше при том понимании, что объять необъятное, к тому же с сохранением должного количественно-качественного баланса, конечно, вряд ли получится. И всё же территориально и функционально набор исследуемых практик, вероятно, можно было бы расширить. Хотя вопрос, как принято деликатно говорить в таких случаях, дискуссионный.

Зато, вопреки расхожему мнению, которое наверняка приходилось слышать автору в течение последних месяцев, нахождение Европейского союза в числе региональных приоритетов многовекторной российской экономической дипломатии нам по-прежнему представляется уместным. Да, сейчас в наших от-

ношениях с европейцами «всё сложно» — пожалуй, как никогда. Разворот на Восток, бесспорно, объективно оправдан. Но значит ли это, что нужно решительно и бесповоротно «ставить крест» на Западе? Договариваться с друзьями — ремесло. Находить точки соприкосновения с контрагентами из расширяющегося списка недружественных стран не благодаря, а вопреки такому расширению — уже ближе к искусству. В данном случае — искусству экономико-дипломатическому.

Принятие такого вызова может способствовать ответу на вопрос о том, каким образом можно было бы, по крайней мере частично, способствовать нормализации российско-европейского взаимодействия в нынешних беспрецедентно негативных (повторимся и подчеркнем) условиях. Соответственно, выводы анализа могут нести в себе потенциальную пользу для лиц, принимающих решения в области внешней и экономической политики как в России, так и за ее пределами.

Исходя из этого, искренне надеемся, что А. А. Нарышкин продолжит заниматься исследованием всех поставленных и обозначенных выше научных проблем, включая последнюю, и желаем ему в этом дальнейших творческих успехов. Резюмируя, остается добавить, что автор выступает достойным продолжателем лучших традиций отечественной научной школы экономической дипломатии [7]. А рецензируемое сочинение, если немного перефразировать классика, есть не только создание зрелого ученого, но и подвиг истинного профессионала в своем деле.

Литература

1. *Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Лисоволик Я.Д.* и др. Не одичать в «осыпающемся мире» // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – Май 2020. – 27 с.
2. *Зонова Т.В.* Дипломатия: Модели, формы, методы. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 348 с.
3. *Карабанова М.В.* Проблема экономической дипломатии в современной политической науке: теоретический аспект // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 4. – С. 200–204.
4. *Нарышкин А.А.* Инструменты экономической дипломатии в обеспечении внешней политики России. – М.: Квант Медиа, 2022. – 236 с.
5. *Пичков О.Б., Раков Е.Д.* Прямые иностранные инвестиции и национальные интересы государства. – М.: МГИМО – Университет, 2016. – 214 с.
6. *Райнхардт Р.О.* Развитие теории экономической дипломатии в России в 2000–2018 гг.: наукометрический и институциональный анализ // Научный диалог. – 2019. – № 2. – С. 283–295.
7. *Райнхардт Р.О.* Эволюция понятия «экономическая дипломатия» в российских научных трудах // Право и управление. XXI век. – 2015. – № 1. – С. 104–109.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2023. № 1 (35)

Редактор *Н.В. Багорова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 24.03.2023. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 13.5
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5